

Н. И. ПАВЛЕНКО

ГРАФ ООСТЕРМАН

Н.И. Павленко

Граф Остерман

ebooks@prospekt.org

Информация о книге

УДК [947+957]“17”(092)

ББК 63.3(2)46

П12

Автор:

Павленко Н. И., советский и российский историк, специалист в области истории России XVII–XVIII вв., доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Андрей Иванович Остерман — один из известных российских государственных деятелей немецкого происхождения XVIII в. Трудолюбивый, осторожный, тщеславный, коварный, он почти 40 лет находился во властных структурах Российской империи при царствованиях Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и правлении малолетнего Ивана Антоновича.

Биография А. И. Остермана — последний труд Николая Ивановича Павленко. Публикуется впервые.

УДК [947+957]“17”(092)

ББК 63.3(2)46

© Павленко Н. И., 2017

© ООО «Проспект», 2017

Глава первая.

Личность А. И. Остермана в свете исторических источников и оценок историков

Биограф Андрея Ивановича Остермана располагает обширным комплексом источников — в его распоряжении находятся законодательные акты, опубликованные в томах Полного собрания законов Российской империи, а также публикации журналов и протоколы Верховного тайного совета и Кабинета министров, напечатанные в соответствующих томах сборников Русского исторического общества.

Правда, ни публикации ПСЗ, ни журналы и протоколы Верховного тайного совета и Кабинета министров не отражают конкретного участия Андрея Ивановича в законотворчестве, но они создают фон, на котором разворачивалась его деятельность. Этот пробел опубликованных источников могут восполнить документы, хранящиеся в архивах.

Для биографа большую ценность представляют депеши зарубежных дипломатов — прежде всего потому, что авторы при их составлении пользовались не только официальными документами (указы, манифесты, реляции), но и личными наблюдениями, а также сведениями, извлеченными из частных бесед с русскими вельможами и высшими офицерами, прибывшими с театра военных действий. Два последних из перечисленных свойств депеш сближают их с мемуарами. Нами будут широко использованы депеши как один из источников при написании биографии Остермана.

Наряду с депешами иностранных дипломатов следует привлечь годовые отчеты посланников России, именуемые статейными списками. Если в депешах иностранцев их авторы лишь изредка подчеркивали свое превосходство над русскими дипломатами, то в статейных списках российские дипломаты подчеркивали свое превосходство над иноземными собеседниками, остроумно и убедительно отвечали на их вопросы и загоняли их в тупик вопросами, на которые те не могли дать вразумительных ответов.

Автору хорошо известны статейные списки, составленные русским посланником в Константинополе П. А. Толстым и чрезвычайным посланником России в Китае Саввой Рагузинским. Эти документы сближают высокомерное отношение их авторов к константинопольским и пекинским коллегам. Нет надобности доказывать, что содержание депеш неравноценно. Значение этих источников определяется свойствами натуры автора, его образованностью и широтой взглядов, коммуникабельностью, наблюдательностью, наконец, отношением к выполнению своих служебных обязанностей.

При оценке депеш зарубежных депеш следует, на мой взгляд, отказаться от их негативной оценки, утвердившейся в трудах некоторых современных историков — эти документы, дескать, излагают события в искаженном свете, на них нельзя положиться, поскольку они нуждаются в серьезных коррективах. Многолетнее изучение автором литературы и архивных документов по истории России XVIII столетия, их сопоставление с информацией, содержащейся в депешах, дают основания утверждать, что в отчетах зарубежных дипломатов отсутствует сознательная ложь и они достоверно отражают события. Однако это не исключает того, что к ним надобно сохранить критическое отношение, как и к прочим источникам.

Возникает вопрос о достоверности информации, содержащейся в депешах, насколько можно положиться на оценки, даваемые их авторами событиям и поступкам, современниками и наблюдателями которых они были, насколько достоверно изложены сами события. Считаю, что на поставленные вопросы можно дать положительные ответы. Во всяком случае, авторы депеш не ставили перед собой цели излагать факты в искаженном виде. Доказательствами объективности этого утверждения несть числа. Сошлемся на логический аргумент депеши. Изложить события в искаженном виде ее автор мог лишь в том случае, если бы его донесение являлось единственной информацией. Но иностранные дипломаты исполняли обязанности резидентов и посланников в течение многих лет и даже десятилетий и, в конце концов, им не было резона прибегать к искажениям, из которых им же надлежало бы выпутываться. Кроме того, в столице государства, интересы которого представлял дипломат, в мельчайших подробностях было известно происходящее в Петербурге из донесений дипломатов, аккредитованных в других европейских государствах. Наконец, бывали случаи, когда дипломаты после отправки депеши убеждались в ее недостоверности и в следующем отчете сами исправляли свои оплошности.

Неизвестный художник Портрет графа Андрея Ивановича Остермана

Пер. пол. XVIII в. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Поскольку опубликованные источники о деятельности Верховного тайного совета и Кабинета министров не подвергались источниковедческому анализу, есть резон хотя бы вкратце на нем остановиться.

Источники, опубликованные в сборниках Русского исторического общества о делах, отложившихся в Верховном тайном совете, разделены на две категории: на протоколы, в которых сформулированы постановления по обсуждавшемуся вопросу, и на «Приложения» двух видов.

Первые состояли из документов, исходивших из правительственных учреждений: Сената, Синода, президентов и членов коллегий, а также челобитные частных лиц. Получив доношения и челобитные, канцеляристы составляли справку, правда, не во всех случаях, о прецедентах, то есть аналогичных ситуациях, рассматривавшихся ранее в Сенате, когда он выполнял функции высшего правительственного учреждения. Ко второму виду «Приложений» относятся журнальные записи, в которых перечислялись лица, присутствовавшие на конкретном заседании Верховного тайного совета, а также перечень всех вопросов, обсуждавшихся на заседаниях высших в стране органов власти.

Отметим, что для историка «Приложения» не менее важны, чем протоколы, ибо в «Приложениях»

изложены обстоятельства, вызвавшие появление протокольной записи, которой придавалось значение указа.

Верховный тайный совет был учрежден именованным указом императрицы Екатерины I 8 февраля 1726 года. Указ назвал лиц, входивших в состав нового учреждения, но не определил его компетенцию, которая была сформулирована расплывчатой фразой: «...мы рассудили и повелели с нынешнего времени, при дворе нашем, как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел учредить Верховный тайный совет, при котором мы сами будем присутствовать». Указ не назвал, какие дела, внутренние и внешние, следует считать «важными» и «государственными», но, как отметил сам Верховный тайный совет, «он служит только к облегчению Ее величества в тяжком бремени правления». Последующие указы определили место нового учреждения в правительственном механизме государства. Они, во-первых, понизили ранг учреждений, считавшихся ранее высшими: Сенат из Правительствующего превратился в Высокий, а Синод из Правительствующего в Святейший.

Все центральные учреждения (Сенат, коллегии) были обязаны отправлять в Верховный тайный совет доношения. Указ выделил значение трех «первейших коллегий» (Иностранной, Военной и Адмиралтейской), предоставив им право сношения с Сенатом не доношениями, а промемориями, то есть как равные с равными.

Практика функционирования Верховного тайного совета внесла организационные уточнения в его работу: по учредительному указу он должен был заседать дважды в неделю, то есть в месяц — 8–9 раз, но заседал чаще: уже в феврале 1726 г. — 14 раз, в марте — 18, мае — 11, в июне — 18 и т. д. Пустой фразой оказалось и объявленное учредительным указом обязательство императрицы присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета. Со времени учреждения совета в феврале 1726 г. до кончины императрицы 6 мая 1727 г. он заседал 231 раз, а Екатерина присутствовала только на 12 заседаниях. Что касается Петра II, то он по своему малолетству с 6 мая 1727 г. по 20 января 1730 г. за 2 года и 1 месяц присутствовал тоже только 12 раз, причем самые интенсивные посещения относятся к 1727 г., когда он за 8 месяцев присутствовал на 8 заседаниях.

Затруднительно определить роль каждого члена Верховного тайного совета в его работе. Исключение составлял А. Д. Меншиков, до своего падения 7 октября 1727 г. являвшийся фактическим хозяином совета. Цель создания Верховного тайного совета, преследуемая инициатором его учреждения П. А. Толстым, не была достигнута (устранить диктат князя) — светлейший князь превратил его в послушное себе учреждение. Не достигло своей цели и включение в состав тайного совета зятя императрицы — герцога Голштинского. Формально он был объявлен первоприсутствующим в Верховном тайном совете, но его ограниченность и отсутствие необходимых сведений о положении в стране и, наконец, незнание русского языка, не потребовали со стороны Меншикова никаких усилий, чтобы сохранить свое в нем положение. Роль лидера герцог Карл Фридрих Голштинский не мог выполнять из-за отсутствия необходимых для этого данных.

В истории Верховного тайного совета надобно отметить эволюцию в его составе, оказавшем влияние на направленность его деятельности. Учредительный указ о создании тайного совета включил в его состав А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, П. А. Толстого, А. И. Остермана и Д. М. Голицына. Из шести членов совета пять относились к «птенцам гнезда Петрова», чья карьера была связана с преобразованиями Петра Великого, и только Д. М. Голицын представлял аристократию.

Ко времени воцарения Анны Иоанновны, упразднившей Верховный тайный совет, его состав существенно изменился. Попытка П. А. Толстого ограничить самовластие Меншикова закончилась ссылкой Петра Андреевича на Соловки. Но и Меншиков в том же 1727 г. оказался в Березове. Ф. М. Апраксин скончался в 1728 году. Таким образом, Верховный тайный совет лишился трех самых активных

сподвижников Петра Великого и вместо них его состав пополнился четырьмя Долгорукими и одним Голицыным. В итоге совет превратился в аристократическое учреждение, в котором шесть членов из восьми являлись представителями двух родовитых фамилий Долгоруких и Голицыных, предпринявшие попытку ограничить самодержавие Анны Иоанновны, но потерпевшие неудачу. Победа в схватке за власть оказалась на стороне Анны Иоанновны, а «верховники-аристократы» поплатились тюремным заключением и самой жизнью.

Лидерство в Верховном тайном совете, как уже отмечалось выше, принадлежало Меншикову вплоть до его падения. Но его разнузданное поведение, грубое отношение к своим коллегам в Верховном тайном совете, беспредельное влияние на безвольную императрицу вызвало глухой ропот верховников. Меншиков своим намерением женить Петра II на одной из своих дочерей еще более обострил недовольство бывших соратников князя.

Симон Александр Меншиков. Светлейший князь, герцог Ижорский и Козельский, генералиссимус

Гравюра. Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913?, Т.3. С. ССLXII

Напомню, что после кончины Петра Великого наибольшие права занять престол принадлежали его внуку, сыну царевича Алексея Петру, которому не исполнилось еще и 10 лет. Соратники покойного не без

основания рассудили, что, возможно, внук Петра, достигнув совершеннолетия и овладев скипетром монарха, станет им мстить за гибель своего отца, царевича Алексея. Так как Петр I не оставил завещания, называвшего наследника, то «верховники», среди которых Меншиков и Толстой наибольшую угрозу своей жизни видели в Петре Алексеевиче, водрузили корону на голову вдовы императора Екатерины I. Дело в том, что среди 123 сановников, подписавших смертный приговор царевичу Алексею, первые три подписи принадлежали Меншикову, Апраксину и Головкину, а девятым поставил свою подпись Толстой. Для перечисленных персон была безопаснее на троне Екатерина I, чем Петр II.

Со временем неприязнь к Петру коренным образом изменилась, поскольку Александр Данилович добился от Екатерины завещания (тестамент), обязывавшего наследника Петра Алексеевича жениться на одной из дочерей светлейшего князя.

В итоге неприязнь к Петру сменилась расположением к нему прежде всего Меншикова, по настоянию которого главным воспитателем отрока был назначен А. И. Остерман, а сам Петр II был поселен во дворце Меншикова, где находился под бдительным присмотром членов семьи светлейшего.

Намерения Александра Даниловича породниться с царствующей династией было близко к осуществлению, но этому воспрепятствовало несколько обстоятельств: во-первых, юный император не питал никаких чувств к помолвленной невесте Марии Александровне; во-вторых, — и это едва ли не самое главное, — Остерман исподволь, но настойчиво внушал своему воспитаннику вражду к Меншикову. Когда между Меншиковым и Остерманом возник конфликт, то Петр II поддержал не князя, а барона. Александр Данилович оказался в глубокой опале: он был лишен всех должностей и отправлен в ссылку, сначала в Раненбург, а затем в глухой Березов, где опальный князь и закончил в 1729 г. свою жизнь.

Нет надобности доказывать, что с падением Меншикова от его опеки избавился не только Остерман, но и Петр II, который забросил обучение и под влиянием своего фаворита Ивана Долгорукова и его отца Алексея Григорьевича предался разгулу и страсти к охоте. Такой образ жизни настолько изнурил неокрепший организм Петра II, что он, простудившись, скончался 19 января 1730 г., не достигнув возраста 15 лет.

Не требуется также доказывать общеизвестный и никем не оспариваемый факт, что Остерман, будучи немцем, честно служил России и отличался редкими в чиновной среде достоинствами: он не был мздоимцем и казнокрадом и если принимал подарки от иностранных дипломатов, то с разрешения императрицы. Саксонский посланник Линар полагал, что «никакими сокровищами и уловками не добудем дружбы графа Остермана, покуда он хлопочет об Пруссии».

В другой депеше, отправленной в марте того же 1734 г., Линар сообщал о средствах, к которым прибегал Остерман, чтобы создать впечатление о своей незаменимости и о том, что без него правительство не может обойтись: «он вел дела в Кабинете министров таким образом, что никто, кроме него, не знал и не ведал бы о связи между внутренними и внешними делами этого государства, для чего он без всякой помощи и почти без устали шифрует, пишет и работает один в своем кабинете». Впрочем, Линар, единственный из иностранных дипломатов, в одной из депеш извещал свой двор, что Остерман «втихомолку получил другие богатые подарки». Линар называет и денежное выражение этих подарков — три раза по 5000 рублей. Эти сведения можно считать сомнительными прежде всего потому, что Остерман, будучи «душой» Кабинета, как называл его Линар, «оракулом», как называл его саксонский посланник Зум, мог догадываться о том, что за его поступками пристально наблюдают десятки пар завистливых глаз вельмож и что получение богатых подарков от представителей иностранных государств грозило для него неприятностями. В начале июня 1739 г. Зум доносил: «Остерман играет роль оракула во всем, даже в безделицах, хотя это не препятствует ему часто сносить обиды и неприятности. Он может не опасаться опалы, так как ведает всеми делами как внутренней, так и внешней политики». Однако можно не

сомневаться в том, что любая серьезная оплошность в делах могла вызвать катастрофические для Остермана последствия.

Уникальность содержания депеш состоит в том, что в первой половине XVIII в. мемуаристика в России, отражавшая не только официальную, но и личную оценку происходивших событий, только зарождалась и что отсутствие мемуаров в известной мере восполняется депешами дипломатов, в которых то и дело встречаются личные оценки и наблюдения о происходивших событиях и о лицах, правивших страной.

Где, например, кроме депеш дипломатов, можно обнаружить такую деталь в поведении Остермана во время переговоров, как то, что он выражал удовлетворение их ходом, закатывая глаза?

На первый взгляд это мелочь, но эта реакция давала основание дипломату менять тему разговоров.

В депешах английских дипломатов в годы царствования Анны Иоанновны представляют значительный интерес сведения о ходе Русско-турецкой войны 1736–1739 гг., извлеченные из реляций президента российской Военной коллегии Миниха. Но, кроме них, дипломаты использовали результаты своих бесед с офицерами, прибывшими в столицу с театра военных действий. Они либо дополняют официальную версию, либо вносят уточнения в хвастливые реляции фельдмаршала.

Несомненный интерес представляют сведения об отношениях между иностранными дипломатами при русском дворе. Из их депеш явствует, что они ревниво следили за визитами друг друга к императрице и сановникам. Английский резидент К. Рондо организовал слежку за визитами своего коллеги — французского дипломата, о чем доносил в Лондон 29 сентября 1732 г.: «Я следил за французским послом Маньяном и убедился, что он часто совещается с фельдмаршалом Минихом, но не мог разузнать, что происходит между ними, хотя полагаю, фельдмаршал говорил за него с графом Бироном»⁴.

Важно отметить, что знаковые события придворной жизни нередко совпадали со знаковыми событиями истории России. К ним относится информация о болезни и смерти государя и государыни, о стремительно развивавшихся событиях в Москве в феврале 1730 г., о судебных процессах над Голицыным, Долгорукими и Волынским, о событиях на театре военных действий во время войн с Польшей, Турцией, Швецией и др. Что касается повседневной жизни двора, то она протекала скучно и однообразно: балы, маскарады, обеды, ужины и неизменные фейерверки. Они, разумеется, характеризуют беспечную жизнь двора и вельмож, их культурные и духовные запросы, но не они представляют главный интерес для историка России. Коротко об источниках, освещающих деятельность Кабинета министров. В целом эти источники, опубликованные тоже в сборниках Русского исторического общества, по содержанию близки к источникам, отложившимся в Верховном тайном совете, но есть и отличия. Главное из них состоит в том, что публикатор документов Кабинета министров А. Н. Филиппов предпослал публикуемым документам Кабинета министров «Предисловие» и «Введение», отсутствующие в публикации источников Верховного тайного совета — в нем I том открывается публикацией документов. Мне неизвестны причины, побудившие редактора издания «Бумаг Кабинета министров» отказаться от необходимости информировать читателя об архивах и фондах, в которых хранятся публикуемые им источники.

Я не нахожу веских оснований, почему А. М. Филиппов дал им общее расплывчатое название: «Бумаги Кабинета министров», в то время как А. Н. Дубровин дал в названии публикации перечень видов документов. Мне представляется предпочтительным использовать название А. Н. Дубровина и озаглавить публикации «Протоколы, журналы и указы Кабинета министров».

Из опубликованных документов Кабинета министров явствует, что в нем изменилась структура делопроизводства: в первые годы его существования исчезла рубрика протоколов, они были перенесены в рубрику «Журналы». В последующие годы входящие в Кабинет документы были изъяты из рубрики

«Журналы» и стали публиковаться в особой рубрике «Входящие». Эти новации, как и другие, нисколько не отразились на содержании публикации.

Попытку изобразить портрет А. И. Остермана предпринимали не только его современники, но и историки. Д. А. Корсакову в монографии, опубликованной в последней четверти XIX в., образ Андрея Ивановича представлялся таким: «Вся жизнь Остермана — упорный и постоянный труд, все его нравственное соображение — хитрость, лукавство, коварство и интрига. С Россией он не был связан ничем: ни национальностью, ни историей, тем менее родственными традициями, которых не имел. Всегда сдержанный, методичный и последовательный, Остерман постоянно действовал наверняка. Он точно следовал пословице: “Семь раз смеряй — один раз отрежь”. На Россию смотрел как на место реализации своих честолюбивых, но не корыстолюбивых целей. Остерман был “честный немец” и оставил в истории свой образ дипломатической увертливости и придворной эквилибристики, он не запятнал своего имени казнокрадством и лихоимством; в частной жизни он был в лучшем смысле слова немецкий бюргер: человек аккуратный и точный, он любил домашний очаг, был примерный муж и отличный семьянин. Обладал обширным, но абстрактным умом и, имея глубокие познания в современной ему дипломатии, он считал возможным, согласно понятиям века, все благо государства устроить последствиям дипломатических и придворных конъюнктур».

Приходится согласиться с этой обстоятельной характеристикой Остермана, написанной Д. А. Корсаковым, за исключением одного пассажа: Остерман якобы «ничем не был связан с Россией». Это заявление вступает в вопиющее противоречие с карьерой Андрея Ивановича, на протяжении без малого четырех десятилетий честно служившего России и оставившего заметный след в ее истории первой половины XVIII века.

Историк начала XX столетия В. Н. Строев дополнил пробел, допущенный Корсаковым в характеристике Остермана. Он считал его энергичным последователем Петра Великого и начинал свой отзыв об Остермане с заявления: «В Остермане мы видим крайнего государственника, который на все, даже на страх Божий, смотрит с чисто государственной точки зрения. Наряду с этим нельзя не отметить у него чрезвычайную скудость общих идей об управлении государством. Все современники отмечали в нем чрезвычайную работоспособность (в том числе не любивший его Миних), сдержанность, хитрость и жестокость. Подобно своему великому учителю, он, конечно, не задумывается принести в жертву своим государственным идеалам любую человеческую личность, как скоро это понадобится»

Я. А. Гордин, историк XXI столетия, тоже не оставил без внимания личность А. И. Остермана. Правда, штрихи его портрета разбросаны на разных страницах текста его сочинения, но в целом они дают достаточно емкий портрет немца, связавшего свою судьбу с историей России. «Остерман был человеком глубоко незаурядным... своим холодным умом он воспринимал страну как некий хитро устроенный автомат, еще не отлаженный, в котором надо заменять время от времени отдельные детали и целые блоки. Имея для этого многообразный набор изощренных инструментов, барон Андрей Иванович, вполне обрусевший, связанный женитьбой со старинными русскими родами, воспринимал Россию как поле рациональной деятельности... Остерман не был кровожаден. Он был холодно, целенаправленно и целесообразно жесток...».

Современный историк В. Н. Виноградов также отметил такие неприятные качества А. И. Остермана, как честолюбие, тщеславие, мстительность и склонность к интригам. Впрочем, как справедливо пишет Виноградов, Остерман как достойный сын своего времени сочетал в себе все пороки и достоинства людей эпохи Просвещения. К числу достоинств относились образование и острый аналитический ум. Что касается отношения Остермана к России, по мнению В. Н. Виноградова, Остерман принадлежал к тем иностранцам, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной.

С подачи Петра Великого «безродный немец» Андрей Иванович Остерман женился на представительнице знатного российского дворянского рода Марфе Ивановне Стрешневой, внучке боярина Родиона Стрешнева, одного из воспитателей («дядек») Петра I. Сам Петр I щедро награждал Остермана землями с крестьянами. Любимым имением четы Остерманов стал Красный Угол в Рязанской губернии. В браке со Стрешневой Остерман имел трех сыновей и одну дочь. Первенец Петр скончался в 1723 г., через год после рождения, Федор (1723–1804), крестник цесаревны Анны Петровны, и Иван (1825–1811) были заметными государственными деятелями эпохи Екатерины II. Федор с 1763 г. возглавлял Московскую дивизию, в годы Русско-Турецкой войны 1768–1774 гг. командовал гарнизонами Украинской линии, имея чин генерал-поручика, с 1773 г. был московским губернатором, с 1780 г. — сенатором. В преклонном возрасте серьезно увлекся проблемами православного богословия. Его брат Иван уже в конце царствования Елизаветы сделал блестящую дипломатическую карьеру — с 1760 г. и на протяжении последующих 14 лет был чрезвычайным посланником России и полномочным министром в Швеции, в 1774 г. стал вице-канцлером, а в 1783 г. — канцлером, главой Коллегии иностранных дел России. Правда, эта роль оказалась для него трудновыполнимой. Главную роль в коллегии играл А. А. Безбородко. Федор и Иван Остерманы не оставили детей, но титул и фамилия Остерман указом Екатерины II были переданы внуку их сестры Анны, который стал именоваться Александром Ивановичем Толстым-Остерманом. В 1790 г. он участвовал в штурме Измаила, в 1812 г. отличился в ходе Отечественной войны.

К приведенным выше информации о семье и о самом Андрее Ивановиче Остермане надлежит добавить несколько штрихов.

Остерман принадлежал к числу лиц, особо ценимых в дипломатии тех времен, которые умели произносить пространные монологи и при этом ничего нового собеседнику не сообщить. Иностранные дипломаты часто писали в своих депешах, что им доводилось выслушивать от Остермана ответы на заданные ими вопросы, в которых содержалось что-либо им неведомое: они оставляли кабинет вице-канцлера с тем же объемом информации, с которой к нему являлись.

Английский посланник в Петербурге Финч в депеше от 24 июня 1740 г. отметил болтливость временщика Бирона и умение Остермана держать язык за зубами, сохранять непроницаемость: «Герцог Курляндский, когда он в духе и когда ему угодно, выскажет в четверть часа более, чем граф Остерман в четверть года».

Впрочем, Остерман не жалел слов, когда было надобно «заговорить» собеседника. Эти его свойства, ценимые в дипломатии XVIII в., отметил французский посланник Шетарди в том же 1740 г.: «...Остерману ничего не стоит говорить без конца любезности, давать всякие уверения и беспрестанно притворяться искренним».

Еще одно свойство природы Андрея Ивановича состояло в его исключительной способности внушать своему собеседнику мысль о том, что она зародилась в его, собеседника, голове, а не ловко навязана ему вице-канцлером. Для этого использовались фразы, означавшие глубокую озабоченность вице-канцлера судьбами страны, которую представлял дипломат, вкрадчивый голос, которым искусно пользовался Андрей Иванович. Правда, эти приемы приносили барону Остерману кратковременный успех, со временем хитроумные приемы вице-канцлера становились достоянием иностранных дипломатов и утрачивали изначальный эффект, но все же были полезными в переговорах.

Иоганн Бальтазар Франкарт Портрет графини Марфы Ивановны Остерман (фрагмент)

1738 г. Холст, масло. Государственный исторический музей, Москва

Одни из описанных выше свойств натуры Остермана были присущи ему с юности, другие выработались в той «школе», которую он прошел в России. Поэтому стоит обратить внимание на биографию нашего героя.

Андрей Иванович (Генрих-Иоганн-Фридрих) Остерман родился 30 мая 1686 г. в вестфальском городе Бохуме в семье лютеранского пастора. Биографы Остермана располагают скудными сведениями о его детстве и юношестве. Образование он получил в Иенском университете, который не закончил, так как вынужден был бежать из Иены сначала в Эйзенах, а затем в Амстердам. Причиной его бегства было ожидавшееся наказание за убийство своего товарища на дуэли. В Голландии 17-летнего Остермана в 1703 г. встретил адмирал на русской службе Крюйс и нанял его для службы в России, куда он прибыл в 1704 г. и обратил на себя внимание знанием иностранных языков: немецкого, голландского, французского и итальянского. Лингвистические дарования Остермана позволили ему быстро овладеть и русским языком. Причем он овладел им с таким совершенством, что в царствование Петра Великого опережал современников лет на 15–20 в стиле и грамматике.

Знание иностранных языков открыло Андрею Ивановичу возможность продолжить службу в России во внешнеполитическом ведомстве: в 1708 г. он был определен переводчиком Посольского приказа. «Толмач» пришелся ко двору и с 1710 г. стал быстро подниматься по служебной лестнице; в этом же году он получил первое серьезное поручение, позволившее ему проявить свои способности при его исполнении: он был отправлен к польскому королю с извещением о взятии Риги русскими войсками, а также к прусскому и датскому дворам с целью убедить их принять более активное участие в войне против Швеции.

В 1711 г. Остерман участвовал вместе с П. П. Шафировым в заключении Прутского мирного договора с Турцией и получил звание тайного секретаря. В последующие годы ему доверяют поручения, требовавшие умения самостоятельно принимать решения: в 1713 г. он был отправлен в Берлин не в качестве курьера, а переговорщика, который должен был ориентироваться во время переговоров в ежеминутно менявшейся ситуации и самостоятельно находить достойный выход из нее. В 1715 г. Остерман в звании Канцелярии советника отправился в Голландию, якобы «для осмотра нового в ботанике изобретения», а на самом деле для исполнения поручений князя Б. И. Куракина, в руках которого находилось руководство внешнеполитическими делами с европейскими странами.

Надо полагать, что Андрей Иванович успешно справлялся со всеми поручениями, так что в 1717 г. он назначается вторым уполномоченным на Аландский конгресс для мирных переговоров со Швецией. Первым уполномоченным значился генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс, но главным переговорщиком фактически был А. И. Остерман.

Многие годы А. И. Остерман находился в приятельских отношениях с вице-канцлером П. П. Шафировым и в эти годы пользовался его покровительством. Андрей Иванович с Аландского конгресса отправлял Шафирову множество частных писем, в которых откровенно делился своими впечатлениями от общения со шведскими уполномоченными, сообщал разнообразные наблюдения, о которых было непристойно писать в официальных донесениях.

Ко времени открытия Ништадтского конгресса в 1721 г. отношения Остермана с Шафировым уже были испорчены. Тому свидетельство — прекращение отправки Остерманом частных писем Шафирову с Ништадтского конгресса. Отношения между ними стали открыто враждебными в следующем, 1722 г., когда во время конфликта между А. Д. Меншиковым и П. П. Шафировым А. И. Остерман открыто поддержал Меншикова и в его лице приобрел нового покровителя.

У подножия трона после кончины Петра Великого и в годы царствования Екатерины I и Петра II самым могущественным вельможей был А. Д. Меншиков, в руках которого при неграмотной императрице, а затем и при малолетнем императоре сосредоточивалась огромная власть. Покровительство Меншикова Остерману выразилось в том, что он ввел его в состав высшего правительственного учреждения, каким стал учрежденный в 1726 г. Верховный тайный совет.

Меншиков полагал, что в лице Остермана он обрел верного слугу, но не учел способности Андрея Ивановича изменять своим покровителям, проявляющейся, когда он чувствовал, что позиции патрона слабеют. Остерман легко приносил свою совесть в жертву карьерным выгодам. Остерман, как мы видели, совершил предательский поступок по отношению к своему покровителю Шафирову. Такой же предательский поступок он совершил позднее и в отношении своего нового благодетеля Меншикова, не без его активного участия оказавшегося в Березове.

Умение лавировать и строгое следование одному из главных правил, которые А. И. Остерман выработал для себя, — всегда держаться в тени, обеспечили ему возможность на протяжении более чем 15 лет после смерти его первого покровителя Петра Великого удерживаться у правления.

Уже сам факт, что Андрею Ивановичу удалось избежать опалы в царствование Петра Великого, Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730), Анны Иоанновны (1730–1740), Ивана VI Антоновича (1740–1741) при регентстве Бирона, а потом Анны Леопольдовны, убедительно подтверждает этот тезис.

Следует также подчеркнуть, что устойчивость Остермана объясняется тем, что как во внутренней, так и во внешней политике он избегал новшеств, всегда таивших риск оказаться в опале, и придерживался курса, определенного Петром Великим. Во внутренней политике это был курс на поощрение развития промышленности и торговли и расширения дворянских привилегий, а во внешней политике —

поддержание отношений с северными и западными соседями и укрепление союза с Австрией, являвшейся, как и Россия, объектом агрессии Османской империи.

Таковы основные вехи жизни единственного в истории России государственного деятеля — иноземца, занимавшего высшие должности в государстве в течение 15 лет. Отметим, за столь продолжительное обладание властными полномочиями было обнародовано такое незначительное количество важных нормативных актов, что для их пересчета достаточно пальцев одной руки. В его поведении причудливо сочетались безграничное честолюбие с умением временами его подавлять и стремлением оставаться в тени, не выпячивать свою персону и умно делиться не властью, а ее призраками с другими вельможами.

После краткого изложения важных вех жизни А. И. Остермана перейдем к рассмотрению его конкретной деятельности в различных властных структурах государства.

Глава вторая.

Остерман на Аландском конгрессе

Событием, после которого А. И. Остерману удалось перейти из разряда расторопных клерков средней руки российской Иностранной коллегии в политическую элиту петровской России, оказался Аландский конгресс.

Если бы правительство Швеции руководствовалось во внешней политике благоразумием, то оно начало бы хлопоты о заключении мира с Россией сразу же после катастрофы под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 г., когда Швеция потеряла почти всю сухопутную армию убитыми и пленными. Оставался боеспособным корпус в Померании, но он был разгромлен в 1712 году.

К 1718 г. экономические ресурсы Швеции были почти полностью истощены, ее мужское население было призвано в армию, так что селяне самых плодородных южных провинций лишились возможности в прежних размерах обрабатывать пашню. Войска, дислоцированные в «хлебных провинциях» Швеции, съедали большую часть урожая. Упадок наблюдался и в торговле: если в 1697 г. Швеция располагала 775 торговыми судами, то к 1718 г. их осталось почти в четыре раза меньше — 209. Блокада шведского побережья привела в упадок и промышленность, поскольку лишила ее возможности обеспечивать предприятия сырьем: пенькой, шерстью и кожами.

В не менее плачевном положении оказались людские ресурсы Швеции: ее население к началу Северной войны в 1700 г. насчитывала 1 млн 250 тыс. человек, а к 1718 г. численность сократилась почти вдвое и составила 600–700 тыс. человек, из которых самая работоспособная часть была мобилизована в армию. По сведениям Остермана, в населенных пунктах проживали старики и дети, «ибо из королевских мужиков уже, почитай, никого не осталось, который бы в солдаты не был написан».

Возникает вопрос, на что рассчитывало правительство Швеции, упорно продолжая находиться в состоянии войны с Россией и не проявляя до 1717 г. никакой склонности к миру в тех, как она считала, благоприятных для себя обстоятельствах, дающих шансы на успех? Во-первых, на неуязвимость своей коренной территории, которой можно было угрожать только при наличии у России военно-морского флота, способного противостоять шведскому, которым Россия не располагала; во-вторых, не только на дипломатическую, но и военную помощь Англии и Франции.

Оба упования оказались эфемерными. После Полтавы Россия не располагала на Балтике военно-морским флотом, способным подавить шведский, но усилиями Петра и кораблестроителей балтийский флот ежегодно пополнялся линейными кораблями и галерами; так что уже в 1714 г. оказался способен нанести первое поражение шведам.

Эфемерными оказались и надежды на военную помощь Англии и Франции. Англия, традиционно придерживавшаяся политики грести жар чужими руками, решительно отказывалась посылать свой военный контингент в помощь Швеции. Такую же позицию занимала и Франция, отказавшаяся от непосредственного участия в войне под предлогом отсутствия у нее общей границы с Россией.

Война, безусловно, пагубно отражалась и на экономике России, правда, в меньшей степени, чем Швеции, поскольку ее людские и природные ресурсы во много крат превосходили ресурсы Швеции: она располагала значительными площадями плодородной земли; в отличие от мануфактурной промышленности Швеции, работавшей на привозном сырье, промышленность России почти полностью была обеспечена собственным сырьем. Россия располагала и необходимыми для промышленности полезными ископаемыми: источниками, насыщенными солью, железными и медными рудами. Полотняная и металлургическая промышленность обеспечивали не только потребность внутреннего рынка, но и поставляли свою продукцию для продажи за границей.

Несмотря на это, война оказывала негативное влияние и на экономику России, главным образом на темпы ее развития. Поэтому Петр I тоже проявлял глубокую озабоченность о прекращении изнурительной войны и с охотой откликнулся на предложения шведов начать мирные переговоры.

В середине декабря 1717 г. Петр определил круг лиц, которым поручалось вести переговоры со шведами о мире. Возглавлял этот список авторитетный вельможа генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс, назначенный первым уполномоченным. Вторым уполномоченным значился А. И. Остерман, хотя впоследствии именно на его долю выпала главная роль переговорщика — он обладал всеми качествами дипломата, способного с успехом выполнить такое важное поручение, как заключение мирного договора. Андрей Иванович имел скрытный характер, отличался умением быть непроницаемым и в то же время мог втереться в доверие к собеседнику, умел навязывать ему мысли, которые тот к концу беседы уже считал своими собственными.

Делегация прибыла на один из островов Аландского архипелага на Балтийском море в конце апреля 1718 года. Делегация Швеции тоже состояла из двух персон: первым уполномоченным значился такой же, как Брюс, вельможа Гилленберг; второй уполномоченный, Герц, выполнял в шведской делегации такую же роль главного переговорщика, как Остерман — в русской. Впрочем, различия между ними состояли в том, что Герц был наделен более обширными полномочиями — ему разрешалось принимать решения без согласования их со Стокгольмом, в то время как Остерман должен был даже по мелким вещам испрашивать разрешения Петербурга.

Первое заседание Аландского конгресса состоялось 12 мая 1718 г., последующие происходили довольно часто, продолжительные перерывы имели место в тех случаях, когда уполномоченным сторон доводилось запрашивать свои правительства и ожидать от них ответов на вопросы, выходявшие за содержание инструкций, которыми они руководствовались. На первом же заседании русские уполномоченные заявили о территориальных претензиях на Эстляндию и Лифляндию, встретившие решительное несогласие шведов их удовлетворить, мотивировавших свой отказ тем, что обе провинции являлись житницами Швеции, а уступку Ревеля России, кроме того, шведы считали невозможным потому, что владение им Россией представляло угрозу для Финляндии. Русская делегация, напротив, считала непременным условием мира включение Эстляндии и Лифляндии в состав России на том основании, что если они останутся во владении Швеции, то она их может использовать в качестве плацдарма для нападения на Россию.

Поскольку обе делегации отказывались от уступок, будущее конгресса оказалось весьма шатким, ибо на первом же заседании переговоры зашли в тупик. По поводу позиции шведской стороны Брюс и Остерман доносили царю: «Мы удивляемся, как он, Герц, и мыслить может, что ваше величество такой мир

учинит, когда вы чрез 18 лет с счастьем и славою войну вели и оную с Божьею помощью и далее с меньшею силою вести можете, понеже великая часть тех провинций всегда к российской стороне принадлежала и вашего величества наследные земли суть. И для того ваше величество причины имели назад возвратить искать: но ежели ныне вашему величеству теми одними провинциями удовольствоваться, то какое вам из сей долгой войны за такие великие иждивения награждение было и Санкт-Петербург вашему величеству никакой или весьма малой пользы будет, ежели Ревель и все другие провинции за вами не останутся; но когда Ревель и Гельсингфорс в шведском владении останутся, то и весь фарватер от Санкт-Петербурга у них же в руках будет, и таким образом вам весьма полезнее в войне остаться, нежели такой неприемлемый мир учинить».

Англо-французская дипломатия, и особенно английская, всеми силами поддерживала шведских политиков, не соглашавшихся уступить России прибалтийские провинции. В этих условиях А. И. Остерман считал необходимым для России предупредить происки Англии и Франции: «потребно есть, дабы его царское величество подлинные свои меры взял или к сильному продолжению войны, или к миру».

Между тем шведская сторона не подавала никаких признаков стремления к миру. Хотя Карл XII, по словам шведского барона Шпарре, в свои 36 лет «уже весь стал сед и оплешивел, и токмо по обеим сторонам за ушами немного волос кудреватых осталось», он сохранял привычку вставать в 1 час ночи и до восьми утра скакать верхом на лошади. Чтобы оказать королю внимание и сделать его склонным к миру, в Петербурге решили подарить ему черкасских и калмыцких лошадей. Была выделена и значительная сумма для подкупа шведских дипломатов и стимулирования их стремления к переговорам. Давать подарки противнику, чтобы он был сговорчивее, было распространенным явлением в европейской дипломатии. В России решили, по предложению Остермана, кроме подарков компенсировать утрату Швецией Прибалтики и особенно Ревеля, обещать ей земли «в другом месте».

Никитин Иван Никитич Портрет Петра I.

Пер. пол. 1720-х гг. Холст, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Чтобы склонить шведов к миру, Остерман считал необходимым не ограничиться подарками Гилленштедту и Герцу и рекомендовал освободить из плена сына брата влиятельного шведского вельможи.

Событием, тормозившим заключение мира, был процесс царевича Алексея. Дело в том, что в столицах Европы сильно преувеличивали позиции сторонников царевича и полагали, что семейные раздоры в Петербурге вынудят царя пойти на значительные уступки, стремились затягивать переговоры в ожидании для себя более благоприятных времен. И в России все внимание правительства было сосредоточено на деле царевича, что тоже отвлекало Шафирова от мирных переговоров. Он писал Остерману: «о чудесных новых делах здесь у нас, и сами вы признаете, какой нам ныне есть досуг». Шафиров даже грозил голландскому резиденту де Би возбудить против него уголовное дело за его донесения своему правительству о смерти царевича, наносившие вред престижу России. По официальной версии, он умер от «апоплексического удара», а де Би извещал, что ему отрубили голову топором. В результате де Би был отозван из Петербурга.

Роль Остермана в переговорах была значительной не на официальных конференциях, а во время частных бесед с Герцем. Именно в частных беседах Остерман достиг значительных успехов: Герц дал согласие уступить России Лифляндию и Эстляндию, но не соглашался отдать ей Ревель.

8 июля 1718 г. Остерман прибыл в Петербург за дальнейшими указаниями от царя. Зная о том, что у него много врагов, Остерман убеждал канцлера Г. И. Головкина и вице-канцлера П. П. Шафирова, что он «во всем сем деле поступал как честному и верному слуге его царского величества надлежит».

Остерман поощрял уступчивость Герца подарками. Но на этом этапе переговоров они не могли иметь решающего значения, поскольку на первый план выдвигался вопрос о компенсации. Если в предшествующих переговорах обещание России компенсировать Швеции за утрату территорий высказывались в общей форме, то теперь Герц настаивал на их конкретной реализации. В результате вопрос о компенсации приобрел архиважное значение как для итогов переговоров, так и для судьбы переговорщиков — Герца и Остермана. Герц извещал русских уполномоченных, что «его кредит, честь и благополучие от учинения сего мира зависят». Отсутствие подвижек в переговорах и возникшие трения с Брюсом дали повод Остерману задумываться об оставлении службы в России и возвращении на родину в Вестфалию, где он, будучи нагим и босым, готов был довольствоваться «хлебом и водой».

Ситуация на конгрессе не внушала Остерману надежд на скорое окончание войны: Герц отбыл в Стокгольм за указаниями и отсиживался там в сентябре–октябре, так что на два месяца переговоры прекратились. Это вызвало у Остермана пессимистическое настроение: «Я не мог, — писал он, — избавиться от меланхолического настроения». Единственным средством принудить Карла XII к миру Андрей Иванович считал не переговоры, а диверсии на шведском побережье, которое, по его сведениям, обороняется слабыми отрядами, поскольку главные силы были сосредоточены для обороны Стокгольма.

В Петербурге разделяли эту мысль Остермана и интенсивно готовились к возобновлению военных действий летом 1719 г., тем более что Герц, возвратившийся из Стокгольма на конгресс, пробыл там неделю и вновь отбыл в столицу.

Однако поздней осенью 1718 г. в Швеции произошли два важных события: 30 ноября при осаде крепости Фридрихсгаль в Норвегии при загадочных обстоятельствах погиб бездетный Карл XII. Историки Швеции до сих пор ведут спор, чья пуля сразила короля: неприятельская или своя, шведская. На королевскую корону претендовали два кандидата: герцог Голштинский, являвшийся сыном старшей сестры Карла XII и имевший наибольшие права на престол, и младшая сестра Карла XII Ульрика-Элеонора. Именно она, располагая большим, чем герцог, числом сторонников в Швеции, была избрана Шведским парламентом-ригсдагом королевой.

После того как Ульрика-Элеонора оказалась на троне, сторонник сближения Швеции с Россией Герц был арестован, предан суду и в марте 1719 г. казнен. Все эти события не способствовали успешному исходу переговоров на конгрессе, и без того протекавших крайне вяло, причем по вине не русской, а шведской стороны, которая, по выражению Петра, «проволакивала время». Одним из средств «проволакивания» было продолжительное отсутствие на конгрессе главного переговорщика со шведской стороны Герца, отправлявшегося в Стокгольм якобы за указаниями правительства. Так, в 1718 г. он оставил конгресс 30 августа, а возвратился на него спустя более чем десять недель — 17 ноября. Вторая значительная проволочка в работе конгресса была связана с назначением вместо находившегося под следствием и затем казненного Герца нового уполномоченного. Им оказался Лиленштедт. Он тоже не спешил со своим прибытием на конгресс и оказался на нем лишь 27 мая 1719 года.

Характерная деталь, перечеркнувшая работу конгресса в предшествующие месяцы, — Лиленштедт заявил, что он уполномочен признать недействительными территориальные уступки Герца. Таким образом, с прибытием на Аланды Лиленштедта переговоры возобновлялись с нуля.

В «Истории свейской войны», отредактированной Петром I, итоги военных действий за 1718 г. охарактеризованы так: «...сею кампаниею могли б великие действа показать где хотели, понеже шведского флота не было и войска выведены были в Норвегию (и хотя конгресс был, однако ж армистиии

(перемирия. — Н. П.) не было). Но не учинили для того, чтобы склонности не помешать короля шведского, которую он имел тогда к миру».

Практически военные действия в кампанию 1718 г. прекратились.

Когда Петру стало ясно, что заключить мир на Аландском конгрессе — надежда эфемерная, он решил использовать еще одну возможность для его достижения — отправить в Швецию бригадира Петра Лефорта, а затем и Остермана в Стокгольм, чтобы они без посредников вступили в переговоры с ее правительством.

Официальные цели визита Лефорта в Стокгольм состояли в том, чтобы поздравить Ульрику-Элеонору с вступлением на престол и выразить ей соболезнование по поводу гибели Карла XII, но подлинная цель его отправки в Швецию заключалась в том, чтобы «присматривать и удобным образом под рукою разведывать о склонности ее к миру с Россией». Кроме того, Лефорт должен был убедить шведских министров в том, что Швеция получит за уступленные России территории «свои аванжажи», то есть компенсацию «в другом месте», впрочем, неизвестно в каком. Еще одно поручение Лефорту имело разведывательный характер: установить, как Швеция готовится к продолжению войны, каково состояние ее сухопутной армии и флота.

Лефорт изложил территориальные претензии России к Швеции — уступка ей Эстляндии и Лифляндии, но встретил решительный отказ шведской стороны, соглашавшейся уступить России Ингерманландию, Нарву и часть Карелии, то есть земли, принадлежавшие России и захваченные Швецией в начале XVII столетия. Таким образом, миссия Лефорта в Стокгольм оказалась бесполезной, и когда он доложил Петру о ее безрезультатности, тот решил использовать еще одну возможность достижения мира — отправить в Стокгольм опытного дипломата А. И. Остермана.

Из инструкции Остерману следовало, что царь готов был пойти на уступки: Остерману разрешалось ограничить свои территориальные притязания на уступку Швецией России Ингерманландии, Эстляндии с Ревелем и Выборгом, а также Карелии с Кексгольмом. Что касается Лифляндии, то Петр уполномочивал Остермана заявить шведам о готовности России уплатить за ее уступку денежную компенсацию. В секретном пункте инструкции Остерман должен был предложить за уступку Лифляндии уплатить Швеции один миллион ефимков русской монетой; ему разрешалось повысить эту сумму до полутора миллионов, а в крайнем случае — до двух. Шведским дворянам, владевшим имениями в Эстляндии и Лифляндии, была обещана денежная компенсация, если они не согласятся стать русскими подданными. Во время аудиенции Остермана у Ульрики-Элеоноры, состоявшейся 18 июля 1719 года, королева в резкой форме отказала удовлетворить условия мира, предложенные Россией, на что Остерман заявил шведским министрам, «что они будут тужить о том, что нынешние добрые диспозиции его царского величества к миру пропустили и на предложенных от него резонабельных кондициях миру не учинили».

В создавшейся ситуации Петру оставалось воспользоваться самым эффективным средством воздействия на Швецию — высадить десант на ее территорию. 25 июля 1719 г. был высажен десант численностью в 2400 человек, успешно громивший оказавших слабое сопротивление шведов, бросавших во время бегства пушки и убитых. Отряды десантников действовали на шведском побережье в течение августа, они разоряли шведские железные и медные заводы и сожгли множество населенных пунктов. Однако военное давление не дало желаемых России результатов, и противная сторона заявила, что Швеция «найдет себе спомощников», то есть надеялась не только на дипломатическую, но и на военную помощь Англии.

Согласно показаниям отечественных источников, десанты, осуществленные летом 1719 г., нанесли шведам следующий урон: было разрушено 8 городов, 41 дом сенаторский и шляхетский, 21 железодельный, медеплавильный, кожевенный и кирпичный завод, 1363 села, 43 мельницы и 26

магазинов.

Поездка Остермана в Стокгольм, как и поездка Лефорта в столицу Швеции, не дала положительных результатов. Шведы упрямо твердили, что «они никогда себя к миру принуждать не допустят» и их нисколько не склонит к миру угроза высадки десантов. В результате переговоров с министрами Остерману удалось добиться согласия королевы уступить России Эстляндию с Ревелем при условии, что Россия возвратит Швеции Выборг и Кексгольм. В Стокгольме по-прежнему верили в обещания Англии оказать помощь и оставляли без внимания предупреждения Остермана, что они «придут в тенденцию от короля английского и о его... всегда зависеть будут». Не смущало королеву и заявление Петра, высказанное в грамоте, врученной ей Лефортом, о том, что ее стремление к миру декларируется словами, но не подкрепляются поведением уполномоченных на конгрессе.

Царь предупреждал королеву о том, что «мы уже будем такие крепкие меры воспринять, каковые мы для получения безопасности и постоянного мира за пристойно изобретем».

Под «крепкими мерами» Петр подразумевал высадку десантов. Известие об их успешных действиях докатилось до Копенгагена, из которого русский посол В. Л. Долгорукий 29 августа извещал: «Шведы нынешнего их разорения ни оплакать, ни оценить не могут и говорят, что им ни в пять десять лет поправить их невозможно».

Несмотря на возобновление военных действий Россией, Аландский конгресс продолжал существовать. Его участникам было доподлинно известно о бесполезности его заседаний, но ни шведская, ни российская делегации не рисковали покинуть конгресс, дабы не выглядеть в глазах европейских дворов и общественности виновниками срыва мирных переговоров. Впрочем, в июне — сентябре заседания конгресса происходили реже, чем в предшествующие месяцы, поскольку сторонам были хорошо известны как позиции друг друга, так и аргументы в их защиту. Позитивных результатов от заседаний конгресса его участники не ожидали. Из частного письма А. И. Остермана к П. П. Шафирову от 15 июня 1719 г. следует, что Андрей Иванович пребывал в подавленном настроении и не находил обнадеживающих причин своего присутствия на Аланде: «Время идет для меня между тем страшно медленно, так как я не имею никаких известий от вашего сиятельства и о том, что у вас происходит. Время бежит и хороший сезон проходит, да и без того нечего делать, я только боюсь, чтобы все наши благие намерения снова не превратились в ничто». Под «благими намерениями» Остерман подразумевал высадку десантов.

Письмо Остерман отправил до высадки десантов. Но то, что их успешные действия не оказали влияния на шведские правящие круги, на которое рассчитывал Петр, Шафиров объяснял тем, что ей удалось заключить союзный договор с Англией, обещавшей помощь Швеции не только флотом, но и людьми.

Русские уполномоченные в конце концов дождались того, что инициаторами закрытия конгресса стала Швеция. 6 сентября 1719 г. первый шведский уполномоченный Лиленштедт в ответ на объявление о предстоящем отъезде с конгресса русской делегации в случае, если она в течение трех недель не даст ответа на свой ультиматум, объявил Брюсу и Остерману, что Ульрика-Элеонора велела своим уполномоченным покинуть конгресс. Русские уполномоченные уехали с конгресса 15 сентября. Таким образом, Аландский конгресс не оправдал возлагавшихся на него надежд — желаемый обеими сторонами мирный договор не был заключен. Петру не оставалось иного средства принудить шведов возобновить переговоры, как военное давление.

Сразу же после провала конгресса Петр приступил к усиленной подготовке к десантным операциям 1720 года. Цель их он определил в письме к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину так: «Нынешние конъюнктуры дел требуют: чтоб какой возможно убыток неприятелю учинить, дабы тем обнадеживание английское отвергнуть: другой — азардовать (не допускать), дабы, ежели проиграем (отчего Боже

сохрани), более неприятелей самим на себя не подвергнуть».

Высадке десанта в 1720 г. предшествовало морское сражение у острова Гренгам, где 28 июня были пленены четыре шведских фрегата. Неприятельские потери в живой силе намного превосходили потери русских войск. Последние потеряли убитыми 82 человека, ранеными — 246 человек; потери шведов составляли соответственно 103 и 407 человек. По поводу этого сражения Петр в письме к А. Д. Меншикову высоко оценил его значение: «Правда, немалая виктория может причестся, а наипаче, что при очах господ англичан, которые равно шведов оборонили, как их земли, так и флот». Русскими галерами, одержавшими важную морскую победу, командовал сухопутный генерал М. М. Голицын.

Десантный отряд под командованием генерала Ласси в составе 5 тысяч пехотинцев и 370 человек и регулярной конницы ежедневно, начиная с 18 мая, высаживался с галер и лодок на шведское побережье и сжег 4 городка, 19 центров административно-финансовых округов, 509 деревень и 79 мыз с 4159 дворами, 12 железодельных заводов, 8 пильных и 5 хлебных мельниц, 334 сенных и рыбных амбаров. Было захвачено в качестве трофеев 7 пушек, 6 новых галер, 2 новых торговых корабля, 607 пудов меди и 2605 пудов железа, 556 голов рогатого скота, 47 человек было взято в плен.

На этот раз правящие круги Швеции поняли, что надежды на военную помощь англичан оказались тщетными, что продолжение войны окончательно разорит страну и что единственный выход для спасения государства состоял в подписании мирного договора с Россией. Король Великобритании писал шведскому королю Фридриху IV, занявшему в 1720 г. шведский трон, уступленный ему супругой Ульрикой-Элеонорой: «Я заклинаю Е. В., как верный друг и союзник, не теряя времени, заключить мир с царем и устранить, поскольку это от вас зависит, неудобство и опасности, каким подвергает вас и ваше королевство теперешнее положение».

Бесперспективность продолжения войны для Швеции отметил и статс-секретарь английского правительства Тоусенд, писавший 7 апреля 1721 г. посланнику в Стокгольме Финчу: «В целом король (Георг I. — Н. П.) сожалеет, что Швеция доведена до такой крайности, но мало надежды на улучшение ими (шведами. — Н. П.) условий мира в результате продолжения войны».

В другом письме тому же Финчу дипломат выразил свою оценку положению в Швеции еще категоричнее: «От продолжения войны нельзя ждать ничего, кроме усиления царя за счет этой истощенной страны, если и не ценой полного ее разорения и гибели».

Итак, Аландский конгресс не принес желательных России результатов. Тем не менее он все же имел некоторое значение. Во-первых, он убедил царя в отсутствие надежд на успешное завершение войны дипломатическими средствами в необходимости оказывать на Швецию военное давление. Во-вторых, конгресс показал меру взаимных уступок воевавших сторон при заключении мирного договора. Возобновление переговоров должно было начинаться не с нуля, а с учетом достигнутых договоренностей на Аландском конгрессе. В-третьих, события, происшедшие после конгресса, убедили царя, с одной стороны, в том, что Англия не пойдет на разрыв отношений с Россией и что в сохранении торговли с нею было крайне заинтересовано английское купечество, а с другой — шведского короля, сменившего на троне Ульрику-Элеонору, в том, что союзница Швеции Англия ограничилась не оказанием ей реальной военной помощи, а всего лишь демонстрацией готовности оказать эту помощь. Свидетельство тому — победа русского флота над шведским у острова Гренгам, достигнутая, по выражению Петра I, «при очах» английского адмирала Норриса, выступавшего в роли наблюдателя за морским сражением.

Нам же, оценивающим деятельность А. И. Остермана, необходимо остановиться на исторических источниках, которые проливают свет на позицию А. И. Остермана, которую он занимал на Аландском конгрессе и на роль, которую он сыграл на нем.

Как отмечалось в начале этой главы, уполномоченных России на Аландском конгрессе, которым было поручено вести переговоры со шведами, было два: первым считался Я. В. Брюс, вторым — А. И. Остерман. О работе конгресса, закончившегося, как известно, безрезультатно по вине шведской стороны, сохранилось три вида документов, отразивших меру участия каждого уполномоченного в переговорном процессе. Один из видов источников представлен совместными донесениями Брюса и Остермана царю и Иноземному приказу о ходе переговоров, об условиях мира, выдвигаемых шведской стороной, об ответах на них русских уполномоченных, о реакции на них шведов. Помимо согласованных донесений, подписанных обоими уполномоченными, в архиве сохранились донесения, составленные каждым из участников переговоров отдельно, причем Брюс отправил неизмеримо меньше донесений, чем Остерман. Объясняется это тем, что А. И. Остерман, как отмечалось выше находился в приятельских отношениях с П. П. Шафировым, являвшимся вторым лицом во внешнеполитическом ведомстве, и отправлял ему наряду с официальными донесениями частные письма, содержавшие его личные оценки происходившим на конгрессе событиям.

О причинах отправки в Петербург отдельных донесений Брюса и Остермана источники ничего не сообщают, но можно высказать не лишнюю оснований догадку, что инициатором подобной информации о событиях на конгрессе был Андрей Иванович. Во-первых, он рассчитывал на приятельские отношения с Шафировым и считал своим долгом лично делиться собственными мыслями и наблюдениями, которые были чужды пониманию Я. В. Брюса, вся предшествующая деятельность которого была далека от внешнеполитических проблем. Во-вторых, Остерман, служивший в Иноземном приказе, был глубже осведомлен о положении дел в Швеции, о состоянии ее внутренних ресурсов и возможности продолжить войну. В-третьих, А. И. Остерман обладал редким и особенно ценным качеством среди дипломатов — умением втираться в доверие к собеседнику и исподволь внушать ему мысль, что у того нет более близкого, чем он, радителя о его интересах. Наконец, в-четвертых, Андрей Иванович, отличавшийся безграничным честолюбием, давал знать царю и его окружению, кого следует реально считать главным действующим лицом на конгрессе — его, Остермана, или вельможу Брюса. Короче, А. И. Остерман, отправляя свои письма и донесения П. П. Шафирову, руководствовался честолюбивыми соображениями, при этом он до поры до времени отправлял донесения и письма, не дававшие повода для раздражения, зависти и ревности первого уполномоченного. Конфликт между ними возник лишь в конце работы Аландского конгресса, когда без ведома Брюса Остерман стал раздавать меха, полученные им, Брюсом.

Какими бы соображениями ни руководствовались уполномоченные, отправляя отдельные донесения, совершенно очевидно, что такие формы информации нельзя считать нормальными, что они допустимы в порядке исключения лишь при наличии противоречий во взглядах и оценках происходившего. Однако последнее, видимо, не смущало Петра I.

Глава третья.

Конгресс в Ништадте

Надо полагать, что царь был вполне удовлетворен деятельностью Брюса и Остермана на Аландском конгрессе, и когда в 1721 г. появилась надобность назначить уполномоченных на конгресс в Ништадте, он велел отправить туда тех же Брюса и Остермана и в тех же должностях — первого и второго уполномоченного.

Автор глав о Ништадтском конгрессе Л. А. Никифоров в фундаментальной монографии «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир» то и дело употреблял фразы, составной частью которых являются слова: «Брюс и Остерман осведомились...»; «Брюс и Остерман сообщали...»; «Брюс и Остерман писали...»; «Брюс и Остерман выражали уверенность...» и др.

Подписывали донесения оба уполномоченных, но их составителем или редактором, несомненно, был Андрей Иванович, и роль Брюса ограничивалась его подписью под донесением или устными указаниями относительно их содержания. Так оценивать «разделение труда» между уполномоченными дают два обстоятельства: во-первых, об Остермане установилось устойчивое мнение современников как о человеке, пользующегося репутацией превосходного стилиста, умевшего четко, ясно и кратко излагать мысли на бумаге; во-вторых, существовала традиция — вельможа, каким являлся Брюс, был избавлен от составления деловых бумаг.

Л. А. Никифоров прав, когда отмечал, что наличие подписей двух уполномоченных под донесениями следует расценивать как свидетельство отсутствия у них разногласий, но это отнюдь не означало, что оба они держали одно перо в своих руках. Поэтому если точно определить роль каждого уполномоченного в составлении донесений, то надлежало бы писать так: «По мнению Остермана, которое вполне разделял Брюс» или: «Остерман с полного одобрения и согласия Брюса составлял донесения...» Я об этом пишу не потому, что считаю, формулу, используемую Л. А. Никифоровым, не дающей представления о том, какова была роль каждого уполномоченного в составлении донесений и, следовательно, не освещающей роли Остермана как героя моего сочинения.

О том, что оба уполномоченных пользовались полным доверием Петра и не вызывали у него сомнений в том, что они будут педантично выполнять его указания, явствует из содержания инструкции, которой они были вооружены перед отъездом на Ништадтский конгресс. Эта инструкция отличается от аналогичных документов отсутствием в ней рекомендаций по поведению уполномоченных на конгрессе, перечня вопросов, которые надлежало задать шведским уполномоченным, и содержания ответов на возможные вопросы, сформулированные противной стороной.

Основной документ, врученный уполномоченным, был составлен самим царем и назывался так: «Кондиции, на которых мы мир вечный с его королевским величеством и короной Свейскою заключить желаем». Кондиции состояли из трех пунктов и формулировали территориальные притязания страны-победительницы и в основном повторяли требования, высказанные еще во время переговоров на Аландском конгрессе: безвозмездно передать России в вечное владение Ингрию и Эстляндию с городом Выборгом. Во владение России должна была перейти и Лифляндия, но за нее она должна была уплатить Швеции компенсацию в сумме, не превышающей два миллиона рублей. Именно пункт о передаче России Лифляндии и острова Эзель за уплату Швеции компенсации составлял главное отличие условий мира, выдвинутых на Аландском конгрессе от условий, выдвинутых Россией на Ништадтском конгрессе.

Соответствующей инструкцией были вооружены и шведские уполномоченные Либлиенштедт и Штремфельдт. Предусматривалась передача России лишь Эстляндии с Ревелем. Таким образом, в главном пункте мирного договора в позициях России и Швеции по-прежнему обнаружились существенные разногласия.

Из опыта переговоров на Аландском конгрессе царю и его уполномоченным была хорошо известна манера шведов их затягивать, возобновить по пунктам, по которым уже достигнуто соглашение. Поэтому Брюс и Остерман с целью пресечения проволочек должны были потребовать ответа на их условия мира к назначенному ими сроку.

Открытие конгресса состоялось 11 мая 1721 года. Шведские уполномоченные сразу же заявили, что они никогда не подпишут договора на условии передачи России Лифляндии и Выборга: нам было бы приятнее, сказали они, «ежели б заранее у нас руки обрубить, нежели такой инструмент подписать». Они были готовы уступить России Ингерманландию и часть Карелии, а Выборг непременно должен был остаться за ними, как и все остальные территории, завоеванные Россией. Впрочем, Лифляндию они тоже готовы были уступить, но за компенсацию.

Переговоры в Ништадте, как и на Аланде, велись не только во время официальных конференций, но и на частных встречах: во время обедов, ужинов, устраиваемых то одной, то другой стороной, а также во время прогулок. Именно в неофициальной обстановке проявилась способность Андрея Ивановича внушить собеседнику мысль, что лучшего защитника интересов Швеции во всем мире, чем он, Остерман, не сыскать.

Шведским делегатам было известно, что Россия одновременно с переговорами ведет интенсивную подготовку к вторжению русских войск на территорию Швеции, и они предложили русским уполномоченным заключить прелиминарный мир. Мир, предусматривавший прекращение военных действий. Проект мирного прелиминарного договора шведские уполномоченные передали Брюсу и Остерману в середине июня 1721 года.

Проект предусматривал уступку России Эстляндии с Ревелем, Ингерманландию с городами по течению Невы, а также часть Лифляндии с Ригой, Динамюнде и Дерптом за денежное вознаграждение. Он, кроме того, содержал условия, ранее не предъявлявшиеся шведскими уполномоченными: обязательства царя не вмешиваться во внутренние дела Швеции, возвращение имений, расположенных на территориях, отошедших к России, прежним владельцам. Наконец, в представленном проекте прелиминарного договора был включен пункт о праве шведов закупать зерно в провинциях, отошедших к России.

Едва ли не самым главным в шведском проекте договора был пункт о прекращении военных действий — шведы вполне оценили катастрофические последствия для своей экономики высадки русских десантов на шведское побережье, до основания разрушавшие промышленные предприятия, города и крепости.

Положение шведской экономики ко времени заседания конгресса в Ништадте оказалось более тяжелым, чем во время Аландского конгресса. Дело в том, что главная финансовая опора Швеции, Англия, обнаружила бесперспективность продолжать войну Швецией, а также оплачивать субсидиями ее военные расходы, а также оставлять в Балтийском море свои эскадры для усиления шведского флота.

Правительство Англии настоятельно рекомендовало шведскому безотлагательно заключить мир с Россией на условиях, ею предложенных. Что касается другого союзника Швеции, Франции, то ее помощь Швеции была более декларативной, чем реальной, поскольку по Амстердамскому договору с Россией Франция обязалась отказаться от субсидий Швеции. Правда, в нарушение условий этого договора Франция продолжала оказывать Швеции финансовую помощь, но делала это тайно, следовательно, в более умеренных размерах, чем раньше. Короче, Франция, как и Англия, требовала от шведов заключения мира с Россией.

Давление на Швецию английской и французской дипломатиями хотя и не приобрело решающего влияния на уступчивость шведского правительства и его уполномоченных на Ништадтском конгрессе, но угроза оказаться в одиночестве в схватке с таким исполином, как Россия, влияла на позицию шведских уполномоченных. 23 июня Брюс и Остерман доносили Петру: «здесь дела в самую горячность пошли... Ныне явно видим, что шведы к миру склонность имеют и паче всего опасаются, что ваше величество с герцогом Голштинским не обязался».

Герцог Голштинский был использован Петром и русской дипломатией в качестве средства давления на Швецию вследствие того, что главным претендентом на шведскую корону являлся сын старшей сестры Карла XII герцог Голштинский. После гибели Карла XII королевой по избранию, а не по наследственному праву, стал не Голштинский герцог, а младшая сестра погибшего короля Ульрика-Элеонора. Герцог Голштинский прибыл в Петербург в 1721 г., был обласкан Петром, согласившимся отдать ему в жены одну из своих дочерей. Герцог в данном случае исполнял роль козырной карты не только в игре русской дипломатии, но и в игре своих сторонников в Швеции. Оба обстоятельства дали повод правящим кругам в

Стокгольме для беспокойства, о чем известили Петра Брюс и Остерман.

Информация, которой располагало правительство России о положении Швеции летом 1721 г., позволила ему надеяться на то, что она переживала критическую ситуацию и вынуждена будет согласиться на любые условия заключения мирного договора, предложенные Россией. Русский посланник в Берлине А. Головкин, пользуясь информацией западноевропейских дипломатов, доносил о состоянии Швеции: она «находится в крайнем страхе от силы его царского величества, и так, что нечего больше делать, только с его величеством мир искать с уроном, каков оной ни был». Гессенкассельский принц Георг, проживавший в Швеции, делаясь с прусским королем своими наблюдениями, сделал вывод: «Швеция в крайней мизерии находится», он отмечал наличие противоречий в правящей элите, так что все дела у нее с великою конфузией отправляются.

Отсутствие денег в шведской казне, а также людей вызвали упадок флота и армии. Цитированный выше А. П. Бестужев доносил: «Вся Швеция в великой бедности и во отчаянии, что более войны иметь не хотят и что единогласны в том намерении, наипаче и войска, что когда вашего царского величества войска на берега ступят, хотят ружья положить».

30 июня Брюс и Остерман отправили в Петербург донесение и записку под названием «Всепопданнейшее рассуждение о шведском состоянии, сколько оное до негоциации мирной на Ниештадтском конгрессе касается». И «Рассуждение», и донесение как бы подводили итоги полуторамесячных переговоров на Ништадтском конгрессе: перечислялись пункты, по которым достигнуто соглашение, назывались претензии русских уполномоченных, которые шведы отказываются удовлетворять, а также высказывалось мнение о том, какие притязания шведов можно удовлетворить, а в каких твердо отказать. Уполномоченные исходили из крайней заинтересованности Швеции в заключении мирного договора: «Шведское государство как по внешнему, так и по внутреннему состоянию дел оного видятся, что всеконечно принуждено с его царским величеством мир искать».

Также констатировалось согласие шведских уполномоченных на безвозмездную уступку России Эстляндии и Ингрии. Было достигнуто принципиальное согласие шведов уступить Лифляндию и Выборг. Спор шел всего лишь о размере компенсации за Лифляндию: шведы просили компенсацию в три миллиона рублей, а Петр разрешил своим уполномоченным уплатить максимум два миллиона. Отказывались шведы уступить России и остров Эзель, ссылаясь на то, что население острова снабжает Швецию хлебом. Таким образом, главный пункт договора удовлетворял основные территориальные требования России. Не согласованными оказались пункты, удовлетворение которых для Швеции имело первостепенное, а для России второстепенное значение. Шведские уполномоченные заявили, что они не подпишут договор, если в него не будут включены два пункта: запрещение России вмешиваться во внутренние дела Швеции, под которыми подразумевался отказ России поддерживать право Голштинского герцога на шведскую корону, и судьба земельных владений и сидевших на них крестьян, принадлежавших помещикам, проживавших в Швеции. Эти владения в результате присоединения прибалтийских провинций Швеции к России, то есть с 1710 г., находились в распоряжении русского правительства.

При ведении дальнейших переговоров Брюс и Остерман руководствовались рескриптом Петра I от 4 июля 1721 г., учитывавшим достигнутые результаты переговоров и определявшим меру взаимных уступок и обязательств. Шведы должны были обязаться «ни в которое время и никогда, вечно и ни под каким претекстом (предлогом. — Н. П.) во оные (присоединенные к России территории. — Н. П.) вступаться, и назад их требовать не будут, но наипаче обязуются и обещают его царское величество и его секцессоров (наследников. — Н. П.) российского престола при спокойном оных владении всегда содержать и оборонять».

Что касается невмешательства России во внутренние дела Швеции, то Петербург отказывался от

категорических требований, высказанных Петром в предшествующее время о включении в договор обязательного пункта о правах герцога Голштинского на шведский престол, и ограничивался менее решительной формулировкой: «по последней мере» добиваться, чтобы герцог «не был в том забыт».

Рескрипт царя от 4 июля предоставлял уполномоченным право угрожать шведам возобновить активные военные действия, если те будут затягивать переговоры: «При том же надлежит вам и то ясно объявить, что мы долго сей неготиации продолжать без действий воинских оставить для многих статских и воинских резонов не можем, ибо уже по прежним их поступкам спробовали, что такую тщетную проволокою много удобных случаев туне пропустили, и для того мы велели к действиям главным здесь и в Финляндии сильные приуготовления учинить и буде они тот трактат продолжать будут, тот за зло не приняли, что мы не упуская к действиям удобного времени, принуждены будем в том взять резолюцию, и что мы во всем том пред Богом без всякого ответа будем».

В другом рескрипте, отправленном делегатам 11 июля, Петр решительно отвергает заключение прелиминарного договора, предложенного шведскими уполномоченными, настаивая на том, «чтоб главный трактат ныне заключить», который должен быть подписан в две-три недели, «а по высшей мере и в месяц». Затяжку переговоров шведы, по мнению Петра, чинят с целью «провести сию компанию без действия, что нам позволить невозможно».

Ко времени получения рескриптов Петра I от 4 и 11 июля на конгрессе оставались несогласованными границы между Россией и Швецией в Финляндии и Карелии, вопрос о включении в договор пункта о правах герцога Голштинского на шведский трон, а также вопросы о размерах и сроках выплаты компенсации за Лифляндию и о возвращении маентностей. Шведы настаивали, чтобы компенсация была уплачена за все территории, отошедшие к России, в то время как Брюс и Остерман требовали исключить Ингрию, ранее принадлежавшую России и захваченную шведами в начале XVII столетия. Наконец, русские уполномоченные отклонили требования шведских о том, чтобы русское правительство признало за эстляндским и лифляндским дворянством привилегии, предоставленные ему Ульрикой-Элеонорой в 1719 г., то есть десять лет спустя после того, как Лифляндия и Эстляндия оказались во владении России.

К началу июля 1721 г. Брюсу и Остерману удалось достичь значительных успехов в главном вопросе, из-за которого началась Северная война, — получить согласие шведов уступить России Эстляндию, Лифляндию, Ингрию, часть Карелии и город Выборг. Владение этими территориями на побережье Балтийского моря превращало Россию в морскую державу. Вместе с тем остались несогласованными ряд вопросов, одни из которых имели большое значение для России, другие для Швеции.

Надлежало окончательно урегулировать вопрос о границе в районе Выборга: шведские уполномоченные Лилиенштедт и Штремфельд считали, что владение узкой территорией на север от Выборга должно удовлетворить Россию, и ее расширение предоставит России плацдарм для овладения Финляндией. Русские уполномоченные требовали отодвинуть границу от Выборга на 30–50 километров, что должно обеспечить безопасность крепости. Они заявили, что Россия не намерена захватить Финляндию и новая граница не должна вызывать опасения у Швеции.

Не урегулированным оставался вопрос о невмешательстве России во внутренние дела Швеции. Под вмешательством подразумевалось упоминание в договоре прав на шведский престол герцога Голштинского. Дело в том, что у Ульрики-Элеоноры и ее супруга Фридриха, которому она передала шведскую корону, не было наследников. После смерти Фредерика единственным преемником оказался сын старшей сестры Ульрики-Элеоноры герцог Голштинский, являвшийся креатурой России. Именно поэтому Брюс и Остерман настаивали на том, чтобы права герцога на трон были отмечены в договоре.

Оставался не согласованным и вопрос о размерах компенсации за уступленную России Лифляндию. Напомню, Петр соглашался уплатить Швеции максимум два миллиона рублей, в то время как шведские

уполномоченные запросили три миллиона.

Не достигнуто было в переговорах и соглашение о «маетностях», которыми владели помещики на территориях, отошедших к России. Шведы требовали, чтобы компенсация должна быть выплачена владельцам всех имений, расположенных на землях, отошедших к России, в том числе в Ингрии и Карелии. Русские уполномоченные соглашались признать права на «маетности», расположенные только на территории Лифляндии и Эстляндии и отказывались признать права помещиков на имения, расположенные в Ингрии и Карелии, поскольку эти провинции издавна принадлежали России и были отняты у нее в начале XVII столетия. Более того, Ульрика-Элеонора в 1719 г., когда истекло девять лет после того, как Лифляндия и Эстляндия в 1710 г. оказались во владении России, значительно расширила привилегии лифляндских и эстляндских помещиков. Шведские уполномоченные требовали, чтобы Россия удовлетворила привилегии, предоставленные помещикам указом 1719 г., в то время как Брюс и Остерман считали эти претензии незаконными, поскольку в 1719 г. Швеция не располагала никакими правами на обе провинции.

Обе договаривавшиеся стороны были заинтересованы в установлении мира, причем Швеция значительно больше, чем Россия, еще располагавшая ресурсами для продолжения войны; обе стороны достигали компромисса взаимными уступками. Обычным средством давления на противоположную сторону было категорическое заявление о том, что при сохранении пункта в предложенной редакции она не подпишет договора или прекратит свое участие в переговорах. В случае если шведы проявят упорство и откажутся пойти навстречу требованиям русских уполномоченных, Петр велел генералу Голицыну быть готовым к возобновлению военных действий, которые разрешал начинать без специального уведомления. Так, русские уполномоченные заявили, что если шведская сторона не согласится удовлетворить их требования о границах, то они прекратят переговоры. Равным образом шведы заявили, что без включения в договор Речи Посполитой они тоже не подпишут договора.

В итоге переговоры, надо признать, велись настолько успешно, что в течение июля и августа были согласованы все спорные пункты договора и он был подписан 31 августа. Текст Ништадтского мирного договора состоял из 24 пунктов. Нет резона излагать содержание каждого пункта, остановимся на изложении важнейших из них.

Договор устанавливал «вечный, истинный и ненарушимый мир», а также «истинное согласие и неразрешаемое обязательство дружбы» между Россией и Швецией. Обе стороны обязались не предпринимать «ничего неприятельского или противного» друг другу, ни тайно, ни явно, ни прямо, ни косвенно, не оказывать помощь третьим странам, которые выступили бы против одной из них, не вступать в союзы, враждебные заключенному договору, «но паче верную дружбу и соседство и истинный мир между собою содержать, один другого честь, пользу и безопасность охранять и споспешествовать, убыток и вред елико им возможно, по крайней мере остерегать и отвращать».

Второй пункт договора объявлял «вечное забвение всего того, что во время войны... с одной или другой стороны неприятельского или противного хотя, или инако предвоспринять, произведено и учинено, так чтоб никогда о том упомянуло не было». Четвертый пункт договора являлся стержневым, поскольку он определял удовлетворение территориальных требований России: Швеция уступала ей «в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне чрез его царского величества оружие от короны Свейской завоеванных провинций: Лифляндии, Эстляндии и часть Карелии» с городами и крепостями Ригию, Динамюндом, Пернавою, Ревелем, Дерптою, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и прочими городами и крепостями, расположенными в этих провинциях, а также островами Эзель, Даго и Меном. За уступленные провинции Россия обязалась выплатить Швеции компенсацию в сумме двух миллионов ефимков, что в переводе на русскую валюту равнялось полутора миллионам рублей.

Напомним, Петр соглашался уплатить Швеции два миллиона рублей. Таким образом, уполномоченные выторговали у шведов 500 тысяч рублей в пользу России.

Для Швеции большое значение имела статья договора, разрешавшего беспошлинно закупать в трех городах провинций, отошедших к России, хлеб на 50 тысяч рублей ежегодно. В этой позиции Брюсу и Остерману почти удалось добиться выгоды для России. Петр разрешил своим уполномоченным согласиться на закупку зерна на 100 тысяч рублей ежегодно.

Столь же важное значение для Швеции имела 9-я статья договора, предусматривавшая сохранение привилегий, которыми пользовались отдельные категории населения, отошедшими к России. Жалованная грамота Ульрики-Элеоноры 1719 г. о расширении привилегий прибалтийского дворянства договором игнорировалось.

Остальные статьи Ништадтского мирного договора имели второстепенное значение как для России, так и для Швеции — они касались частных вопросов: возобновления торговли между двумя странами, возвращения торговых домов, принадлежавших купцам в Швеции и России, обязательство оказывать помощь терпящим бедствие военным и торговым кораблям в Балтийском море, правило обмена салютами при встрече русских и шведских кораблей и др.

Петр предупредил Брюса и Остермана, чтобы они первым известили о заключении Ништадтского мира его, царя. По этому поводу Петр писал еще 7 июля 1721 г. «господам министрам» в Ништадт: «Ежели у вас с помощью Божьею станет дело приходить к доброму окончанию, дайте чрез сего курьера знать, дабы я мог в Эльзенфорс прибыть как для ближнего решения, в чем будет спор не зело в важных делах, так и для того, чтоб сие мне привезть в Питербург (понеже не чаю, кто более моево в сей войне трудился) и для того сему являтца не велите, кроме меня. Тако же, чтоб и партикулярных писем с конгресса о том ни куды ни от кого не было от наших людей». 3 сентября, когда Петр находился на острове Котлин, ему был вручен подлинный текст мирного договора с сопроводительным письмом Брюса и Остермана: «При сем к вашему царскому величеству всеподданнейше посылаем подлинный трактат мирный, который сего часу с шведскими министрами заключили, подписали и разменялись. Мы оный перевезть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась...».

В ответ Петр отправил письмо своим уполномоченным: «Отправленный от вас нашей гвардии капрал Обресков, в бытность нашу у Котлина острова, к нам прибыл с заключенным мирным трактатом, с которого всерадостною ведомостью мы сами в 4-й день сего месяца сюды прибыли и воздали Всевышнему благодарение за такой благополучный мир, и тот от вас присланный трактат немедленно перевезть велели, часу оный на российский язык могли успеть перевезть, то того же времени мы оный весь и присланную от вас образцовую ратификацию с великим нашим удовольствием и увеселением слушали и все пункты в том трактате содержанию и чрез ваши труды поставлены мы всемилостивейшее опробовали».

На следующий день, 5 сентября, русским дипломатом, аккредитованным при иностранных дворах, был отправлен рескрипт с извещением о заключении Ништадтского мира. Всем им велено в один день, 22 октября, отметить заключение мира торжественными приемами, на расходы посланы были значительные суммы. В ознаменовании мира было объявлено «прощение и отпущение всем», за исключением осужденных за убийство и неоднократные разбои. Налогоплательщики освобождались от уплаты недоимок, образовавшихся по 1718 год.

Значение Ништадтского мирного договора для дальнейших судеб России трудно переоценить — он как бы подводил итоги изнурительной войне, продолжавшейся 21 год, и отражал новое качественное состояние России. Московия, о которой на Западе имели смутное представление, превратилась в результате Северной войны в могучую европейскую державу, с существованием которой стали считаться в

Европе. Ништадтский мир, закрепив за Россией Прибалтику, придал ей статус морской державы, она обзавелась военно-морским флотом, самым могущественным на Балтийском море.

Новое качественное состояние России выразилось в том, что Сенат и Синод 20 октября 1721 г. обратились к Петру с просьбой принять титул отца отечества и императора Всероссийского. Отныне Русское государство стало называться Российской империей. К голосу России стали прислушиваться на европейских форумах, с ее силой и влиянием стали считаться и стремились вступить с ней в дружественные отношения.

Ништадтский мир имел огромные последствия и для Швеции, но его влияние для ее судеб было отрицательным, поскольку он положил конец ее великодержавию. В результате Северной войны и других внешнеполитических акций она лишилась своих владений на европейском континенте и должна была довольствоваться скудными ресурсами скандинавского полуострова.

Радости Петра не было границ. Самым ярким проявлением его торжества над противником были празднества, посвященные заключению победоносного мира, устроенные 22 октября, когда он забрался на обеденный стол и стал плясать. Император называл Северную войну «трехвременной школой» и разъяснил это: «Все ученики науки в семь лет оканчивают, но наша школа трехкратное время была, однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Глава четвертая.

Андрей Иванович под крылом Меншикова

Участие А. И. Остермана в Аландском конгрессе было первым его поручением, выполнение которого позволило ему в полной мере раскрыть свои способности переговорщика, свою расторопность и изворотливость. Неудачный исход переговоров несколько не уменьшил благосклонность царя к Андрею Ивановичу — Петр был в курсе работы конгресса и знал о защите Остерманом и Брюсом — двумя иностранцами — интересов России. О том, что Брюс и Остерман не утратили доверия Петра, следует из того, что он назначил их уполномоченными на мирных переговорах в Ништадте, закончившихся удовлетворением России и присоединением Эстляндии и Лифляндии. Заслуга Остермана в заключении Ништадтского мира и его позиция в споре Шафирова с Меншиковым были высоко оценены Петром, и Андрей Иванович в 1723 г. был пожалован почетным званием барона.

Со времени заключения Ништадтского мира имя Остермана стало упоминаться в депешах иностранных дипломатов при русском дворе. Формально руководителем внешнеполитического ведомства России значился канцлер Г. И. Головкин, фактически внешнюю политику страны определял царь, а исполнителями его воли являлись вице-канцлеры П. П. Шафиров, а затем А. И. Остерман.

Роль теневого вельможи, разумеется, не могла удовлетворить неукротимо рвавшегося к должности главного исполнителя воли царя. В точности неизвестно, когда приятельские отношения между Остерманом и Шафировым сменились враждебными. Отсутствие писем Остермана к Шафирову с Ништадтского конгресса дают основания полагать, что они уже были натянутыми перед открытием конгресса, ибо во время его работы Андрей Иванович отправлял послания, содержавшие информацию, которой удобно было извещать приятеля, но появление которой исключалось в официальных донесениях.

Мне неизвестны причины охлаждения отношений между начальником Шафировым и его подчиненным Остерманом, но в точности известно, что в 1722 г. во время ссоры А. Д. Меншикова с П. П. Шафировым, происходившей в стенах Сената, Остерман, забыв о покровительстве Шафирова, стал публично поддерживать светлейшего князя. Тщетно искать в источниках того времени мотивов, которыми руководствовался Андрей Иванович, когда с легкостью необыкновенной, забыв о том, как Шафиров

способствовал его карьере, но они настолько очевидны, что можем высказать две безошибочные догадки, причем обе они относились к его карьерным интересам.

Во-первых, Андрей Иванович резонно рассудил, что светлейший князь А. Д. Меншиков пользовался куда большим уважением Петра Великого, чем П. П. Шафиров, и, следовательно, под его крылышками он достигнет больших успехов, чем при опеке П. П. Шафирова, из которой он извлек все возможное. Во-вторых, Андрею Ивановичу было нетрудно догадаться, кто в сваре между двумя вельможами окажется победителем и кто побежденным. Было очевидно, что победу одержит Меншиков, что побежденный Шафиров окажется в опале и лишится должности вице-канцлера, на которую втайне претендовал Остерман.

На этот раз расчеты Андрея Ивановича оказались безошибочными: Шафиров лишился не только должности вице-канцлера, но мог лишиться и жизни, если бы за него не заступилась супруга императора Екатерина Алексеевна, и наказание опального вельможи Петр ограничил ссылкой во Псков.

В итоге должность вице-канцлера оказалась вакантной, и Петр Великий не обнаружил лучшего кандидата на этот пост, чем А. И. Остерман. Надо полагать, что Остермана на эту должность рекомендовал Петру и А. Д. Меншиков. Под покровительством Меншикова не обремененный совестью Остерман чувствовал себя вполне комфортно в кресле вице-канцлера. Светлейшего князя нисколько не смущал факт предательства Остерманом своего бывшего покровителя, он уверовал в то, что он обрел верного слугу и без оглядки способствовал его карьере.

Возможности Александра Даниловича оказывать покровительство Остерману значительно расширились после кончины Петра Великого. На троне должен был воссесть его внук, сын царевича Алексея, но А. Д. Меншиков вместе с П. А. Толстым сделали все возможное, чтобы на троне оказался не 10-летний Петр II, а вдова покойного императора Екатерина Алексеевна.

Оба они опасались мести Петра II: повзрослев, полагали они, Петр II будет им мстить за гибель своего отца: Меншикову за то, что он третировал его и позволял по отношению к нему грубое обращение; второму за то, что уговорил царевича Алексея возвратиться из бегов в Россию, где царь нарушил свое обещание не подвергать его наказанию за побег.

Расчетливые дельцы Меншиков и Толстой решили, что для них куда безопаснее будет воцарение вдовы покойного императора Екатерины Алексеевны, тем более что они имели право истолковать присвоение ей титула императрицы, совершенное по повелению Петра I в 1724 г., как его намерение вручить императорский скипетр именно ей, а не кому-либо другому.

В 1724 г. Петр торжественно в Успенском соборе Кремля короновал свою супругу императрицей. Сторонники ее воцарения истолковали эту акцию как его еще одно намерение объявить ее наследницей престола.

Никитин Иван Никитич Петр I на смертном ложе

1725 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Судьбу трона решали сила, а также настойчивость Меншикова. Когда сановники собрались у тела покойного императора, раздалась барабанная дробь выстроившихся на площади двух гвардейских полков: Преображенского и Семеновского. Первым из них командовал Меншиков, вторым — генерал Бутурлин.

— Кто осмелился привести их сюда без моего ведома — разве я не фельдмаршал? — спросил президент Военной коллегии князь Репнин.

— Я велел прийти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя, — отрезал Репнину Бутурлин.

Когда кто-то из сторонников великого князя Петра Алексеевича предложил открыть окно, чтобы, по видимому, обратиться к собравшейся у дворца толпе за помощью, раздался властный голос Меншикова:

— На дворе не лето.

Свои слова светлейший князь подкрепил приглашением в покои гвардейских офицеров, которых обласкала Екатерина и которые поклялись свернуть шеи ее противникам. Так, без применения силы бывшая пленница Марта Скавронская стала императрицей Екатериной I.

Возведение Екатерины на императорский трон положило начало распоряжения гвардейскими полками императорским троном на протяжении всего XVIII столетия. В данном случае их роль была пассивной, в последующее десятилетие они по-хозяйски распоряжались судьбами престола, являясь движущей силой переворотов.

Воцарение Екатерины повлияло на судьбу союза князя Меншикова с графом Толстым. Их более не угнетала угроза оказаться в опале, и их совместные действия при возведении на трон Екатерины Алексеевны постепенно становились сначала прохладными, а затем и враждебными. Граф Толстой явно был в этой схватке слабее светлейшего князя.

Хотя Екатерина Алексеевна еще в 1724 г. в благодарность за руководство ее пышной коронацией с позволения Петра Великого и возвела Петра Андреевича в графское достоинство, он не мог на равных соперничать с Александром Даниловичем в степени близости к императрице и оказываемом на нее влиянии. Меншиков свыше двух десятилетий оказывал Екатерине разного рода услуги, важнейшая из которых состояла в том, что она стала известной царю благодаря его старанию, в то время как Толстому она была обязана единственной услугой — организацией коронации.

Властный Меншиков при Екатерине I вступил на первую ступень своего превращения в полудержавного властелина. При Петре II он стал фактическим правителем России и даже пытался породниться с царствующей династией путем брачного союза малолетнего императора Петра II и своей дочери Марии.

Депеши прусского дипломата Мардефельда освещают преимущественно условия восшествия Екатерины Алексеевны на престол и сведения о первых месяцах ее царствования. Мардефельд полагал, что Екатерина обязана восшествием на престол А. Д. Меншикову: «Как только царь простился с гвардейскими офицерами, — доносил Мардефельд королю в депеше от 10 февраля 1725 г., — Меншиков повел их всех к императрице. Последняя представила им, что она сделала для них, как заботилась об них во время походов и что, следовательно, ожидает, что они не оставят ее своею преданностью в несчастье. На это поклялись они под сильным плачем и стоном ее величеству, что все они лучше согласятся умереть у ее ног, чем допустят, чтобы кто-либо другой был провозглашен».

Жан-Марк Наттье Портрет Екатерины I

1717 г. Масло, холст. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Активное участие в провозглашении Екатерины наследницей трона принимал и голштинский министр Бассевич: «Он работал день и ночь, чтобы помочь склонить к нему (герцогу. — Н. П.) сенаторов и министров, и ему действительно посчастливилось примирить Ягужинского с Меншиковым и привлечь его на сторону императрицы».

Послушаем, что о ней поведал посланник Франции при русском дворе Кампредон. В депеше от 18 апреля 1725 г. он извещал свой двор о заявлении императрицы о том, что дружбу и союз с Францией «она предпочла бы всем державам в мире».

Положительное отношение Екатерины к Франции на первых порах заслужило положительную оценку ее личности французским дипломатом, в депеше от 13 февраля 1725 г. он пишет: «Она все более и более привлекает сердца вельмож и народа своим милосердием и жертвованиями». Однако Кампредон полагал, что чрезмерные пожалования императрицы «подорвут к ней уважение», хотя, по его наблюдению, все ей «повинуются с тою же верностию, как и к покойному царю». В депеше от 5 марта писал о ее «изумительных дарованиях», которые «развиваются с каждым днем», однако не сообщил, в чем эти «изумительные дарования» проявлялись. Скорее всего, хвалебный отзыв посланника объясняется

заявлением императрицы о своем желании скрепить дружбу России с Францией.

В первые месяцы своего царствования Екатерина пользовалась советами двух лиц, стараниями которых она получила императорскую корону: А. Д. Меншикова и П. А. Толстого. Последний в первые месяцы царствования Екатерины «стал правой рукой» ее и «служил ей с ловкостью изумительной. Это лучшая голова в России». Дела он ведет так же искусно, как и осторожно «Он как истинно ловкий и хитрый политик открыто не выказывает превосходства своего над товарищами, заставить их принять все то, что он порешил в тайных совещаниях своих с царицей».

Роль «правой руки» императрицы Толстой выполнял несколько месяцев и постепенно был оттеснен Меншиковым на второй план, а затем оказался в ссылке на Соловках.

Кампредон в депеше от 3 мая 1725 г., наполненной характеристиками всех самых важных вельмож России, так отзывался о П. А. Толстом: «Он сохранит существенное значение в правительстве, какие бы перемены не происходили здесь. Царица, к которой он привязан из-за личных интересов своих, решительно не может обойтись без его советов. Это человек тонкого ума, твердого характера и умеющий придавать ловкий оборот делам, которым желает успеха; он враг венского двора и очень расположен к Франции».

В то же время грубый и безмерно честолюбивый князь А. Д. Меншиков, скрывающий свои непривлекательные черты натуры при Петре Великом, распоясался при Екатерине. Адмирал Ф. М. Апраксин уже в первых числах февраля 1725 года жаловался ей, что князь Меншиков чересчур выдвигается вперед, что его надменность оскорбляет его товарищей и что поэтому он, адмирал, умоляет ее величество заставить князя держаться согласно своему долгу, в границах равенства с прочими сенаторами, а не выделяться, как он это делает».

Согласно сведениям Кампредона, императрица в ответ на жалобу заявила Апраксину: «Прост же ты, если думаешь, будто я повелю Меншикову пользоваться хоть единой каплей моей власти. Я этого человека знаю лучше вас».

Обещание императрицы не делиться с Меншиковым «хоть каплей моей власти» на деле оказалось пустым бахвальством. Он, никем не сдерживаемый, дал волю своему необузданному честолюбию и сумел подчинить влиянию не только Сенат, Верховный тайный совет, но и слабохарактерную Екатерину I и малолетнего Петра П.

В вышеупомянутом отзыве Кампредона о сановниках, правивших страной, он начинал свои отзывы о них с Меншикова: «Князь Меншиков пользуется величайшей властью, какая может выпасть на долю подданного. Он деятелен, предприимчив, правда, немножко болтлив и несколько склонен лгать, но может быть очень полезен; от него можно добиться чего желаешь, не вдаваясь с ним в откровенность на счет тайных причин желания».

Кампредон был прав, когда отмечал своеволие, произвол и грубый нрав Меншикова. Видимо, с его подачи Екатерина возвратила Шафирова из ссылки ко двору, что вызвало переполох у некоторых вельмож, особенно Остермана, опасавшегося возобновления его прежних обязанностей. По мнению Кампредона, Шафиров «был самым опасным, самым злым врагом Остермана, предавшего его во время конфликта с Меншиковым», и своими тайными происками сгубил его в мнении покойного царя для того, чтобы занять его место. Кампредон опасался, что Остерман настолько был расстроен, что мог «лишить себя жизни». Возвращение Шафирова «крайне раздражит Толстого, не выносящего соперников, и еще более того оскорбит канцлера Головкина, Ягужинского и в особенности Остермана, которые почти одинаково ненавидели Меншикова и Шафирова».

Царица поступила бы опрометчиво, если бы, как полагал Кампредон, согласилась на восстановление

в должности человека, который погубил себя честолюбием и вспыльчивостью и который из мести способен принести благо государству в жертву своему злопамятству».

Опасения вельмож оказались напрасными: восстановление Шафирова в должности вице-канцлера, которую занял Остерман, не состоялось и благосклонность к нему императрицы выразилась в возвращении ему большей части конфискованных имений.

30 июня 1725 г., спустя два с половиной месяца после составления цитированных выше депеш, Кампредон приводит нелестное суждение герцога Голштинского о том, к чему может привести нынешнее поведение императрицы: «...если она будет продолжать развлечения, к которым ее приучали целых 15 лет, то Сенат приобретет слишком большое влияние на дела и царица незаметно утратит и часть своей власти, и уважение, и преимущества, заслуженные ее великими дарованиями. Развлечения эти заключаются в почти ежедневных, продолжающихся всю ночь и добрую часть дня попойках в саду с лицами, которые по обязанности службы должны всегда находиться при дворе». Некоторые вельможи пытаются отдалить от нее наиболее доверенных лиц, которые «отвлекают ее от дел и вызывая отвращение к ней».

Мардефельд был уверен, что «скоро докажут дела, что императрица намерена оказаться более полезной друзьям, а своим врагам более грозной, чем это предполагают теперь». Прусский посланник зря надеялся на способность императрицы проявлять самостоятельность, ее возможности ограничивались поступками частного значения. Единственной акцией общегосударственного масштаба было учреждение Верховного тайного совета. Однако инициатива его учреждения принадлежала не Екатерине, а П. А. Толстому.

Учредительный указ о создании Верховного тайного совета гласил, что он создается для облегчения многотрудных обязанностей, лежащих на императрице. Доля истины в этой мотивировке бесспорно присутствует, но не эта причина побудила Петра Андреевича Толстого подать инициативу об учреждении Верховного тайного совета. При посредстве этого учреждения он пытался ограничить самовластие Меншикова.

Произвол столь же грубого, как и честолюбивого князя довелось испытать не только Толстому, но и Екатерине I. В итоге указом императрицы в феврале 1726 г. в стране возник высший орган власти — Верховный тайный совет, занявший позицию выше Сената, ставшего вместо Правительствующего высоким. В Верховном тайном совете — А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, Ф. М. Апраксин, А. И. Остерман — лица, обязанные своей карьерой Петру Великому. Знатные фамилии были представлены одним Д. М. Голицыным, потомком Гедиминовичей. Немец А. И. Остерман оказался в Верховном тайном совете благодаря протекции Меншикова, продолжавшего его считать своим верным и незаменимым слугой.

А вот Павел Ягужинский, «око государево» при Петре I, продолжал терпеть оскорбления со стороны Меншикова. Современники свидетельствовали, что еще 31 марта 1725 г., когда тело покойного императора Петра I находилось в Петропавловском соборе, к гробу подошел генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский и под воздействием винных паров обратился к нему со словами: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять шпагу, чего я над собою отроду не видал». Ягужинский за эти слова мог заплатить расправой Меншикова, но Екатерине удалось уговорить его довольствоваться извинениями обидчика.

Мардефельд назвал имена членов Верховного тайного совета, среди которых отсутствовало имя П. И. Ягужинского. По сведениям посланника, Павел Иванович этим «был чрезвычайно оскорблен. Царица положительно не хотела назначать его в совет, ибо не считает его расположенным к себе, что следует приписать его неукротимым выпадам против Меншикова и малой умеренности в употреблении вина. Быть может также, что он под влиянием вина больше распространился касательно великого князя, чем это позволяет щекотливость предмета».

История ничего примечательного не запечатлела в непродолжительном царствовании Екатерины I. Да и вряд ли можно было ожидать от неграмотной императрицы каких-либо неординарных поступков, свидетельствующих о наличии у нее качеств государственного деятеля. Она была удобным монархом для временщика Меншикова. Из свойств характера Екатерины Алексеевны современники отмечали ее спокойствие, доступность и милосердие. После царствования ее сурового супруга Петра Великого перечисленные черты натуры привлекали придворных и вельмож, более не опасавшихся расправы разгневанного императора, но их было совершенно недостаточно, чтобы приобрести репутацию государственного деятеля.

В царствование Екатерины I заметное место в правительстве России приобрел герцог Голштинский — супруг дочери Екатерины I Анны Петровны. Герцог прибыл в Россию в качестве жениха одной из дочерей Екатерины: Анны или Елизаветы. Выбор пал на Анну Петровну. При жизни Петра Великого она была помолвлена, но свадьба состоялась после его кончины. Анна Петровна имела репутацию красавицы и умницы. Прусский посланник Мардефельд был о ней высокого мнения: «Я не думаю, что в Европе нашлась в настоящее время принцесса, которая могла бы поспорить с ней в красоте, а именно в величественной красоте. Ростом она выше обыкновенного; она при дворе выше остальных дам, но талия ее до того изящна и грациозна, что кажется, будто природа создала ее такою рослою для того, чтобы и в этом отношении, как и в других, ее нельзя было сравнивать ни с кем другим.

Она брюнетка и, без искусственных средств, цвет ее лица весьма белый, живой. Все части ее лица до того прекрасны, что если б их каждую отдельно подвергать рассмотрению по правилам античных художников, то и тогда нельзя было бы отрицать совершенство их». Далее следует описание внешности и манер великой княжны. «Когда она молчит, то можно читать в ее больших прекрасных глазах всю прелесть и величие души. Но когда она говорит, то делает это с такой непринужденной ласковостью и, если прибавить сюда, что она имеет прекрасный рот, белые и правильные зубы и две ямочки на щеках, то нельзя себе представить ничего милее ее». Вслед за этим идет описание ее душевных и нравственных свойств. «Она отлично говорит по-немецки и по-французски и предпочитает чтение моральных и исторических книг всякому другому времяпрепровождению, а именно таких книг, которые развивают ее ум и суждения и ведут ее к добродетели и науке. В последних она сделала такие удивительные успехи, что нельзя достаточно похвалить ее проницательность и душевные качества.

Неудивительно, что она, развив таким образом природный свой ум чтением и разговорами с умными людьми, стала глубоко всматриваться в мерзость своей собственной нации, стала лучше различать истину от лжи, совершенно другими и беспристрастными глазами начала смотреть на дела о браке и престолонаследии. Нельзя и описать, с каким гневом она относится к коварству и грязным московитам вообще, какое отвращение она питает к их невежеству, обжорству и пьянству и свинскому образу жизни вообще, и что сама мать ее находит в этом наслаждение».

Невозможно проверить справедливость оценки Мардефельда, но не подлежит сомнению, что Анна Петровна была девицей с привлекательной внешностью и отличалась образованностью, достигнутой чтением книг. Сомнительно, однако, описание Мардефельдом отношения Анны Петровны к собственному народу. Скорее всего, прусский дипломат свое отношение к русскому народу приписал Анне Петровне; но это всего лишь моя догадка.

Не подлежит сомнению и другое наблюдение: по интеллекту Анна Петровна далеко превосходила своего супруга — личность ничем не примечательную и не выдерживающую сравнения со своей супругой.

Вот и Мардефельд, не поленившись дать обстоятельный отзыв об Анне Петровне, уклонился от характеристики ее супруга. Здесь он ссылается на мнения других современников. В депеше от 27 февраля 1727 г. Мардефельд писал об участии герцога «в самых секретных совещаниях» и сообщал, «что русская

императрица его весьма уважает и питает к нему полное доверие за его ум и умение сохранить тайну».

Спустя несколько дней после учреждения Верховного тайного совета Екатерина ввела в его состав герцога Голштинского. Назначение было встречено «верховниками» одобрительно. Мардефельд 2 марта 1727 г. доносил королю: «Ее величество царица старается, по возможности, укрепить авторитет герцога в совете, члены последнего, по-видимому, весьма довольны этим, ибо их голоса таким образом не только освобождаются от влияния князя Меншикова при обсуждении важных дел, но также уравнивается надменное и им ненавистное первенство последнего персоной герцога, почитаемого ими за весьма справедливую беспристрастную особу».

Надежды Мардефельда на то, что назначением герцога в Верховный тайный совет создавался противовес Меншикову, не оправдались — светлейший и его подчинил своему влиянию и шаг за шагом приобретал статус полудержавного властелина.

Не нашли подтверждения и надежды на то, что Верховный тайный совет станет выполнять роль противовеса влиянию Меншикова, особенно возросшего в царствование Петра II, что подтверждает депеша Мардефельда: «Могущество Меншикова невообразимо возросло. Это имеет следствие расстройства государственных дел и заседаний Верховного совета. Все, что пожелает князь Меншиков и барон Остерман, может считаться уже исполненным, и правительственный совет, по всем вероятностям, в скором времени сделается пустым украшением».

Значение Меншикова в управлении государством отметил и саксонский дипломат Лефорт, полагавший, что «никто не может заменить его в делах исполнительной власти и никто не захочет взять на себя всю тяжесть таких обязанностей». Ему вторил австрийский посланник, утверждавший, что светлейший князь «несмотря на все свои недостатки, он полезен своему государству».

Из перечисленных свидетельств иностранных дипломатов нуждается в уточнении суждение Мардефельда, поставившего Остермана на второе место после Меншикова по степени влияния на правительственные дела. На мой взгляд, степень их влияния была несопоставимой — Остерман до падения Меншикова втайне хотя и ненавидел его, но безропотно выполнял его волю, поскольку две ключевые должности (воспитателя великого князя и члена Верховного тайного совета) получил благодаря протекции князя. Еще раньше назначения в Верховный тайный совет Остерман был определен, по настоянию Меншикова, в главные воспитатели Петра II. Пожалуй, это была самая важная в стране должность, поскольку открывала безграничные возможности главному наставнику войти в доверие к императору и от его имени действовать в осуществлении своих честолюбивых планов. Надобно обратить внимание читателя: при абсолютной монархии все именные указы издавались от имени императора или императрицы, будь императором грудной ребенок, как Иоанн Антонович, или отрок, как Петр II, или, наконец, незаметная Екатерина I. Значение Остермана в связи с этими назначениями возросло безмерно, хотя и не отличалось устойчивостью.

Екатерина занимала трон два года и четыре месяца и скончалась 6 (17) мая 1727 г. от закоренелой болезни легких. В конце апреля Мардефельд доносил: «...несколько дней все находимся здесь в смущении и страхе, ибо царица в прошлую субботу заболела вторично старою болезнию, и при том так сильно, что она причастилась и во дворец были призваны все министры и весь генералитет, но, слава Богу, в ночь с воскресенья на понедельник болезни наступил перелом и выступил пот; по этим и другим благоприятным признакам медики считают царицу вне опасности, так как и грудь стала свободна, в чем состояла главная болезнь ее».

Прогноз медиков или информатора Мардефельда оказался ошибочным — смерть отступила от своей жертвы всего на две недели, чтобы с новой силой обрушиться на императрицу и доконать ее.

Глава пятая.

Остерман и падение полудержавного властелина

Ко времени кончины Екатерины I отношение Меншикова к Петру II коренным образом изменилось — из ярого противника он превратился в такого же откровенного сторонника его воцарения. Дело в том, что у князя созрел план женить императора на одной из своих дочерей и таким образом породниться с царствующей династией и стать тестем императора. Этот план был запечатлен в тестamente (завещании) Екатерины I, подписанном по ее повелению дочерью Елизаветой Петровной.

А. Д. Меншиков был близок к осуществлению своей мечты — стать тестем императора: была отпразднована помолвка императора со старшей дочерью князя Марией. Жених и невеста обменялись кольцами, будущий тесть поселил будущего зятя в своем дворце — он считал, что вследствие принятия этой меры он будет находиться под бдительным надзором своей супруги Дарьи Михайловны, невесты Марии, сына Александра и свояченицы Варвары Михайловны.

Предпринятая Александром Даниловичем мера не была излишней, поскольку он не без основания опасался, что содержать императора в полной изоляции и избавить его от стороннего влияния, способного расстроить его матримониальные планы, не удастся. Коротко о тех лицах из окружения 11-летнего императора, которые оказывали на него влияние, исподволь настраивая против Александра Даниловича, в глазах современников выглядевшего грубым и неотесанным временщиком, перед которым надлежало гнуть спину.

Судя по свидетельствам современников, наибольшим уважением и любовью Петра II пользовалась его сестра, не по летам рассудительная (она была старше его на один год и три месяца), девочка, дававшая своему брату разумные советы, которыми он на первых порах руководствовался в своих поступках. Их взаимной приязни способствовало положение круглых сирот, лишившихся в раннем детстве материнской ласки и отеческой заботы, — мать скончалась 1 ноября 1715 г. спустя несколько недель после того, как родила сына Петра (он появился на свет 12 октября 1715 г.), а отец погиб 26 июня 1718 г., когда Петру не исполнилось и трех лет.

Князь Иван Алексеевич Долгоруков

Гравюра Лаврентия Серякова с портрета К. Бреже. 1881 г.

Значительное влияние на Петра оказывал сын князя Алексея Григорьевича Долгорукого Иван, молодой человек, который был старше Петра II на шесть лет. О том, как Иван Алексеевич познакомился с Петром Алексеевичем, еще до восшествия того на престол поведал князь М. М. Щербатов в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России»: Иван Долгорукий «в единый день нашел его (Петра. — Н. П.) единого, пал пред ним на колени, изъясняя всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет и к его крови, изъясняя ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его законным наследником Российского престола, прося да увериться в его усердии и преданности ему. Таковые изъяснения тронули сердце младого, чующего свое нещастие князя. Тотчас доверенность последовала подозрениям, а после и совершенная дружба, по крайней мере со стороны князя Петра Алексеевича, сих молодых людей соединила».

В этом же сочинении автор дал обстоятельную характеристику Ивана Долгорукова, относящуюся ко времени, когда Петр Алексеевич после кончины Екатерины I занял императорский трон: «Князь Иван Алексеевич Долгоруков, друг и наперсник государев, столь ему любимый, что даже на одной постели с ним спал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер-камергеры, возложена на него была андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенского полка гренадерской роты и все родственники его были возвышены, правя по изволениям их всеми делами империи.

Последовали казни государевы; министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгонялось от двора и, пользуясь склонностью государевой к охоте, она всех важных учреждений места заняла...»

«Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к каковым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем. Пьянство, роскошь, любодееяние и насилие место прежде бывшего порядка заступили».

«Молодые государевы лета от распутства его сохранили, но подлинно есть, что он был верен, чтобы со временем в распутство впасть; а до тех мест любимец его, князь Иван Алексеевич Долгоруков всем сим пользовался и утружденного охотою государя принуждал поневоле представленные ему весельи вкушать...»

«Наконец возвратился государь в Москву из Коломенского уезду — новые начались весельи: ежедневно медвежья травля, сажание зайцев, кулашные бои с весельями придворными все часы жизни его занимали, даже как простудился, занемог воспою, в девятый день скончался, и вся надежда Долгоруковых, яко скудельный сосуд о твердый камень сокрушилась. Осталось токмо память сего царствования, что неисправленная грубость с роскошью и с распутством соединилась. Вельможи... в роскошь, жены стыд, столь украшающий их пол, стали оный забывать, а нижние граждане приобыкли льстить вельможам».

Отметим, название сочинения полностью отражает авторский замысел, состоящий в противопоставлении допетровской Руси с ее патриархальным укладом жизни Российской империи, в которой стали руководствоваться иными, чем в XVII столетии, критериями служебной годности: ранее высоко ценимая порода вельмож уступила место личным способностям дворянина, его образованности, независимости суждений, готовности заимствовать разумное и полезное, существовавшее в странах Западной Европы, в противоположность боярам допетровской Руси, чуравшимся общения с представителями западной цивилизации.

Знал ли Меншиков о тлетворном влиянии Ивана Долгорукова на великого князя, а затем императора? На этот вопрос следует дать более чем положительный ответ: не только знал, но и пытался ему противодействовать, используя характерный для себя способ избавить императора от неугодных лиц: он велел выдворить Ивана Долгорукова из столицы в глубокую провинцию. Сколь велика была тяга императора к Ивану, свидетельствует вызов его из ссылки сразу же после опалы Меншикова.

После сестры императора Натальи Алексеевны, скончавшейся 22 ноября 1728 г., и Ивана Долгорукова третьим лицом, пользовавшимся исключительным расположением и доверием Петра Алексеевича, был А. И. Остерман. Меншикову было невдомек, что Андрей Иванович ради своей карьеры готов поступиться и совестью и благодарностью к своему покровителю. Александр Данилович не извлек урока из факта предательства Остерманом Шафирова и продолжал покровительствовать его карьере, за что жестоко поплатился. Меншиков назначил Остермана воспитателем великого князя, продолжавшего выполнять эту обязанность и после того, как Петр II стал императором, объявив себя вопреки обычаю совершеннолетним, не нуждавшимся в опеке, в 12-летнем возрасте.

Остерман, став воспитателем Петра Алексеевича, обрел ключевую позицию для влияния на него. Он не жалел ни времени, ни усилий, чтобы войти в доверие к своему воспитаннику и более того — заслужить его любовь. Остерман не любил охоты, но, чтобы угодить Петру II, не только не старался погасить эту страсть, но и участвовал в его охотничьих забавах. Равным образом Андрей Иванович не любил верховой езды, но, преодолевая неприязнь к ней, отправлялся вслед за воспитанником галопировать по полям и лесам.

Любовь воспитанника Андрей Иванович завоевал еще и тем, что ослабил к нему требовательность в выполнении учебных заданий. Тем самым Меншиков создал самые благоприятные для Остермана условия, чтобы, находясь неразлучно с воспитанником, втереться к нему в доверие и полностью овладеть его волей. Андрей Иванович в полной мере использовал свою должность для того, чтобы изо дня в день убеждать юного монарха в том, что ему принадлежит абсолютная власть, которой должны подчиняться все, в том числе и Меншиков. Внушения Остермана падали на благоприятную почву — Петр Алексеевич и без того тяготился суровой опекой князя, пытавшегося преодолеть склонность его к пустому времяпрепровождению и нежелание овладевать знаниями.

Александр Данилович не заметил, как вокруг него создавалась враждебная атмосфера, при которой достаточно было незначительного повода, чтобы последовало превращение полудержавного властелина в опального подданного, лишенного всех должностей и власти.

Неизвестный художник Портрет А. Д. Меншикова

1716–1720 гг. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Такой повод представился в сентябре 1727 г., когда Петр II, питая нежные чувства к своей сестре Наталье, решил наградить ее подарком: он велел взять из казны 500 рублей, вручил их одному из слуг, которому поручил отнести подарок княжне. Слугу с деньгами, направлявшегося к сестре, случайно встретил

Меншиков и когда узнал, что он несет Наталье Алексеевне подарок от брата, велел деньги вернуть в казну.

Поступок князя следует признать обоснованным, казна действительно была пуста и подобные подарки были непозволительны, но у отрока-императора отсутствие денег в казне не вызывало тревоги, зато он почувствовал себя уязвленным распоряжением князя и пришел в ярость: Петр то кричал, что он император и никто не смеет отменять его повеления, то выражал намерение сурово расправиться с послушником и топал ногами.

Влияние Меншикова на Петра II ослабело настолько, что после очередной ссоры с князем будто бы заявил: «Смотрите, разве я не начинаю его вразумлять?» Эта фраза означала конец опеки князя.

Действительно, почти во всех депешах, отправленных в начале сентября 1727 г., фигурируют фразы, свидетельствующие о падении кредитов Меншикова: царь «не может ни видеть, ни слышать его»; Меншиков едва «мог добиться свидания с царем, твердом в своем решении свергнуть его».

Развязка наступила 7 (18) сентября 1727 г., когда царь после очередной ссоры с князем запретил всему двору ходить к Меншикову, «а на следующий день он послал приказ гвардейским полкам не слушаться ничьих приказаний, как только его собственных» и добавил: «Меншиков, может быть, думает обходиться со мной, как с моим отцом (царевичем Алексеем. — Н. П.)».

8 (19) сентября Меншикову был объявлен домашний арест, вызвавший у него обморок. Обращение Александра Даниловича и его супруги к царю с просьбами о помиловании не имели успеха. В опале оказалась вся семья князя, в том числе и невеста императора, дочь Меншикова, Мария, у которой было отобрано подаренное женихом обручальное кольцо.

17 сентября 1726 г. Мардефельд доносил: «Дела князя Меншикова идут все дальше и дальше, и так как в подобных случаях нет недостатка в наущениях, то он пользуется весьма малой милостью, кредиты герцога Голштинского, напротив, сильно поднялись и можно сказать, что он настолько могущественный, насколько сам желает быть, и при этом с общим одобрением, ибо у него столько же друзей, сколько у князя врагов».

В другой депеше Мардефельд объясняет причины падения влияния светлейшего: «Достоверно, что князь поддался своему высокомерию и злоупотребляет милостью, которой он пользуется до такой степени, что он завел такие порядки в гражданском и военном ведомствах и начал уже приводить их в исполнение, которые сделали бы его действительным правителем, а царице оставили только одно имя. Это дошло, наконец, до того, что он владел всеми делами, касающимися высочайших помилований, и отправлял по денежным и другим важным делам в коллегии и приказы, лишь им самим подписанные. При том он завел деспотическое и жестокое правление и сделал этим неудовольствие столь общим, что конец мог быть весьма неизбежным для всего государства, а наверное, раньше всего для него самого».

Мардефельд справедливо полагал, что намерение Меншикова женить великого князя на одной из своих дочерей укрепит его власть настолько, что он «будет в состоянии все предпринимать по своему усмотрению. Вопрос, следовательно, сводится лишь к тому, желает ли царица и себя и своих детей отдать произволу князя или недопущением такого брака одновременно лишит его могущества, которым он до сих пор пользовался».

Герцог даже решил выехать из России, если царица сохранит свою благосклонность к Меншикову. «По моему мнению, — рассуждал Мардефельд, — все будет зависеть от того, которая из обеих партий (сторонников и противников Меншикова. — Н. П.) сумеет привлечь на свою сторону барона Остермана и графа Левенвольде, ибо последние вполне в состоянии склонить царицу к твердому окончательному решению. Пока держатся они еще отдельно и не хотят участвовать в этом деле. Смятение с обеих сторон очень велико, но не в далеком будущем окажется, какой исход примет это дело».

Соперничество двух партий устранила кончина Екатерины I 6 мая 1727 года. Так как Меншиков исхлопотал согласие Екатерины, закрепленное ее завещанием (тестamentом), об обязательстве наследника престола жениться на одной из его дочерей, то положение князя коренным образом изменилось. «Могущество князя, — доносил Мардефельд королю спустя неделю после смерти Екатерины, — невообразимо возросло в несколько дней. Он вполне овладел душой и личностью молодого царя. Он окружен одними креатурами князя, и для предохранения себя от всяких случайностей последний уговорил его жить у себя на острове, причем он уступил ему половину дворца и домик в саду. Это отделение царя имеет следствием большое расстройство государственных дел и заседаний Верховного тайного совета».

Спустя три недели после смерти Екатерины Меншиков превратился во временщика, фактически управлявшего страной, что не утаилось от наблюдательного Мардефельда, 26 мая извещавшего короля: «Царь отдался теперь совершенно в руки князя Меншикова и живет у него в доме. Все, которых он когда-либо любил и которые находились на его стороне, отстраняются от него и отправляются на службу в Сибирь, Казань и подобные места. Князь никому не разрешает разговаривать с царем, если сам или кто-нибудь из его поверенных не присутствует при этом». Вывод Мардефельда однозначен: «Меншиков навлекает на себя бесконечные подозрения и ненависть, которые ему угрожают пагубными для него последствиями».

Впрочем, в депеше от 17 июня Мардефельд признал, что его оценка князя нуждается в уточнении: «То, что я доносил прежде вашему величеству касательно князя Меншикова, будто он играет игру, заставляющую многих роптать и которая ему лично может сделаться весьма опасною, видоизменяется теперь тем, что, во-первых, князь низложил всех своих противников и никто и двигаться не смеет и, во-вторых, тем, что и императорское семейство теперь пришло к тому мнению, будто между всеми вельможами Российской империи нет другого, который лучше бы занял место при особе императора и был бы более способен на строгие решения и исполнения их». Мардефельд полагал, «что настоящее правление продолжится без всякой перемены».

Ход дальнейших событий при дворе показал, что Мардефельд ошибался в суждении о том, что князь упрочил свое положение настолько, что его правлению ничто не угрожает. Сам Мардефельд в депеше от 8 июля извещал королю: «Князь Меншиков до сих пор был предметом неугасимой ненависти, что он и заслужил вполне».

Во время отправления этой депеши Меншиков лежал в постели больным. О смертельной болезни Мардефельд извещал короля в депеше от 12 июля: «Болезнь Меншикова до того усилилась, что он уже соборован и без чуда нельзя больше надеяться на исцеление его. К чахоточному кашлю присоединилась лихорадка и притом припадок так силен, что медики считают его болезнь неизлечимою при преклонных летах его».

В сентябре 1727 г. отношения между императором и Меншиковым достигли такой напряженности, что их не могли не заметить иностранные дипломаты. 5 сентября 1727 г. Мардефельд доносил: «...князь Меншиков пользуется несовершеннолетием государя во вред государству, завладел могуществом и авторитетом правителя и старается слишком ограничить значение особы императора и администрации. Так как нет никого, кто мог бы состязаться с ним, то нет более действительного средства к его унижению, как предать полный авторитет самодержавной власти царя, причем министры, а в особенности Остерман, будут значительно сильнее его уже потому, что он в настоящее время пользуется гораздо меньшей милостью императора, чему служит доказательством все, что приходится слышать или видеть ежедневно».

В депеше от 30 сентября 1727 г. Мардефельд объясняет причины падения Меншикова: «Должно признаться, что князь принял все меры, которые должны были ускорить его падение, и легкомысленно отказывался от всего того, что ему советовали добрые люди его, следуя единственно своей страсти к

деньгам и необузданному честолюбию. Ему следовало бы действовать заодно с Верховным тайным советом, поддерживать хорошо государственный строй, им самим заведенный, и этим приобрести и удержать за собой расположение императора и великой княжны (Натальи Алексеевны. — Н. П.). Его действия прямо противоположны всему этому: он присвоил себе права правителя, прибрал к своим рукам все финансовое управление и располагал всеми делами, как военными, так и гражданскими по своему усмотрению, как настоящий император. Его величеству императору и великой княжне он досаждал самым чувствительным образом и отказывал обоим в самом необходимом в том ложном мнении, что таким образом он будет их держать под своей ферулой (надзором. — Н. П.).

Перед отъездом в Петергоф он по этой причине поссорился с молодым императором, для поправления чего он и предложил ему это увеселительное путешествие, император, однако, продолжил свое холодное с ним обращение, что побудило князя вернуться с дачи сюда двумя днями раньше.

Генерал-лейтенант Салтыков объявил Меншикову об его аресте, после чего князь вышел в приемную и жаловался всем присутствующим, что вот как его награждают за верную службу государству и молодому императору.

Конфликт между Меншиковым и императором назревал давно, и события, происшедшие в первых числах сентября 1727 г., лишь завершили его. Напряженные отношения между ними выражались в том, что император избегал встреч как с Меншиковым, так и со своей невестой Марией Александровной, а если они и происходили, то отличались холодностью.

3 сентября 1727 г. состоялось торжественное освящение церкви в имени Меншикова в Ораниенбауме, на котором обещал присутствовать Петр II, но не прибыл. На следующий день Меншиков прибыл в Петергоф, где находился император и где он намеревался помириться с ним, но Петр рано утром отправился на охоту, а его сестра Наталья, чтобы не встречаться с князем, выпрыгнула в окно, чтобы присоединиться к брату. 5 сентября был объявлен указ императора интенданту Мошкову: “Летний и Зимний дома, где надлежит, починить и совсем убрать, чтоб к приходу его величества совсем были готовы, и спрошен он, Мошков, был, как те дома вскоре убраны быть могут”. Мошков ответил, что дворцы будут готовы через три дня.

6 сентября все вещи Петра II из дворца Меншикова были перенесены в Летний дворец. В тот же день был опубликован указ гвардейским полкам, чтобы они впредь слушались приказаний только двух лиц: Юсупова и Салтыкова.

Неизвестный художник Портрет Петра II

Около 1800-х гг. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Княгиня Меншикова с молодым князем припали вчера к стопам императора, что возбудило к ней большое сочувствие, ибо она весьма благочестивая и добродетельная особа и так слаба, что многократно при этом падала в обморок, император поднял и утешал ее. Затем пошла она к великой княжне Елизавете Петровне, чтобы передать просьбу своего супруга заступиться за него перед императором».

В следующей депеше 23 сентября Мардефельд извещал короля о некоторых важных подробностях падения Меншикова: «больше всего способствовало его опале участие в событиях Остермана, которого Меншиков намеревался низвергнуть. Меншиков обвинил барона в том, что он препятствовал императору в частом посещении церкви, что нация этим недовольна, ибо она не привыкла к такому образу жизни своего монарха, что Остерман старается воспитывать императора в лютеранском вероисповедании или оставить его без всякой религии, так как он сам ни во что не верит.

Хотя Остерман и назначен был воспитателем великого князя, но с тех пор, как последний стал императором, он уже больше не может занимать эту должность. Наконец, князь намеревался в этом деле привлечь на свою сторону духовенство.

Когда же Остерман в Петергофе хотел объясниться с кн. Меншиковым и ему представил все

вышесказанное, князь разгорячился и думал его испугать своею властью: он ему повторил опять те же обвинения, обругал его атеистом и спросил его, знает ли он, что он (Меншиков. — Н. П.) его сейчас может погубить и сослать в Сибирь.

Остерман наговорил ему много сурового и, между прочим, сказал ему, что князь ошибается, что он в силе сослать его в Сибирь. Он же, барон, заставит четвертовать князя, ибо он вполне заслуживает этого.

Исход этого дела ясно доказывает неразумность поступка князя, и дай Бог, чтобы исход этот не сделался более печальным, чем он теперь.

Князь просил отсрочку отправления на восемь дней, в чем ему, однако, отказали, и он отправился в путь третьего дня после обеда, он и его семейство ехали в каретах, запряженных шестеркой; его сопровождали 50 или 60 багажных телег, а также все его слуги из немцев. Выезд случился в воскресенье, стояла прекрасная погода, отчего и обе стороны были наполнены огромными толпами народа».

Описание Мардефельдом причин опалы князя Меншикова, как и его ссора с Остерманом, а также отправление в ссылку в Раненбург принадлежит к самому обстоятельному описанию трагедии полудержавного властелина, как назвал А. С. Пушкин светлейшего князя. Тем не менее и в этом описании имеется существенный пробел, наличие которого трудно объяснимо. Мардефельд справедливо отметил, что падению Меншикова «больше всего способствовал» Остерман, но ограничился описанием последней стадии конфликта князя с бароном, хотя, вне всякого сомнения, сентябрьские события стали всего лишь завершением накала конфликта, возникшего значительно раньше.

Энергичные хлопоты супруги князя о его помиловании оказались бесполезными. 7 сентября она 45 минут стояла на коленях перед Остерманом, умоляла его ходатайствовать перед императором помиловать Александра Даниловича, но тот промолчал.

7 сентября Петр II явился в Верховный тайный совет, где подписал указ: «Понеже мы всемилостивейшее намерение взяли от сего времени сами в Верховном тайном совете присутствовать и всем указом отправленным быть за подписанием собственныя наша руки и Верховного тайного совета; того ради, повелели, дабы никаких указов или писем, о каких бы делах оные ни были, которые от князя Меншикова или от кого иного партикулярно писаны или отправлены будут, не слушать и по оным отнюдь не исполнять под опасением нашего гнева и о сем публиковать всенародно во всем государстве и в войске и в Сенате».

Четкие формулировки указа дают основание полагать, что он был сочинен самим А. И. Остерманом. Указ означал, во-первых, падение полудержавного властелина и, во-вторых, объявление 12-летнего отрока полновластным владельцем императорского трона.

Источники не сообщают, кто руководил решительными действиями императора, но известно, что в его окружении не было более опытного советника и интригана, чем Остерман. Остается предположить, что именно он подсказывал отроку, как тому надлежало действовать против князя в эти решающие дни. Вместе с тем в поведении Андрея Ивановича, отраженном в его письмах к князю, нетрудно заметить его стремление усыпить бдительность светлейшего подобострастными словами: «Вашу высококняжескую светлость всепокорнейшее прошу о продолжении вашей высокой милости и, моля Бога о здравии вашем, пребываю с глубочайшим респектом вашей высококняжеской светлости всенижайший слуга А. Остерман». Он заставил и своего воспитанника сделать следующую приписку к своему письму: «И я при сем вашей светлости и светлейшей княгине, и невесте, и своячине, и тетке, и шурина поклон отдаю любительны. Петр».

В следующем письме, отправленном Меншикову 21 августа, Остерман вновь убаюкивал князя уверованиями в добрых чувствах к нему своего воспитанника: «Его императорское величество писанию

вашей высококняжеской светлости весьма обрадовался и купно с ее императорския высочеством (Натальей Алексеевной, также ненавидевшей Меншикова. — Н. П.) любезно кланяются, а на особое писание ныне ваша светлость не извольте прогневаться, понеже учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены, а из Ропши, надеюсь, писать будут. Я хотя весьма худ и слаб и нынешней ночи разными припадками страдал, однако ж еду».

Оба письма свидетельствуют о том, что Меншиков не подозревал о реализации Остерманом своего намерения отправить противника в Сибирь и проявил полную беспечность человека, привыкшего к покорности окружающих. За эту беспечность светлейший дорого заплатил.

У Меншикова оставалась последняя надежда умилостивить императора, и он не преминул ею воспользоваться, отправив к нему письмо, в котором умолял «за верные мои к вашему величеству известные службы всемилостивейшего прощения» и освобождение от ареста; автор письма обещал «мою к вашему величеству верность содержать даже до гроба», более того, он просил освободить себя от всех должностей. Ответа на письмо Александр Данилович не получил. На опального князя посыпались новые угрозы: указ о лишении его всех чинов, об отобрании у него орденов, о запрещении называть в церквях имя невесты императора Марии Александровны Меншиковой, об изъятии у светлейшего большого яхонта.

Таковы были в то время суровые факты политической борьбы — лишить возможности поверженного противника восстановить свою репутацию.

Падение Меншикова вызвало восторг всех, кто испытал на себе его грубость. Цесаревна Анна Петровна писала своей сестре Елизавете Петровне: «Что изволите писать об князе, что ево сослали, и у нас такая же печаль сделалась об нем, как у вас». Феофан Прокопович в письме к одному из архиереев не скрывал своей радости: «Молчание наше извиняется нашим великим бедствием, претерпенным от тираннии (Меншикова. — Н. П.), которая, благодаря Бога, уже разрешилась в дым. Ярость помешанного человека, чем более возбуждала против него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тем более и более со дня на день усиливала свое свирепство. А мое положение было так стеснено, что я думал, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвечал на твои письма и, казалось, находился уже в царстве молчания».

Менее знатный советник Военной коллегии Егор Пашков писал в Москву кабинет-секретарю Ивану Черкасову: «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, которого Бог сильною десницею сокрушил; все этому очень рады, и я, многогрешный, славя св. Троицу, пребываю без всякого страха; у нас все благополучно и таких страхов теперь ни от кого нет, как было при князе Меншикове».

Воспрянула духом и первая супруга Петра Великого инокиня Елена, освобожденная внуком из монастырского заточения. В письме к нему она писала: «Хотя давно желание мое было не токмо поздравить ваше величество с восприятием престола, но паче вас видеть, но по несчастию моему по сие число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допусая до вашего величества, послал меня (из монастыря. — Н. П.) к Москве».

Даже Анна Иоанновна, до падения Меншикова, обращавшаяся к нему с унижительными письмами, считала возможным его лягнуть после опалы. Петру II она писала, сваливая вину на князя за то, что она в свое время не поздравила его, императора, с восшествием на престол: «Я неоднократно просила, чтоб мне позволено было по моей должности вашему императорскому величеству с восприятием престола Российского поздравить и целовать вашего величества дорогие ручки, но получила на все мои письма от князя Меншикова ответ, чтоб мне не ездить».

У честолюбцев нравственность часто приносилась в жертву карьере.

Опираясь на поддержку императора, Андрей Иванович вступил в беспроигрышную схватку с князем и

без риска одержал над ним победу — Меншиков оказался в Березове, а Остерман, освободившись от его опеки, стал если не формально, то по существу самым влиятельным членом Верховного тайного совета — он определял повестку дня его заседаний, составлял проекты постановлений, то есть выполнял при немом согласии «верховников» функции руководителя высшего органа власти страны.

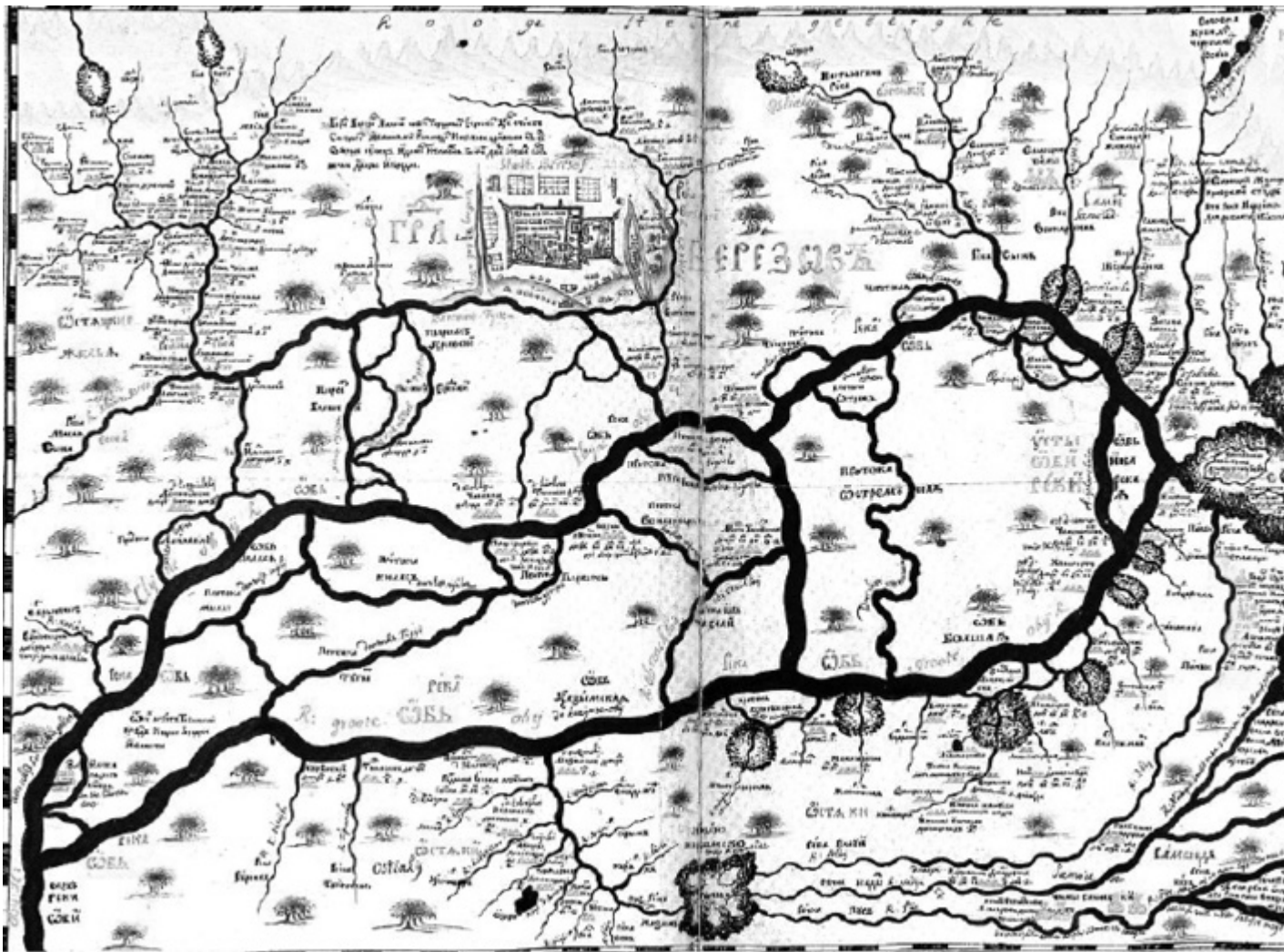
Александр Данилович был отправлен в ссылку в рязанское имение, подаренное некогда ему Петром I, Раненбург (Ораниенбург), но спустя несколько месяцев оказался в Березове. Поводом для замены места ссылки послужил нерасчетливый поступок сестры супруги князя, горбуны Варвары Михайловны Арсеньевой, сочинившей письмо, осуждавшее власти, сославшие Александра Даниловича и членов ее семьи.

В письме утверждалось, что Меншиков является единственным в стране человеком, способным обеспечить благоприятную жизнь подданных, что без него в стране наступит хаос и что ему надобно непременно вернуть власть.

Следствие без особых усилий обнаружило автора письма и она поплатилась заточением в монастырскую келью. Остерман рассудил, что пребывание светлейшего князя недалеко от старой столицы таило опасность, которая, впрочем, была эфемерной, и убедил императора отправить опального вельможу в Березов.

Опасение, что А. Д. Меншиков, проживая в Раненбурге, может вернуть себе власть, относится к необоснованному подозрению. Иностранные дипломаты нисколько не сгущали краски, когда доносили своим дворам о ненависти, питаемой к нему вельможами и придворными.

Показателем ненависти к князю является письмо, отправленное им к Остерману с просьбой прислать к нему доктора. Дело в том, что в пути Александр Данилович занемог так сильно, что свой путь вынужден был продолжать не в карете, а в носилках, привьюченных к двум лошадям. Характерно, что письмо было адресовано не к своим давним соратникам, членам Верховного тайного совета Г. И. Головкину и Ф. М. Апраксину, а к Остерману, с которым он накануне ссылки крепко поссорился. Этот поступок князя свидетельствует об умении А. И. Остермана держать втайне свои планы расправы с недругами и поддерживать их уверенность, что им ничто не угрожает.

Карта города Березов с окрестностями конца XVII в.

«Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.»,
- СПб, 1882

Итак, Меншиков был повержен. Ключевая роль в расправе с Меншиковым принадлежала А. И. Остерману. Александр Данилович, привыкший смотреть на Остермана как на слугу, безраздельно ему подчинявшемуся, не разглядел в нем коварность интригана, настойчиво и ловко внушавшего своему воспитаннику с одной стороны чувство признательности и любви к собственной персоне, а с другой — недоброжелательность к будущему тестю и своей невесте, которую называл «фарфоровой куклой» и к которой не питал ни малейших признаков любви.

В сибирской ссылке Меншиков прожил недолго. Вместе со слугами он сам срубил себе в Березове дом и маленькую церковь, в которой и был после кончины (12 ноября 1729 г.) похоронен. Там же нашла последний приют бывшая царская невеста Мария, умершая 26 декабря 1729 г. Так бесславно закончилась блестящая карьера Александра Даниловича Меншикова.

Глава шестая.

Остерман в Верховном тайном совете в царствование Петра II

После расправы с Меншиковым путь к расширению влияния А. И. Остермана, ставшего единоличным опекуном императора, был расчищен, и он немедленно воспользовался сложившейся ситуацией.

Оставаясь в тени, без насилия и репрессий Андрей Иванович если не формально, то по существу оказался на вершине власти.

У Остермана возник план женить Петра II на его тетке, великой княжне Елизавете Петровне. По единодушному мнению современников, как отечественных, так и зарубежных, Елизавета Петровна отличалась неземной красотой. Даже Щербатов, дававший едкие оценки современникам, признавал привлекательность внешности Елизаветы Петровны: «Сия государыня из женского полу в младости своей была отменной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра: от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков, бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселий, чувствовала свою красоту... ленива и недокучлива ко всякому, требующему некоего прилежания, делу, так что за леностию ее не токмо внутренние дела государственные многие иногда лета без подписания лежали, но даже и внешние государственные дела, яко трактаты, по несколько месяцев, за леностию ее подписать ее имя, у нее лежали; роскошно и любострастно, дающая многую уверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршью сохраняла».

Как видим, Щербатов не ограничил свой отзыв о Елизавете Петровне описанием ее внешности, но сообщил читателю свое мнение о ее интеллекте и свойствах ее натуры как государыни. Что касается отзывов современников-иностранцев, то они значительно уступают отзыву Михаила Михайловича, поскольку не располагали сведениями, доступными Щербатову.

Из отзывов иностранных дипломатов о Елизавете Петровне заслуживает внимание суждение о ней в депешах прусского посланника Мардефельда и французского Кампредона. «Мне известно, — доносил Кампредон своему двору 18 апреля 1725 г., — как она хороша собою, как она прекрасно сложена, сколько в ней живости и ума, веселости, делающей ее вполне способной проникнуться французским духом». При этом он добавил, что лица, которым было доверено воспитание ее и ее сестры Анны, «были так мало образованы, что без больших природных дарований принцессы никак не могли бы сделать тех успехов в языках французском и немецком, на которых говорят и пишут очень хорошо, ни приобрести тех прекрасных манер и того умения вести разговор и держать себя, каким они обладают».

Отмечу, примерно такое же суждение о Елизавете высказал и Мардефельд, впервые обративший на нее внимание в 1724 г. Она произвела на него сильное впечатление «живостью и веселостью своего характера». В депеше, отправленной 13 февраля 1725 г., Мардефельд так же лаконично, как и в докладной записке 1724 г., высказал свое суждение о принцессе, назвав ее «прекрасной и умной великой княжной». В 1727 г., когда Елизавету Петровну прочили в невесты маркграфу Карлу, Мардефельд в депеше к королю отозвался о ней чуть обстоятельнее: «Я могу уверить ваше величество, по совести, что, исключая преждевременную дородность великой княжны, она в остальном перед всем светом может почитаться прекрасною, умною и особою приятного обхождения. Ибо она весьма разумна, и ум ее, при том, не направлен на мелочи, а на все солидное».

Привлекательная внешность Елизаветы Петровны доставит немало забот еще одному претенденту на право стать тестем императора — на Алексея Григорьевича Долгорукого, который, чтобы погасить чувства императора к своей тетке, поощрял его страсть к охоте, занятие которой принуждало его в течение многих недель проводить время вне Петербурга и Москвы, что охлаждало пыл влюбленного. Частично конечной цели А. Г. Долгорукому удалось достичь: привязанность племянника к тетке действительно ослабела, но, быть может, не столько от усилий будущего тестя, сколько от распутного поведения великой княжны, которое отрезвляюще влияло на юного ревнивца.

Луи (Людовик) Каравакк Портрет цесаревны Елизаветы Петровны

Конец 1720-х гг. Хост, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Предлагая свой брачный проект, Остерман руководствовался двумя соображениями: во-первых, личной заинтересованностью — он знал, что отрок был безумно влюблен в свою красавицу-тетку Елизавету Петровну, и рассчитывал на еще большую привязанность и благодарность отрока к своему наставнику за это устройство брака; во-вторых, и этот аргумент широко афишировался, брак устранил трения и претензии тетки на императорский трон, занимаемый племянником.

До падения «полудержавного властелина» влияние Остермана простиралось преимущественно на внешнеполитические меры правительства. Этот факт ясно отражен в донесениях иностранных дипломатов. Так, еще при Екатерине I прусский посланник Мардефельд сообщал в депеше от 7 апреля 1725 г.: «...по внешним делам должно его считать самым значительным и способным членом совета. Со смертью барона потеряло бы царствование бесконечно много, так как он единственный, который способен на подготовку и отправление государственных дел». В другой депеше, отправленной 27 апреля того же года, Мардефельд подтвердил наличие у Остермана высоких деловых качеств, но наряду с ними оставил отзывы о других вельможах: «... великий канцлер Головкин — честнейший нуль, ничего не решает, тайный советник Толстой — истый итальянец, придерживающийся и наших и ваших, и что Остерман единственный способный и верный министр, но слишком боязлив и осмотрителен».

И в 1727 г. Мардефельд не скупился на хвалебные слова в адрес Остермана, во внешней политике придерживавшегося сближения с Пруссией. 17 июня он доносил: «...барон фон Остерман, действуя благоразумно, прилагает с большим искусством до того превосходные меры к воспитанию императора, что Рабутин (австрийский посол. — Н. П.) после каждого своего возвращения из Петергофа не может достойно похвалиться ими, а также и то, что помянутый барон фон Остерман в настоящее время свое старание направляет на то, чтобы ввести разумное государственное хозяйство и тем наполнить государственную казну, для чего он уже прекратил ненужную пышность и безбожное пьянство и пиროвания, и предпринимает он лишь такие меры, которые направлены единственно на славу государя его и к благу империи, в чем должны ему сознаться даже враги его».

В депеше от 9 августа 1727 г. вновь читаем комплименты в адрес Андрея Ивановича: «Кредит Остермана проистекает не только из могущества князя, но основывается на великих способностях барона, честности и бескорыстности его и поддерживается бесконечной любовью к нему молодого императора, у которого хватает дальновидности, чтобы познать в нем помянутые качества и понять, что барон вполне необходим этому государству для сношения с иностранными державами». Мардефельд отметил достоинства Остермана: «Он основательно знает нацию и отлично умеет использовать их природное высокомерие; и так как он больше заботится обогатить их, чем самого себя (ибо до сих пор он с твердостью отказывается от всех подарков), то они охотно наблюдают, что он завален делами и несет то бремя, которое они, по своей природной лени не хотят носить».

После падения Меншикова властные полномочия Остермана значительно расширились, во-первых, потому, что теперь не с кем было их делить и, во-вторых, вследствие возросшей к нему привязанности императора, позволившей ему чувствовать себя более уверенным у подножия трона. Это обстоятельство подметил наблюдательный Мардефельд в депеше от 23 декабря 1727 г.: «Барон фон Остерман пользуется милостью императора в такой степени как никогда прежде, и царь дает ему столько доказательств своего расположения, как ему может быть желательно. Барона больше всего огорчает то, что император так слепо следует своим молодым любимцам, а в особенности князю Ивану Долгорукову, в их развратных забавах, что он этим отвлекается от государственных дел и что воспитание его, за которое Остерман несет ответственность, принимает такой дурной оборот, которого он и все управление отвратит. Поэтому Остерман прилагает все старание, чтобы освободиться от должности наставника, но император об этом и слышать не хочет, а, напротив, просит его со слезами оставаться при нем и дает ему клятвенное обещание, что никогда к нему не изменится».

В 1727–1730 гг. Андрей Иванович быстро приобрел значение едва ли не самой важной фигуры в Верховном тайном совете. Этот статус ему был обеспечен его исключительной работоспособностью, которой были лишены вельможи, входившие в его состав. На этот счет историки располагают основательным свидетельством английского резидента К. Рондо, изложенным в депеше от 9 сентября 1728 г.: «Всеми делами занимается исключительно Остерман; и он сумел сделать себя настолько необходимым, что без него русский двор не может ступить ни шагу. Когда ему не угодно явиться на заседание совета, он сказывается больным, а раз барона Остермана нет — оба Долгоруких, адмирал Апраксин, граф Головкин и князь Голицын в затруднении: они посидят немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись; затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он, таким образом, заставляет их соглашаться с собою во всем, что пожелает».

Свидетельство Рондо подтвердил французский поверенный Маньян в депеше, отправленной в конце октября 1728 г.: «Остерман не упускает решительно ничего, что могло бы содействовать усилению удивительного расположения, питаемого к нему молодым царем; постоянное его пребывание около царя доходит до того, что он ни одного раза не избавил себя от обязанности сопровождать царя при всех его прогулках верхом. Этот монарх пожелал недавно сделать его графом и подарить ему значительные

имения, конфискованные у Толстого, но Остерман отказался весьма скромно от принятия таких милостей на том основании, что не считает еще себя их заслуживающим», и обещал принять подарок и пожалование, когда император достигнет совершеннолетия.

Попытка князя Д. М. Голицына удалить от императора Остермана, занимающего первое место по доверию, питаемому к нему царем, не удалась.

В другой депеше, отправленной 30 мая 1729 г., Рондо извещал своего министра о деловых способностях Остермана: «Барон Остерман, вполне руководящий иностранными сношениями (хотя он состоит президентом Коммерц-коллегии), один из всех министров что-нибудь понимает в этих делах». Далее Рондо сообщает сведения об отношениях, сложившихся между Остерманом и Долгоруковым: «Он большой любимец Долгоруких, и при частом несогласии фаворита Долгорукова с отцом барон всегда избирается посредником между ними.

Более обстоятельное мнение на этот счет высказал Маньян: «Кредит Остермана поддерживается лишь его необходимостью для русских, почти незаменимый в том, что касается до мелочей в деле, так как ни один из русских не чувствует себя достаточно трудолюбивым, чтобы взять на себя это бремя». В другой депеше Маньян подробно излагает обстоятельства незаменимости Остермана: «...против Остермана составляются интриги, которые заставляют как будто предвидеть близкое его падение, но случится какой-нибудь трудное и неприятное дело у русских, он видимым образом опять попадет в милость на том основании, что это единственный человек из всех, составляющих царский совет, который действительно трудолюбив и на которого остальные слагают все бремя выполнения мелких подробностей».

В Верховном тайном совете при Петре II А. И. Остерману довелось выполнять не разовые поручения, как это происходило при назначении его для переговоров на Аландском и Ништадтском конгрессах, а участвовать в работе постоянно действующего учреждения. Однако при всей значимости Остермана в Верховном тайном совете времен Петра II он, хотя и приобрел значение «души совета», но был далек от роли, которую он будет выполнять впоследствии в Кабинете министров. А. И. Остерману было затруднительно единолично подчинить своему влиянию Верховный тайный совет. Во-первых, из-за его более многочисленного состава; во-вторых, из-за социальной принадлежности его членов: семь из девяти членов в царствование Петра II представляли две аристократические фамилии, свысока смотревшие на иноземца — сына пастора, хотя и дослужившегося до звания барона.

Крушение Меншикова подняло к вершинам власти не только А. И. Остермана. Не менее серьезно укрепился клан Долгоруковых. 3 февраля в состав Верховного тайного совета были введены опытный и образованный дипломат Василий Лукич Долгоруков и беззастенчиво тщеславный Алексей Григорьевич Долгоруков. Его сын, царский фаворит Иван получил главную придворную должность обер-камергера. Следует отметить, что отношения Ивана с отцом были самими скверными. Не все Долгоруковы были в восторге от честолюбивых планов А. Г. Долгорукова и бесшабашного поведения его сына. Это открывало для Остермана некоторый простор для лавирования.

В целом осторожность и склонность находиться в тени привели Остермана к идее довольствоваться в Верховном тайном совете ролью «рабочей лошадки», а точнее «серого кардинала»: в его руках находилась подготовка повестки дня заседаний и составление резолюций. Судя по содержанию протоколов и журналов Верховного тайного совета, Андрей Иванович блестяще справлялся с этими обязанностями.

Рондо, кроме того, извещал об отношениях, сложившихся между Остерманом и императором, между ним и сестрой императора, великой княжной Натальей Алексеевной, а также между ним и фаворитом Петра II Иваном Долгоруким.

«Барон Остерман, — доносил К. Рондо 7 августа 1728 г., — благодаря своей лицемерной способности

и болезненности пока в большой милости. Говорят, будто царевны Наталья Алексеевна и Елизавета Петровна очень расположены к нему. Все, кого я здесь ни видел, высокого мнения о его способностях. О том, насколько такое мнение справедливо, вы всего лучше можете судить по тому, как он держится. Барон страдает частыми припадками рвоты, которые, полагают, сведут его в могилу, но многие думают, что болезнь у него является по требованию, когда в совете разбирается какое-нибудь щекотливое дело, барон уверен в ее услугах...».

Рондо сообщает любопытные сведения о том, как благоразумная сестра императора пыталась отвратить от него фаворита Ивана Долгорукова, оказывавшего на него дурное влияние: «Рассказывают, — доносил он 23 ноября 1728 г., — будто царевна Наталья Алексеевна (страдающая чахоткой) нашла с помощью барона Остермана возможность удалить этого молодого человека. Царевна в самых горячих выражениях представила брату дурные последствия, которые следует ожидать и для него самого, и для всего народа русского, если он и впредь будет следовать советам Долгорукова, поддерживающего и затевающего всякого рода разврат. Она прибавила, что и болеет от горя, которое испытывает, видя, как его величество пренебрегает делом, отдается разгулу». В следующей депеше Рондо сообщает о том, в чем конкретно выражается тлетворное влияние Ивана и его приятелей на императора: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению; ни малейшей доли его досугов не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные от верховой езды, охоты, развлечений, проходят в слушании пустых рассказов о том, что случилось с таким-то или таким-то». В той же депеше К. Рондо сообщает уникальные сведения о его способностях: «Природа, правда, его не обидела, но и лучшая земля остается бесплодной, если к ее обработке не приложить хотя бы некоторого труда».

Сведения, сообщаемые об Иване Долгорукове другим дипломатом, Маньяном, характеризуют его ничем не примечательным молодым человеком: его умственные способности, «говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он малоспособен сам по себе внушать царю великие мысли». Главная его цель — «подорвать кредит Остермана, чтобы приблизить к министерству Шафирова».

В депеше от 30 сентября 1729 г. Рондо сообщает подробности поведения Ивана Долгорукова: «Фаворит кн. Долгорукий некоторое время был в немилости, одни говорят вследствие угроз кн. Трубецкому, другие уверяют, будто его думали сослать в Сибирь, чтобы помешать любовной интриге его с княгиней Трубецкой; наконец, некоторые с большим основанием полагают, что немилость князя вызвана замыслом его жениться на Елизавете Петровне, к выполнению которого он приступил через Анну Крамер (камер-юнгфера Елизаветы Петровны, затем Натальи Алексеевны. — Н. П.). Об этом, говорят, сообщил Верховному совету отец князя, опасаясь, как бы не заподозрили и его участие в этом деле; враги старика, впрочем, полагают, что он хотел прислушаться к мнению Совета, узнать, как бы они приняли такое сватовство. Все это пустые толки, и до истины я еще не добрался; верно только, что Анна Крамер, бывшая до сих пор любимицей любимой княжны, удалена от нее, а молодой князь пользуется большей милостью царя, чем когда-либо».

По сведениям Рондо с подачи Остермана сестра Петра II Наталья возобновила увещевания брата на предмет его связи с Иваном Долгоруковым 6 ноября 1728 г. незадолго до своей кончины. Царь согласился исполнить пожелания умиравшей, но после ее кончины 22 ноября 1728 г. «изменил своему слову и, кажется (князь Иван. — Н. П.), теперь в милости больше, чем когда-нибудь».

Кстати, Рондо — единственный дипломат, извещавший свой двор о бескорыстии и неподкупности Остермана: «Барон Остерман, по общим понятиям и отзывам, неподкупный, недавно отказался принять поместье в Пруссии, приносящее тысяч шесть крон ежегодного дохода и принадлежавшее князю Меншикову». Король Прусский решил подарить его Остерману в надежде, что он склонит правительство

закупить сукно для армии у прусских промышленников. Однако 75 тысяч ярдов заказано поставить английским купцам».

Между тем страна находилась в состоянии крайнего опустошения. Об этом свидетельствует депеша Лефорта, отправленная незадолго до кончины Петра II, в которой отражено плачевное состояние страны: «Все в России в страшном расстройстве; царь не занимается делами и не думает заниматься; денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут финансы; каждый ворует, сколько может. Все члены Верховного совета не здоровы и не собираются; другие учреждения также оставили свои дела; жалоб бездна; каждый делает то, что ему придет на ум. Об исправлении всего этого серьезно никто не думает, кроме барона Остермана, который один не в состоянии сделать всего». Автор депеши чрезмерно сгустил краски, нарисовав совершенно безнадежное положение страны. Вряд ли справедлив был упрек в адрес императора, способного в 14-летнем возрасте править страной, вряд ли он прав, когда утверждал, что единственным человеком, кто был озабочен судьбой страны, был Остерман.

Небезынтересно оценить поведение главного воспитателя императора Андрея Ивановича Остермана. Отдавал ли он себе отчет о критическом положении страны? Бесспорно, отдавал, ибо в Верховный тайный совет стекалась едва ли не вся информация о положении в стране. Как реагировал на это Остерман? Да никак. Он не решался настойчиво напомнить своему царственному воспитаннику о том, что его страсть к охоте не только подрывает его здоровье, но и отвлекает его от выполнения посильных обязанностей монарха. Не решался, потому что подобного рода напоминания могли вызвать его ссору с упрямым отроком-императором и положить конец его, Остермана, карьере. Остерман предпочитал ограничить свою роль пассивным наблюдением того, как страна приходит в упадок, и жертвовал интересами государства личной карьерой.

Еще безответственнее вел себя второй воспитатель императора — Алексей Григорьевич Долгоруков, назначенный на эту должность благодаря протекции его сына Ивана. Долгоруков не только не пытался гасить страсть Петра II к охоте, но, напротив, стремился в своих интересах разжигать и поощрять ее. Свою главную задачу он видел в том, чтобы реализовать свою мечту — обвенчать дочь Екатерину с императором.

В течение трехлетнего царствования Петр II не оставил заслуживающего внимания следа в истории страны, хотя ему ко времени его смерти в 1730 г. исполнилось 14 лет, то есть он достиг возраста, при достижении которого в те времена при нормальном воспитании можно было оказывать некоторое влияние на управление государством. Однако юный царь проявлял интерес и настойчивость только в одной забаве — охоте. Ради нее Петр Алексеевич прервал свое образование и игнорировал обязанности по управлению страной. Барон А. И. Остерман осознавал вред наносимого этой страстью репутации императора, но из опасения оказаться в опале и угрозы потерять его доверие не принимал никаких мер, чтобы погасить эту пагубную забаву и внушить ему мысль, что он не охотник, а глава огромного государства, обязанного заботиться о благе подданных.

Что касается второго воспитателя, в роли которого выступал князь Алексей Григорьевич Долгоруков, то ему были чужды заботы о государстве, и он не только не принимал никаких мер, чтобы воспрепятствовать увлечению охотой, но, наоборот, всячески поощрял это увлечение. Поведение князя Алексея определялось возникшей у него мыслью повторить опыт Меншикова, закончившийся неудачей, и женить императора на одной из своих дочерей. Для достижения этой цели А. Г. Долгоруков осуществлял неприметную изоляцию императора от его окружения. Меншиков пытался достичь этой цели поселением императора в своем дворце, где он находился под бдительным надзором членов своей семьи, а Долгоруков такую же надежду возлагал на охоту, то есть пребывание императора вне пределов столицы в окружении своих людей.

Эта забота князя Алексея Долгорукова не укрылась от наблюдательного испанского посланника де Лириа, сумевшего подружиться с фаворитом императора Иваном Долгоруковым, снабжавшего его информацией не только о событиях в жизни двора, но и планах придворных, в частности князя Алексея Григорьевича: «Причина, по которой царь не возвратился в город, заключается в том, что князь Алексей Долгоруков ревнует его ко всем и боится, что если царь полчаса поговорит с кем-нибудь другим, он потеряет к нему расположение. Кроме того, его наступившее желание и его единственная мысль — это женить царя на одной из своих дочерей... Он отправляет своих дочерей во все экскурсии с царем, и там царь по вечерам привык играть с ними в карты». 21 марта 1729 г. де Лириа сообщал Мадриду: «...жена, две дочери и сыновья князя Долгорукова, отца фаворита, последовали за царем на охоту». Посланник сделал правильные наблюдения: «Эти Долгоруковы идут по стопам Меншикова и со временем будут иметь тот же конец».

В точности выяснить время, которое император тратил на охоту, нет возможности, но извлечения из депеш де Лириа дают представления о том, что охота доминировала в утехх императора.

Первое известие о поездке императора на охоту датировано депешей от 14 марта. В январе–феврале этого года в Москве и Подмоскovie наблюдались лютые морозы, вынуждавшие охотников отсиживаться дома. 21 февраля де Лириа извещал: «Мы здесь живем в домах; вот уже четыре дня страшный ветер с морозом, против которого не помогают ни каминны, ни печки. Туземцы не помнят такого холода». Морозы, однако, не исключали возможности готовиться к охоте, что явствует из депеши де Лириа от 7 февраля: «Идут приготовления к скорому отъезду царя, который, уверяют, пробудет вне столицы месяца три». Поездка, однако, не состоялась, как не состоялась и поездка, намечавшаяся на 14 февраля, о которой дипломат извещал: «Царь отправляется за 50 миль для охоты на три или четыре месяца».

Зубов Алексей Федорович Измайлов. Отъезд императора Петра II на соколиную охоту

Гравюра, 1726 г. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы. М., Искусство XXI век, 2007

Лишь 14 марта де Лириа доносил: «Третьего дня царь уехал за 15 миль от города на охоту, где пробудет недели четыре». 4 апреля: «Царь сейчас воротился в Москву из-за опасения, что могла

испортиться дорога».

Страсть к охоте, подогреваемая князем А. Г. Долгоруковым, настолько овладела императором, что он не откладывал своих поездок даже в дурную погоду — его не останавливали ни дожди, ни слякоть, ни холодные весенние ночи.

18 апреля: «Вчера царь слег в постель по причине лихорадки; ныне он чувствует себя лучше, и думаю, на следующей неделе обычным образом он выйдет на охоту».

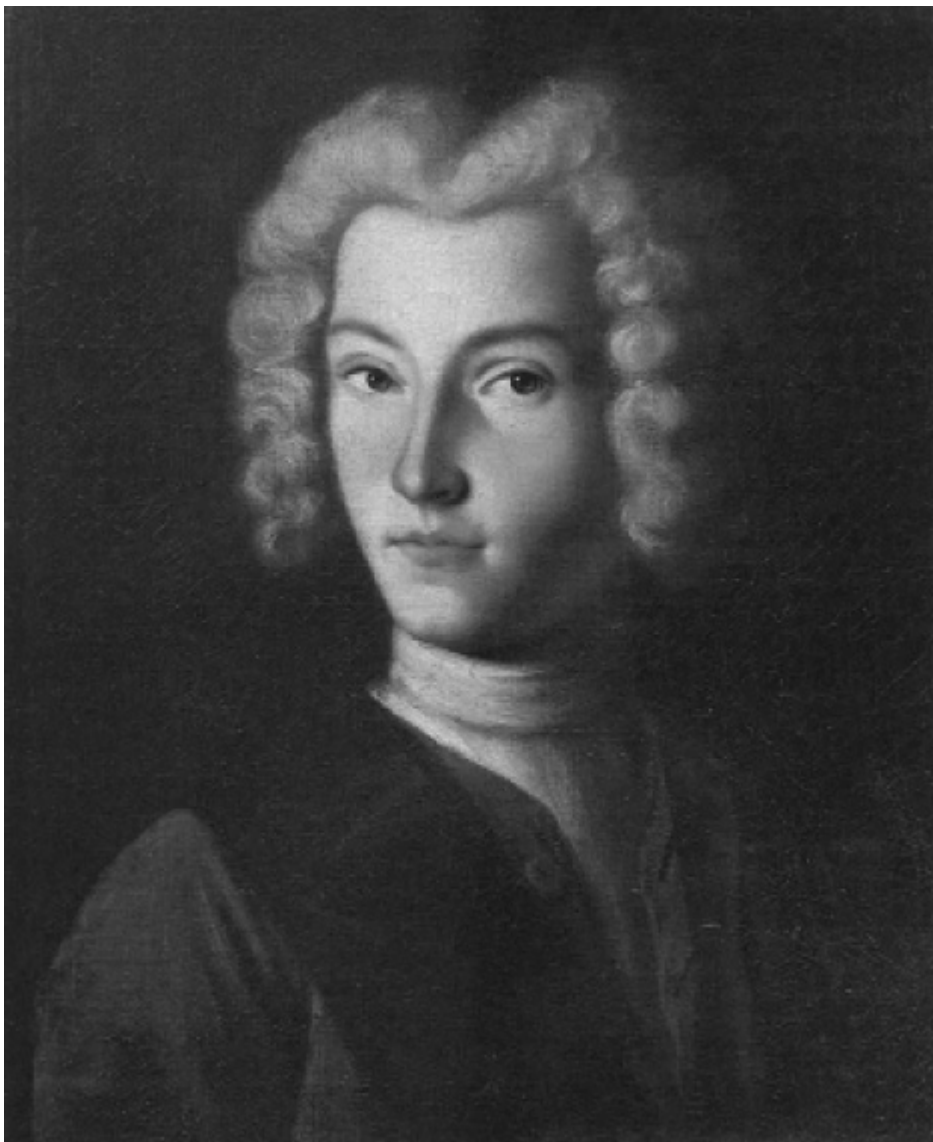
Какие-то обстоятельства задержали царя в Москве на более продолжительное время. Только в депеше от 9 мая читаем: «6 числа текущего месяца его царское величество отправился на охоту в окрестностях и не воротится в город в течение трех недель». План, однако, изменился и де Лириа в тот же день отправил новое послание: «Царь находится в двух милях отсюда и полагают, что возвратится в город через три дня».

23 мая: «Завтра царь отправляется опять на охоту к городу Ростову и не возвратится в столицу до дня св. Петра».

6 июня: «Ждали, что царь вернется в столицу к Троице, но он не приехал, несмотря на ужасные дожди и холод, испытываемый нами». Холод заставил даже министров переехать с дач в Москву.

20 июня: «Царя ждут завтра, но я не мог узнать, почему он возвращается так скоро, как никто не ожидал». Царь, однако, возвратился на два дня позже: «Царь возвратился в город 23-го числа». Причина: «поднявшиеся хлеба не позволили больше охотиться».

18 июля: «Царь вчера уехал на охоту за две мили от города и, говорят, скоро возвратится», однако «скоро» не возвратился, что следует из письма 1 августа: «Царь все наслаждается охотой, не смотря на непостоянное время, которое длится вот уже семь недель». Не было дня без бури с громом и молнией.

Молчанов Григорий Викторович Портрет Петра II

XVIII в. Холст, масло

22 августа: «Царь все еще наслаждается охотой и говорят, что в конце месяца он поедет для этого за 14 верст от этого города». Де Лириа не называет даты возвращения царя с охоты, но в депеше от 8(19) сентября дипломат извещал: «Третьего дня царь уехал на охоту, но не возвратится до 10 октября, чтобы 12 октября присутствовать здесь в день своего рождения». Ко дню своего рождения Петр II, однако, не возвратился, что следует из письма посланника от 1 ноября: «Этот государь еще не возвратился с охоты и, говорят, не возвратится, пока погода не помешает этому развлечению».

8 ноября: «Надеемся, что царь скоро вернется в город; к этому, верно, его побудит наступающая дурная погода; вот уже три дня идет снег и морозит, хотя и не особенно сильно». Это была самая продолжительная охота царя, причем происходившая в преддверии зимы. Она дала основание предсказать трагические результаты этой страсти: «Этот монарх нимало не бережет своего здоровья: в своем нежном возрасте он постоянно подвергает себя суровостям холода, не воображая даже, что он может же, наконец, от этого заболеть. Хотя Остерман и учит его, но он не обращает внимания на его предостережения. Долгорукие же, которые пользуются наибольшим его доверием, не говорят ему должной правды; впрочем, это и не странно: слепой уступчивостью всему, что хочет царь, они думают добиться своих целей».

7 ноября де Лириа отправил последнюю депешу о поездке царя на охоту: «Ждут возвращения царя на этой неделе, но он возвратился, по меньшей мере, на неделю позже».

Я нарочито столь подробно остановился на увлечении царя охотой, поскольку именно она привела его к смерти. Своекорыстные интересы Долгоруких и особенно князя Алексея Григорьевича, ничего не жалевших, чтобы сохранить доверие Петра и поощрявшие его страсть, завершилось тем, что неокрепший организм императора утратил способность противостоять болезни.

Источники позволяют проследить, как изо дня в день развивалась болезнь Петра II, приведшая к его кончине. Информация, заложенная в этих источниках, позволяет судить о состоянии отечественной медицины тех лет, о трудностях, испытываемых врачами прежде всего при установлении диагноза.

Петр II заболел 6 (17) января 1730 г. Английский резидент К. Рондо 29 декабря 1729 г. извещал двор, что «его царское величество, пользуясь прекрасным здоровьем, почти ежедневно развлекается охотой», а спустя две недели, в депеше от 12 января 1730 г., сообщал что царь «заболел и опасаются, как бы у него не открылась оспа — ходят слухи, будто она уже обозначилась». В депеше, отправленной три дня спустя, другой дипломат, Уард, располагая более точными сведениями, писал: «Болезнь его величества оказалась оспой». По его сведениям, «дня два-три тому назад он был в большой опасности, но затем оспа сильно высыпала и государь на пути выздоровления». До ночи 17 (28) января все надеялись на благополучный исход болезни.

Однако в этот день больной был подвергнут жестокой лихорадке, вызвавшей опасение, что больному угрожает смерть. 18 (29) января самочувствие царя ухудшилось настолько, что, когда ему принесли на подпись завещание, он оказался не в состоянии его подписать и у него отнялся язык. Последнее распоряжение, которое сделал мальчик-император, на минуту выйдя из беспомощности, было: «Закладывайте лошадей. Я поеду к сестре Наталии!» После непродолжительной агонии он испустил дух в половину второго ночи.

Глава седьмая.

А. И. Остерман и «затейки верховников»

После кончины Петра II события при дворе начали развиваться непредсказуемо.

Когда стало ясно безнадежное положение императора, в голове у князя Алексея Григорьевича Долгорукова созрела мысль вручить скипетр своей дочери Екатерине, помолвленной с Петром II. Он пригласил родичей к себе в Головинский дворец и заявил им: «Император болен и худа надежда, чтоб жив был: надобно выбрать наследника». Василий Лукич спросил: «Кого вы в наследники выбирать думаете?» Князь Алексей Григорьевич указал пальцем на потолок — на втором этаже проживала его дочь — и ответил: «Вот она». Эту мысль развил князь Сергей Григорьевич, такой же непримечательный представитель рода, как и Алексей Григорьевич: «Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинил ее наследницей». Предложение означало призыв к сочинению фальшивого завещания. Против этого предложения выступил фельдмаршал Василий Владимирович, заявивший: «Неслыханное дело вы затеваете, чтоб обрученной невесте быть российского престола наследницей. Кто захочет ей подданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии — никто в подданстве у ней быть не захочет. Княжна Екатерина с государем не венчалась». Князь Алексей Долгорукий возразил: «Хоть не венчалась, но обручалась». Но фельдмаршал стоял на своем: «Венчание иное, а обручение иное».

Князь Алексей озвучил свой план действий, рассчитанный на поддержку его гвардейскими полками: «Мы уговорим графа Головкина и князя Дмитрия Михайловича Голицына, и если они заспорят, то будем их бить». «Ты, — обратился он к В. В. Долгорукому, — в Преображенском полку подполковник, а князь Иван

— майор, и в Семеновском полку спорить о том будет некому».

Лефортовский дворец в конце XIX в.

Чб. фотография, Н.А. Найденов, 1883 г. Найденов Н. А. Москва. Соборы, монастыри и церкви. М., 1883

«Что вы, ребячье, врете? — решительно возразил фельдмаршал Василий Владимирович. — Как тому может сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют».

Владимир Васильевич счел затею А. Г. Долгорукого столь авантюрной и неосуществимой, что в знак протеста покинул собрание.

Несмотря на сомнения своих родственников А. Г. Долгоруков составил подложное завещание якобы составленное Петром II в пользу своей дочери, а его сын Иван, знавший «руку Петра», подделал подпись умершего царственного отрока. Однако никто не поверил этому завещанию и не стал всерьез обсуждать кандидатуру Екатерины Долгоруковой.

Сановникам из Верховного тайного совета самим довелось решать нелегкий вопрос, кому вручить корону. На нее могли претендовать несколько кандидатов: первая супруга Петра Великого Евдокия Лопухина, вызволенная из сурового монастырского заточения ее внуком Петром II и проживавшая в Москве, где сменила унылую и скучную жизнь на роскошную — на ее содержание было ассигновано 60 тысяч рублей в год.

Владеть короной имели право две дочери единокровного брата Петра Великого Ивана (Иоанна) V Алексеевича: вдова герцога Курляндского Анна Иоанновна и ее старшая сестра Екатерина, супруга герцога Мекленбургского. В голштинской столице Киле находился еще один наследник — 2-летний кузен умершего царя и внук Петра I Карл Петр Ульрих, сын старшей дочери Петра Великого и Екатерины I (будущий Петр III). Его мать Анна Петровна, герцогиня Голштинская, умерла после родов в 1728 г. Ее младшая сестра Елизавета Петровна также располагала правом водрузить на свою голову императорскую корону, о чем напомнил вице-президент Синода Феофан Прокопович. Из названных претендентов в России на тот

момент проживали не только Елизавета Петровна, но и первая супруга Петра Великого Евдокия (урожденная Лопухина) и Екатерина Мекленбургская с 12-летней дочкой, принцессой Елизаветой Катариной Кристиной (будущей правительницей России (1740–1741) Анной Леопольдовной).

*Неизвестный художник (И.П. Людден?) Портрет Екатерины Алексеевны Долгорукой
1729. Холст, масло. Из собрания Ф.М.Плюшкина. Псковский музей*

Испанский посланник де Лириа 19 (28) января 1730 г. доносил о существовании четырех «партий», каждая из которых располагала кандидатами на трон, первая — принцессы Елизаветы, дочери Петра I; вторая — царицы, бабки настоящего царя; третья — невесты, княжны Долгорукой; четвертая — сына герцога Голштинского.

По справедливому мнению, «партия» герцога имела предпочтительные права на трон, но ее сторонники были немногочисленны. «У принцессы Елисаветы сторонников несколько больше, но и они также не сильны». Самую сильную «партию» составляли, по мнению де Лириа, сторонники царицы бабки и невесты. Эта оценка ситуации испанским посланником, как подтвердили последующие события, оказалась ошибочной.

В пять утра 19 (30) января 1730 г. в Кремле собрался Верховный тайный совет, на который был приглашен генералитет. На заседании обсуждался вопрос о преемнике покойного императора. Бразды

правления в Верховном тайном совете взял в свои руки до этого державшийся в тени старейший его член князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Среди членов Верховного тайного совета Голицын отличался не только возрастом, но и образованностью. По свидетельству К. Рондо, «он был человеком необыкновенных природных дарований, развитых работой и опытом. Это человек духа деятельного, глубоко предусмотрительный, разума основательного, превосходящего всех знанием русских законов и мужественным красноречием; он обладает характером живым, предприимчивым, исполнен честолюбием и хитрости, замечательно умерен в привычках, но высокомерен, жесток и неумолим». К недостаткам натуры Дмитрия Михайловича, отмеченных К. Рондо, следует отнести его спесь, формулированную английским дипломатом более мягким понятием: «высокомерен».

Петр Великий, как известно, умел ценить таланты, но по каким-то причинам Д. М. Голицын не пользовался у него полным доверием, и он держал его в удалении от себя, назначив на должность киевского губернатора, которую он исполнял в течение десятилетия. Быть может, настороженное отношение Петра I к Голицыну объяснялось тем, что царю было известно осуждение его поведения спесивым сановником. Голицын, несомненно, втайне осуждал и то, что Петр окружил себя не представителями знатных родов, а выскочками из «подлородных» типа А. Д. Меншикова или из ничем не примечательных дворянских фамилий типа Ф. М. Апраксина. Не мог приветствовать Дмитрий Михайлович и выбор царем себе супруги — вместо красавицы из боярской фамилии Петр женился на безвестной «чухонке» Марте, при крещении названной Екатериной Алексеевной.

И все же Петр, ощущая острый недостаток в кадрах при проведении реформы центральных органов власти, вынужден был вызвать Д. М. Голицына из Киева в Петербург и назначить опытного администратора президентом Камер-коллегии. Правда, Камер-коллегия не принадлежала к числу первейших (Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской), но, поскольку ведала налогами государства, после первейших являлась самой важной.

При Екатерине I Дмитрий Михайлович совершил еще один шаг в своей карьере: при учреждении Верховного тайного совета в 1726 г. он был назначен его членом.

Со смертью Петра II князь Голицын посчитал, что наступил его звездный час, когда он наконец сможет осуществить свои честолюбивые притязания аристократа. Именно ему принадлежала решающая роль в определении кандидата на осиротевший трон.

Пользуясь различными источниками, я попытаюсь сконструировать речь Д. М. Голицына на заседании Верховного тайного совета. «Мужеская отрасль императорского дома пресеклась, — начал Дмитрий Михайлович, — и с нею пресеклось прямое потомство Петра I. Нечего думать о его дочерях, рожденных до брака с Екатериной; завещание Екатерины I не может иметь для нас никакого значения.

Эта женщина низкого происхождения не имела никакого права воссесть на российский престол, тем менее располагать короной российской. Завещание покойного императора подложно».

Таким образом, сразу была отвергнута кандидатура царской невесты Екатерины Долгорукой, а вследствие того, что она была незаконнорожденной, отпала кандидатура Елизаветы Петровны. Дочери Петра Великого Анна и Елизавета действительно появились на свет до брака родителей, однако позже они были «привенчаны», то есть узаконены, однако об этом Д. М. Голицын не вспоминал. «Незаконнорожденность» Анны Петровны в определенной степени бросила тень и на ее сына, последнего внука Петра I, 2-летнего принца Голштинского Карла Петра Ульриха, но большую роль здесь сыграло то, что со смертью Анны Петровны в 1728 г. связи голштинского двора с Россией сильно ослабели и имя младенца было «забыто».

Затем Голицын деликатно отклонил кандидатуру Евдокии (Лопухиной).

«Я отдаю полную дань, — продолжал речь Голицын, — достоинствам вдовствующей императрицы, но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Конечно, я бы высказался в пользу старшей — герцогини Мекленбургской, если бы она не была замужем за иностранным принцем. Сама она добрая женщина, но ее муж, герцог Мекленбургский, зол и сумасброден». Здесь надобно отметить, что мнение Голицына о герцогине и ее супруге разделяли еще два иностранных дипломата: Маньян и К. Рондо.

Супруг Екатерины Иоанновны Карл Леопольд имел репутацию человека неуравновешенного, вздорного, находящегося в разрыве с женой, потерявшего к тому же к 1728 г. бразды правления своим герцогством из-за ссоры с собственными подданными и австрийским императором Карлом VI. «Верховники» опасались, что он может втянуть Россию в нежелательный для нее конфликт.

«Я думаю, — рассуждал Дмитрий Михайлович после отклонения Екатерины Иоанновны, — что сестра ее, вдовствующая герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, более для нас пригодна: она может выйти замуж и находится в таких летах, чтобы оставить потомство; она родилась среди нас, мать ее русская, старинного и хорошего рода, нам известны сердечная доброта и другие прекрасные качества Анны Иоанновны — вследствие всего этого я считаю ее самой достойной для царства над нами». Другой источник передает эту фразу в другой редакции: «Правда, у нее тяжелый характер, но в Курляндии на нее нет неудовольствия». Последующие события показали, что последняя формулировка более соответствует подлинному характеру Анны Иоанновны, в чем мог убедиться сам Дмитрий Михайлович, сполна испытавший на себе и «сердечную доброту и другие (ее) сердечные качества».

Князь Дмитрий завершил свою речь оптимистической фразой: «Вот, братья, мое мнение; если вы можете убедить меня в лучшем — я приму, иначе я останусь при высказанном мнении».

Выступление Д. М. Голицына было поддержано всеми членами Верховного тайного совета, включая и князя Алексея Григорьевича Долгорукого носившегося с кандидатурой своей дочери Екатерины Алексеевны, как мы помним, помолвленной с покойным императором.

Уставшие от напряжения «верховники» выслушали еще одно предложение Дмитрия Михайловича, к восприятию которого вряд ли были подготовлены:

— Ваша воля, — обратился он к слушателям, — кого изволите, только надобно себе полегчить.

— Как это полегчить? — спросил канцлер Г. И. Головкин.

— Так полегчить, чтобы воли себе прибавить — ответил Д. М. Голицын.

— Хоть и зачем, да не удержим, — заметил осторожный князь Василий Лукич Долгорукий.

— Право удержим, — настаивал на своем Дмитрий Михайлович и тут же добавил: — Будь ваша воля, только надобно написать послание к ее величеству.

У уставших от непривычных событий членов Верховного тайного совета возникло желание отдохнуть, и они разошлись на отдых, чтобы вновь собраться в десять часов. Около этого времени князь Дмитрий Михайлович объявил сенаторам, генералитету и присутствовавшему шляхетству об избрании императрицей Анны Иоанновны. Известие было выслушано с одобрением.

Почему выбор пал на герцогиню Курляндскую, о которой никто не помнил? Герцогиня Курляндская Анна Иоанновна по аттестации де Лириа была наделена несколькими привлекательными свойствами природы. Она «тридцати шести лет от роду, очень величественной представительственности, очень любезна, отличается большим умом и... достойна трона».

Отметим, что испанский посланник де Лириа явно переоценивал достоинства Анны Иоанновны, тем не менее Голицын вместе с остальными «верховниками» выдвинули ее кандидатуру в императрицы, руководствуясь не тем, что она обладала перечисленными выше достоинствами. Их меньше всего интересовали достоинства или недостатки кандидата, Анны Иоанновны, более всего они, остановив свой выбор на курляндской герцогине, руководствовались более важными мотивами. Их было три: во-первых, Анна Иоанновна была вдовой, следовательно, отсутствовала угроза, что честолюбивый супруг мог подменить ее на троне; во-вторых, Анна Иоанновна, проживая два десятилетия в столице Курляндии Митаве, утратила прочные связи с Россией, где она не имела собственной «партии», чтобы на нее можно было опереться. Из этого вытекает третье обстоятельство, на которое «верховники» возлагали особые надежды: лишенная опоры императрица станет марионеткой «верховников» и будет беспрекословно выполнять их волю. Как увидим ниже, их расчеты оказались ошибочными, прежде всего потому, что они учитывали собственные интересы и почти полностью игнорировали интересы основной массы дворянства.

На выбор «верховниками» императрицы Анны Иоанновны, на мой взгляд, оказала влияние и ее непривлекательная внешность, которая по описанию П. В. Долгорукова, выглядела так: «Императрица Анна Иоанновна была ростом выше среднего, очень толста и неуклюжа; в ней не было ничего женственного: резкие манеры, грубый мужской голос, мужские вкусы. Она любила верховую езду, охоту, и в Петербурге в ее комнате всегда стояли наготове заряженные ружья: у нее была привычка стрелять из окна пролетающих птиц. Во дворе Зимнего дворца для нее был устроен тир и охотничий манеж, куда ей приводили диких кабанов, коз, иногда волков и медведиц. Так, 14 марта 1737 г. С.-Петербургские ведомости объявляют, “что е. и. в. Всемилостейшая государыня изволила потешаться охотой на дикую свинью, которую изволила из собственных рук застрелить”; 23 июля объявляется, что на прошедшей неделе в присутствии императрицы состоялись состязания в стрельбе и были розданы призы: золотые кольца, усыпанные алмазами; 27 апреля 1738 г. в Ведомостях объявляется, что императрица застрелила дикого кабана и оленя; в августе 1740 г., за два месяца до смерти Анны Иоанновны, в Ведомостях объявляется, что во время пребывания ее величества в Петергофе (то есть в три месяца) было убито девять оленей, шестнадцать диких коз, четыре кабана, волк, триста семьдесят четыре зайца, шестьдесят восемь уток, шестнадцать больших галок и т. д.». По-видимому, «верховники» полагали, что императрица не привлечет внимание сильного пола и двор не превратится в очаг разврата.

Отметим, по предложению Д. М. Голицына, духовные иерархи были отстранены от участия в событиях и, вопреки настояниям канцлера Головкина, не участвовали в обсуждении кандидатуры на трон. Столь суровому наказанию духовные иерархи были подвергнуты за то, что они благословили вступление на престол Екатерины Алексеевны, игнорируя при этом права законного наследника, каким считался сын царевича Алексея Петр.

На возобновившемся заседании совета «верховники» стали выдвигать условия к избранной ими императрице, обеспечивавшие существенное расширение их полномочий. Поскольку проект условий (кондиций), которыми должна была руководствоваться избранная императрица, отсутствовал, то в Мастерской палате Кремля, где происходило заседание Верховного тайного совета, начался гвалт, в котором чаще других слышались голоса Д. М. Голицына и В. Л. Долгорукова. Записывать пункты в такой обстановке было неудобно. Вот тут и вспомнили об Остермане.

В дни болезни Петра II Андрей Иванович Остерман сказывался больным. Лишь случайно он оказался на заседании Верховного тайного совета, и тогда канцлер Г. И. Головкин и фельдмаршал М. М. Голицын обратились к А. И. Остерману, чтобы тот вместо секретаря совета В. П. Степанова, «яко знающий лучше штиль», сформулировал пункты кондиций. Если бы Андрею Ивановичу была известна повестка дня заседания Верховного тайного совета, он наверняка по обыкновению продолжил бы «болеть», но, застигнутый врасплох, он стал отказываться выполнить просьбу, ссылаясь на то, что он как иностранец «в

такое важное дело вступать не может». Однако просьбы выступить в роли редактора были столь настойчивыми, что Остерман вынужден был уступить и участвовать в «затейке верховников», как позже назовет Феофан Прокопович попытку ограничить самодержавие. Однако потом его подписи под кондициями «верховников» не оказалось. О болезни, на деле оказывавшейся притворной, Андрей Иванович объявлял всякий раз, когда в верхнем эшелоне власти возникала сложная обстановка, с ее устранением он немедленно выздоравливал. И на этот раз Остерман избавится от мнимой хвори, как только узнает, что 25 февраля 1730 г. Анна Иоанновна надорвала лист с кондициями и восстановила абсолютную власть монарха, на которую покушались «верховники».

В окончательном варианте «пункты», позже названные «кондициями», выглядели так:

«1. Ни с кем войны не всчинять. 2. Мира не заключать. 3. Верных наших подданных никакими новыми податями не отягачать. 4. В знатные чины как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничьего ранга не жаловать, ниже к знатным делам... не определять и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета. 5. У шляхетства животы и имения и чести без суда не отнимать. 6. Вотчины и деревни не жаловать. 7. В придворные чины как русских, так и иноземных без совету Верховного тайного совета не производить. 8. Государственные расходы и доходы не употреблять.

И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде что по своему обещанию не исполню и не додержу (не выполню. — Н. П.), то лишена буду короны Российской».

Кондиции настолько ограничивали самодержавную власть, что монарху оставляли лишь формальную власть, а реальная власть должна была оказаться в руках Верховного тайного совета, подавляющее большинство которого составляли представители двух родовитых фамилий. Содержание кондиций дает основание полагать, что с принятием их в России должна быть установлена новая олигархическая политическая система, отличавшаяся и от абсолютной монархии, поскольку власть монарха была ограничена, и от парламентской монархии, поскольку власть монарха ограничивалась не в пользу избранного народом парламента, а в пользу бюрократического учреждения, члены которого были назначены верховной властью.

В кризисные дни января 1730 г. в Митаву, где проживала герцогиня Анна Иоанновна, отправилась делегация во главе с князем Василием Лукичем Долгоруковым, которой было поручено объявить герцогине об избрании ее императрицей, а также подписать кондиции, составленные Верховным тайным советом и ограничивавшие власть монархии настолько, что в ее руках оказалось не самодержавная власть, а ее призрак.

Неизвестный художник Портрет императрицы Анны Иоанновны. XVIII в.

Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Назначая В. Л. Долгорукова руководителем делегации, «верховники» руководствовались тем, что у Василия Лукича установились добрые отношения с герцогиней Курляндской. Кроме того, Василий Лукич, имея репутацию опытного дипломата, найдет, как полагали «верховники», способы убедить ее подписаться под кондициями.

Дело в том, что у основных противников «затейки верховников» нашлись оппозиционеры в лице Феофана Прокоповича, П. И. Ягужинского, лифляндца Левенвольде, отправившие в Митаву своих курьеров с письмами, извещавшими вдову, что не только столичные дворяне, но и дворяне, прибывшие в Москву из провинции на свадебные торжества, не состоявшиеся вследствие кончины жениха, не разделяют стремление «верховников» ограничить ее власть.

Как-то один из членов делегации встретил расхаживавшего на улицах Митавы курьера Ягужинского. Легкомысленный курьер тут же был схвачен и допрошен о цели своего приезда в Митаву и немедленно был отправлен в Москву в сопровождении члена делегации генерала Леонтьева. Курьер оказался камер-юнкером герцога Голштинского П. С. Сумароковым. Он, по свидетельству Миниха-младшего, первым известил Анну Иоанновну о ее избрании императрицей и уведомил о том, что «верховники» без

одобрения дворянства намереваются ограничить самодержавную власть. Левенвольде советовал Анне Иоанновне подписать бумагу, «которую после нетрудно разорвать», что она и сделала.

Между тем доставленный в Москву Сумароков во время допроса подтвердил ранее данные показания о своей миссии в Митаву и таким образом выдал Ягужинского. Тот был взят под стражу и не отрицал показания Сумарокова. «Верховники» ощутили нависшую над ними угрозу, о чем свидетельствует суровый приговор, вынесенный Ягужинскому. Приговор должен был предупредить всех противников их плана, что их ожидает такая же участь — казнь.

Анна Иоанновна подписала в Митаве следующее свое обязательство, текст которого был заранее составлен в Москве: «Хотя я рассуждала, как тяжело есть правление столь великой и славной монархии, однако же, повинуюсь Божеской воле и прося его Спасителя помощи, к тому же не хотя оставить отечества моего и верных наших подданных, намерилась принять державу и правительство, елико Бог мне поможет так, чтобы все наши подданные, как мирские, так и духовные, могли быть довольны.

А понеже к тому моему намерению потребны благие советы, как во всех государствах чинится, того ради пред вступлением моим на Российский престол по здравом рассуждении, избрали мы за потребность для пользы Российского государства и по удовольствованию верных наших подданных, дабы всяк мог видеть и правое наше намерение, которое мы имеем к отечеству нашему и верным нашим подданным и для того, каким способом мы то правление вести хотим, и подписав нашу рукой, послали в Тайный верховный совет, а сами сего месяца в 2 день из Митавы в Москву для вступления на престол. Дано в Митаве 29 января 1730 года».

Содержание документа, как видим, было составлено так, что якобы инициатива ограничения самодержавия исходила не от Верховного тайного совета, а от самой императрицы, которая располагала, «какими способами мы то правление ввести хотим». Это обязательство генерал Леонтьев доставил в Москву и передал Верховному тайному совету вместе с привезенным Сумароковым.

Казалось, «верховники» могли праздновать победу, доставшуюся им быстро и легко. Осталась самая малость — объявить народу подписанные Анной Иоанновной кондиции.

2 февраля в 10 утра на заседании Верховного тайного совета в присутствии всех его членов, за исключением В. Л. Долгорукова, находившегося вместе с императрицей в пути из Митавы в Москву и прикидывавшемся больным А. И. Остермана, были зачитаны подписанные Анной Иоанновной кондиции и ее письма о добровольном ограничении своей власти. Вслед за этим оба документа были обнародованы собравшимся генералитету, шляхетству и духовным иерархам.

Присутствовавшие молча их выслушали и были потрясены небывалым содержанием — никто не мог припомнить случая, чтобы монарх добровольно, по собственной инициативе решил лишиться всей полноты власти.

Мертвую тишину нарушил князь Д. М. Голицын, обратившийся к присутствующим с призывом благодарить императрицу Анну Иоанновну за содеянное. Протокол Верховного тайного совета отметил это важнейшее событие лаконичной фразой: «За такую ее императорского величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущего Бога и все согласно объявили, что тою е. в. милостию весьма довольны».

Эта фраза изложила версию произошедшего глазами «верховников». Совсем по-иному она была изложена сторонником сохранения самодержавия. Мнение Феофана Прокоповича: «Никого, почитай, кроме «верховников», не было, кто бы, такое слышав, не содрогнулся. И сами те, которые вчера великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики». Однако никто не осмелился открыто протестовать, «понеже в памяти по переходам в сенях и избах многочисленное стояло вооруженное

воинство и дивное было всех молчание». Лишь Д. М. Голицын часто говорил: «Видите, как милостива государыня и какого мы от нее надеемся, таковое она показала отечеству нашему благоденствие. Бог ее подвинул к сему, отселе счастливая и цветущая Россия будет».

«Верховники» отпустили присутствовавших, а сами отправились на заседание, куда привели арестованного Ягужинского. Его спросили, доволен ли правлением, установленным кондициями, на что он не дал вразумительного ответа. Тогда ему показали письмо, изъятое у Сумарокова. Ягужинскому не оставалось ничего иного, как признать себя автором письма. Тем приговорил себя к смерти: по приказанию фельдмаршала В. В. Долгорукова он отдал шпагу и под конвоем сержанта, капрала и 12 рядовых был отправлен в темницу.

3 февраля Ягужинского еще раз допрашивали, а в последующий день у него после очередного допроса отняли награды и при барабанном бое площадные объявили, что он обвиняется в отправке письма, направленного «против блага отечества и ее величества». Это был приговор не только Ягужинскому, но всем, кто осмелится осуждать действия «верховников».

Арест Ягужинского и смертный приговор ему приобрел значение самой суровой меры «верховников» против своих противников — не помогло даже заступничество за Павла Ивановича канцлера Г. И. Головкина, являвшегося его тестем. Обозначился явный раскол в верхах, если под ними подразумевать не только «верховников», но и высших сановников. Особенную важность приобрела позиция широких кругов дворянства и гвардейских офицеров, не намеревавшихся поддержать «затейку верховников» об установлении новой формы правления. Два авторитетных современника высказали осуждение «затейки».

Феофан Прокопович, публицист в рясе, полагал, что порядки, предлагаемые «верховниками», «крайне всему отечеству настоит бедства. Самым им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, столько явится атаманов междуусобных браней, и Россия возымеет скарредное оное лицо, каковое имело прежде, когда на многие княжества расторженно бедствовали».

Эти же мысли разделял казанский губернатор Артемий Петрович Волынский, раскрыв их более основательно в письме в Москву: «Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтоб быть у нас республике. Я зело в том сумнителен. Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонически о милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже между главными, как бы согласно ни было, однако же впредь конечно у них без разбору не будет, и так один будет миловать, а другие, на то яряся, вредить и губить станут.

Второе, понеже народ наш наполнен трусостью и похлебством, и для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и... главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради <...> Третье, не допусти Боже, если война на нас будет, и в то время потребно расположить будет обществом или рекрутский набор, или прочий какой сбор для пользы и обороны государства, для того надлежит тогда всякому понести самому на себе для общей пользы некоторую тяжесть, в том голосов сообразить никак невозможно будет, и, что надобно сделать и рассмотреть в неделю, того в полгода или в год не сделают... Четвертое, если офицеры перед штатскими не будут иметь лишнего почтения и воздаяния, то и последняя пропадет у тех к военной службе охота, понеже страха над ними такова, какой был, чаю, не будет. Еще же слышно, что делается воля к службе, и правда, что в неволе служить зело тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюбив, и для того если некоторого принуждения не будет, то конечно и также, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме, разве что останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и в тое чести надлежащего места отдавать им, и таких на свою шею насажаем непотребных, от которых впредь

самим нам места не будет и весь воинский порядок у себя, конечно потеряем».

Я не стану устанавливать степень основательности мотивировки Волынского, для меня важна направленность его мыслей, не схожих с мыслями «верховников». Можно представить, сколь возбуждено было шляхетство в Москве поведением «верховников», если даже в провинции их действия решительно осуждались! О том, что вместо одного монарха «мы увидим в лице каждого члена этого совета тирана, своими притеснениями делавшего нас рабами пуще прежнего», высказались не только Прокопович и Волынский. Эту мысль можно встретить даже в депеше саксонского посланника Лефорта.

Что делала в эти бурные дни Анна Иоанновна? Прибыв в село Всехсвятское, расположенное в семи верстах от Москвы, где перед въездом в старую столицу она должна была провести несколько дней в ожидании, когда будет захоронено тело Петра II и завершится подготовка к ее торжественной встрече, императрица зря времени не теряла.

Хотя она по-прежнему находилась под бдительным надзором В. Л. Долгорукова, но князь не мог воспрепятствовать появлению в Всехсвятском родной сестры Анны — Екатерины Иоанновны и кузины Елизаветы Петровны. Они обменялись любезностями, призывами жить в мире и согласии, но подлинная теплота между ними отсутствовала. «Мало осталось членов нашего семейства, мы многих потеряли, — обратилась к дочери Петра Великого дочь его единокровного брата, — так будем же жить мирно, в полном согласии, и я употреблю все старанье не нарушать его». Елизавета Петровна ответила взаимными обязательствами, но не преминула пожаловаться на притеснения Долгоруковых. «Она, — доносил Лефорт, — не хотела выйти замуж за князя Ивана и за то должна была переносить все неприятности. Ее величество обещала все это исправить».

Рис. Скино А.Т. Литография Каспар Эргот Портрет Павла Ивановича Ягужинского

1862 г. Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863

Гораздо важнее прибытия сестер было появление в Всехсвятском батальона Преображенского полка, членов Верховного тайного совета, а также генералитета. Во время аудиенции Анна Иоанновна дважды нарушила подписанные ими кондиции. Первый раз, когда канцлер Г. И. Головкин пытался возложить на нее ордена Андрея Первозванного и Александра Невского. Императрица сочла получение кавалерии от подданных унижительной для себя процедурой и ненароком перехватила их из рук канцлера, произнеся: «Ах, правда, я и забыла их надеть» — и велела их надеть на себя одному из своих придворных.

Вслед за казусом с кавалерией Д. М. Голицын обратился к императрице с приветственной речью, в которой заявил, что все они благодарят ее «за то, что ты удостоила принять из наших рук корону и возвратиться в отечество и за то, что ты соизволила принять пункты, которые нашим именем предложили тебе наши депутаты».

Ответную речь Анны Иоанновны изложили в депешах три дипломата: К. Рондо, Лефорт и Вестфален, причем подробнее всех ее содержание передал Лефорт: «Я соблаговолила принять пункты, предложенные вами, уверена будучи в неизменном усердии и верности вашей к государыне и отечеству. Я постараюсь только склониться к тем советам, которые бы доказали, что я ищу лишь блага моего отечества и

верноподданные моих, прошу вас помогать мне в том; пусть правосудие будет предметом попечительного внимания вашего и пусть мои верноподданные не испытают никакого угнетения».

Обращает на себя внимание отсутствие в депеше Лефорта фразы, обнаруженной в депешах К. Рондо и Вестфалена. К. Рондо вложил в уста императрицы обещание ее соблюдать пункты кондиций «всю жизнь», а в депеше Вестфалена это обязательство звучало так: «Я их свято хранить буду до конца моей жизни».

В ответной речи Анны Иоанновны наличествуют слова, из которых следуют претензии ее на самодержавие: она была уверена «в неизменном усердии и верности вашей к государыне и отечеству».

Явным нарушением кондицией было и объявление себя шефом Преображенского полка и эскадрона кавалергардов. Четвертый пункт подписанных ею кондиций гласил: «...гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета».

Вряд ли члены Верховного тайного совета, не говоря уже о проницательном Д. М. Голицыне, не заметили дважды нарушенных Анной Иоанновной кондиций, но промолчали. Почему? Осмелюсь высказать догадку: вероятно потому, что отвага, проявленная при составлении кондиций, покинула «верховников» во время непосредственного контакта с императрицей, когда эта отвага уступила рабской покорности монархине. Понадобилось целое столетие, чтобы появились декабристы, созревшие для внедрения в России республиканских порядков.

Торжественный въезд Анны Иоанновны в Москву состоялся через четыре дня после похорон Петра II и через день после аудиенции «верховников», вельмож и генералитета — 15 февраля, в воскресенье. По своей пышности и торжественности москвичам не доводилось наблюдать ничего подобного, и эту пышность следует тоже рассматривать как шаг к отмене кондиций и утверждения абсолютизма.

Шествие открывал батальон Преображенского полка, за ним следовали кареты вельмож, в трех из них восседали фельдмаршалы Долгоруков, М. М. Голицын и Трубецкой, далее шествовали четыре камерлакея, за ними — семь карет, в четырех из которых сидели придворные дамы, привезенные из Курляндии, а три были пустыми.

Императрица ехала в большой, богато украшенной карете с придворными лакеями, четырьмя арапами и скороходами. Шествие замыкала гренадерская рота гвардейского Семеновского полка. Въезд в Земляной город сопровождался залпом из 71 орудия.

У триумфальных ворот в Китай-город императрицу встречали синодалы во главе с вице-президентом Синода Феофаном Прокоповичем. В Кремле императрица под звон колоколов отправилась в Успенский собор, у входа в который в парадных мундирах стояли сенаторы, президенты и члены коллегий. Вход в собор сопровождался залпом из 101 орудия.

Феофан Прокопович подготовил приветственную речь, но министры Верховного тайного совета запретили ее произносить, и он ее текст вручил императрице. Как человек, превосходно владевший пером, он изложил жизненный путь императрицы, не забыв упомянуть о вдовьей судьбе и житейских лишениях в Курляндии, о притеснениях от неблагодарного раба и весьма «безбожного злодея», под которым подразумевался Меншиков.

Смысл речи Феофана Прокоповича был сформулирован в следующем абзаце: «Твое персональное состояние всему миру известно: кто же, смотря на оное, не воздохнул, видя порфирородную особу, в самом цвету лет своих впадшую в сиротство отшествием державных родителей, тоску вдовства приемшую лишением любезнейшего подружия, не по достоинству рода пропитание имущую, но и, что вспомнить ужасно, сверх многих неприятных приключений от неблагодарного раба и весьма безбожного злодея страх, тесноту и неслыханное гонение претерпевшую».

Хотя В. Л. Долгоруков поселился рядом с покоями императрицы и не спускал с нее глаз, ей удавалось получать достоверную информацию о четко определенном конфликте между «верховниками» и шляхетством, в котором перевес клонился к шляхетству. Показательны в этом отношении изменения в тексте присяги, произведенные под напором шляхетства.

Правительственный проект присяги выражал благодарность императрице «за ее к российскому народу щедроты», выразившиеся в подписании кондиции и обязательствах их свято выполнять и принять присягу «по силе вышеозначенных ее императорского величества постановленных и утвержденных кондиций в общую пользу и благополучное всего государства правление во всем содержать по сему».

В окончательном тексте присяги, принимавшейся 20 февраля, отсутствует понятие «кондиций» и упоминание о Верховном тайном совете. Присягавшие давали торжественное обещание «ее величеству великой государыне царице Анне Иоанновне и государству верным рабом и подданным быть, также ее величеству моему пользы и благополучия искать и старатца».

Текст присяги свидетельствует о том, что на пути к установлению самодержавия Анны Иоанновны сделан еще один важный шаг. Падение влияния «верховников», их растерянность и отсутствие четкой программы, как удержать власть в своих руках, выразилось в том, что Д. М. Голицын предложил дворянам, «чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучия, написали проект от себя и подали на другой день».

Включившись в поиски «общей государственной пользы», дворяне разделились на множество групп, каждая из которых вручила Верховному тайному совету свой проект, что свидетельствовало, с одной стороны, об отсутствии у него идейного центра, способного ими руководить, и с другой — об отсутствии помещения, способного вместить несколько сотен дворян.

Дореволюционные историки насчитали от 12 до 17 представленных шляхетством проектов. Усилиями советских историков, скрупулезно изучавших тексты проектов и фамилии подписавших их лиц, число проектов сократилось до семи-восьми, а подписавших — до 500 человек. Уменьшение числа проектов объяснялось тем, что содержание некоторых из них было одинаковым. Равным образом уменьшилось и количество подписавших — многие дворяне ставили свои подписи под двумя или даже несколькими проектами.

Общим для всех проектов было требование ограничить самодержавие, однако авторы не называли, в чем это ограничение должно выражаться. Принципиальные их отличия от кондиций состояли в том, что «верховники» были озабочены, как «полегчить себе», в то время как шляхетские проекты формулировали расширение привилегий всего дворянства. Общим для шляхетских проектов являлось наличие в них требования реформы центральных учреждений с той целью, чтобы к участию в них были допущены рядовые дворяне. Для этого предлагалось увеличить численный состав, одни проекты имели в виду Верховный тайный совет, другие — Сенат. Второе требование состояло в ограничении прав шляхетства, добившегося этого звания шпагой и пером, то есть по Табели о рангах петровских времен, когда на звание дворянина мог претендовать всякий, кто дослужился до восьмого ранга на гражданской службе и первого на военной. Третье требование — улучшение положения других сословий, в том числе и крестьян, размер подати с которых должен быть уменьшен. Это требование было связано не с заботой об улучшении положения крестьян, а с улучшением положения помещиков, опасавшихся, что подати занимали львиную долю доходов крестьян, а их владельцам оставалась малая часть.

О брожениях в шляхетской среде, недовольной расширением привилегий высших слоев и игнорированием их интересов, быстро становилось известно Анне Иоанновне.

Уступки «верховников» шляхетство сочло недостаточными, оно обратилось к императрице с

челобитной, в которой потребовало признания недействительными кондиций, подписанных императрицей, и восстановление в полном объеме самодержавной власти. Анна Иоанновна, к которой 25 февраля явилась делегация во главе с Василием Долгоруковым заявила, что «пункты, которые вы мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию всего народа, и тут же надорвала кондиции, тем самым подтвердив что она, идя навстречу требованиям шляхетства, объявляет себя полновластной абсолютной монархиней.

«Верховники», присутствовавшие на этой церемонии, послушно склонили головы, чем дали понять, что они не намерены оказать сопротивление решениям императрицы. Так бесславно закончилось намерение аристократических фамилий ограничить власть императрицы в свою пользу.

Сторонники самодержавия, кроме того, воспользовались услугами жен вельмож, составлявших двор императрицы, которые передавали ей сведения о событиях, происходивших за пределами ее резиденции. В частности, женам князя Черкасского и Салтыкова было поручено спросить у Анны Иоанновны, добровольно или по принуждению она подписала кондиции. Анна Иоанновна уклонилась от прямого ответа на вопрос, но заявила, что очень охотно примет самодержавие.

Здесь надобно остановиться на участии в февральских событиях А. И. Остермана. Сразу же надлежит заметить, что на протяжении февраля он выполнял пассивную роль наблюдателя за действиями своих коллег. Лишь в самом начале этих событий он случайно оказался в их эпицентре и по настоянию «верховников» принял на себя обязанность редактора текста кондиций. В эти бурные дни Андрей Иванович не выходил из своих покоев, но пристально наблюдал за действиями «верховников». Носились слухи, что он тайно поддерживал императрицу, давая ей в записках советы, как ей надлежит противодействовать «затейке верховников», но историки не располагают документальным подтверждением того, что он был заинтересован во вступлении на престол Анны Иоанновны, равно как и Анна Иоанновна была заинтересована в установлении тесных контактов с Остерманом.

Неизвестный художник Портрет Василия Лукича Долгорукова

Пер. пол. XIX в. Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Интерес Остермана в абсолютной власти Анны Иоанновны состоял в возможности усиления его позиций в правительственном механизме и расширении его властных полномочий. И Анну Иоанновну, и Андрея Ивановича сближало их отношение к Верховному тайному совету. Анна Иоанновна не питала к нему расположения, поскольку он пытался ограничить ее власть, а Андрей Иванович — из-за аристократического состава этого учреждения. Но главное — А. И. Остерман чувствовал себя уютно в учреждении бюрократическом, а Верховный тайный совет был структурой аристократической, большинство членов которой являлось потомками Рюриковичей и Гедиминовичей. Поэтому вступление Анны Иоанновны на престол неминуемо должно было сопровождаться упразднением Верховного тайного совета.

Остается ответить на вопрос, почему намерение Верховного тайного совета ограничить самодержавие потерпело неудачу? Как случилось, что инициатор затейки Д. М. Голицын, человек образованный и обладающий твердым характером, вместе с другими членами Верховного тайного совета покорно склонил голову, когда императрица надорвала кондиции? Ответ на оба вопроса лежит на поверхности: дворянство, распорядившееся короной, не созрело для ограничения самодержавной власти монарха. Поэтому затейку «верховников» следует рассматривать как кратковременную акцию, не

располагавшую условиями для успешной ее реализации.

Глава восьмая.

А. И. Остерман в Кабинете министров

Обратимся теперь к истории упразднения Верховного тайного совета. К моменту кончины кончины Петра II он существенно отличался по составу от того учреждения, которое создали при Екатерине I. Из вельмож, назначенных в Верховный тайный совет императрицей в 1726 г., остались только Г. И. Головкин, А. И. Остерман и Д. М. Голицын. П. А. Толстой стараниями А. Д. Меншикова оказался в Соловецком монастыре, где и скончался в 1729 г. Сам А. Д. Меншиков усилиями А. И. Остермана в 1727 г. был отправлен в ссылку в Березов. Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин скончался в 1728 г.

Убыль была восполнена при Петре II, назначившего 3 января 1728 г. в Верховный тайный совет заботами фаворита императора Ивана Долгорукого еще двух представителей этой фамилии: Алексея Григорьевича и Василия Лукича. После кончины Петра II Верховный тайный совет включил в свой состав еще трех новых членов: двух фельдмаршалов — Василия Владимировича Долгорукого и Михаила Михайловича Голицына-старшего, а также сибирского губернатора Михаила Владимировича Долгорукого, прибывшего из Тобольска в Москву на свадебные торжества.

В результате кооптации социальный состав Верховного тайного совета коренным образом изменился: при его учреждении аристократию представлял один Д. М. Голицын, теперь, в конце января 1730 г., она была представлена пятью членами, из которых четверо принадлежали клану Долгоруких (Алексей Григорьевич, Василий Лукич и Василий Владимирович и Михаил Владимирович) и два — к Голицыным (Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович).

Таким образом, Верховный тайный совет из бюрократического учреждения при своем основании превратился в конце января 1730 г. в учреждение аристократическое, представленное двумя знатными фамилиями. Верховный тайный совет превратил бы Россию в страну, управляемую олигархией.

Вступив на престол, Анна Иоанновна прежде всего решила упразднить ненавистный ей Верховный тайный совет, попытавшийся ограничить ее абсолютную власть, причем настолько серьезно, что императрице оставался лишь ее призрак. Однако императрица, не располагая ни знанием управленческих функций, ни опытом управления, нуждалась в учреждении, подобном Верховному тайному совету, на который она могла бы положиться. Властные полномочия должны быть предоставлены не одному лицу, поскольку в этом случае в стране появился бы второй, неофициальный император, а коллективу лиц, наделенных равными правами. Это исключало бы притязания одного лица на власть.

В упразднении Верховного тайного совета был заинтересован и А. И. Остерман. Во-первых, потому, что его личность растворялась в составе восьми «верховников»; что противоречило честолюбивым притязаниям Андрея Ивановича. Значительно проще было подчинить своему влиянию учреждение, составленное из минимального числа членов. Во-вторых, важно было обновить и социальный состав нового учреждения — превратить его из аристократического в бюрократический.

Каковы были свойства натуры вступившей на трон императрицы? Ответ на вопрос имеет немалое значение, поскольку такие черты характера, как наличие таланта и его отсутствие, трудолюбие и леность, жестокость и милосердие, скупость и расточительность, воинственность и миролюбие оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Предпринимая попытку охарактеризовать личность Анны Иоанновны, отмечу, что историки располагают значительно большим количеством отзывов о ней, чем о ее предшественниках, в том числе и о Петре Великом, о недостатках и достоинствах которого можно судить не столько по отзывам

современников, сколько по его делам и поступкам.

Луи Каравакк Портрет императрицы Анны Иоанновны

1730 г. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Источники, характеризующие личность Анны Иоанновны, можно разделить на три категории: официальные, то есть правительственного происхождения; содержащие о ней отзывы современников, преимущественно иностранных дипломатов, и тексты публицистических сочинений, печатаемых в рупоре правительства — газете «Санкт-Петербургские Ведомости».

Нет надобности подробно устанавливать степень субъективности свидетельства всех без исключения источников, поскольку такой анализ увел бы автора, а вслед за ним и читателя в сторону от главной темы сочинения — биографического очерка об Остермане.

Высокую оценку личных достоинств императрицы можно обнаружить во множестве указов и манифестов, внушавшим подданным мысль о том, что у императрицы нет иной заботы, чем проявлять «матерное попечение об их благополучии». Забота императрицы о процветании государства, об обеспечении его безопасности, о повышении материальной и духовной жизни подданных составляет главную цель любого царствования, в том числе и Анны Иоанновны.

Аналогичную цель преследуют и газетные заметки, публиковавшиеся в «Санкт-Петербургских

ведомостях» с тем, однако, существенным отличием, что они не устанавливают законодательных норм, обязательных для исполнения подданными, а преследуют более скромную цель — информировать читателей о конкретном проявлении заботы императрицы о благе подданных, о ее необычайном усердии и повсеместном участии в делах управления государством. Приведу несколько выдержек из газеты, раскрывающих цель публикации.

30 июня 1730 г. «Санкт-Петербургские ведомости» уведомили подданных: «Хотя ее величество еще непрестанно в Измайлове при нынешнем летнем времени пребывает, однако в государственных делах великое попечение иметь изволит, понеже не только Сенат здесь (в Москве. — Н. П.) свои ежедневные заседания имеет, но также два дня в неделю назначены, чтоб оном у ее императорского величества в Измайлове собираться и в ее присутствии в среду иностранные, а в субботу здешние государственные дела воспринимать, также изволит ее величество сверх того министров до аудиенции допускать».

В течение двух лет царствования Анна Иоанновна действительно присутствовала на некоторых заседаниях Кабинета министров, но, когда она сочла свое положение на троне достаточно прочным, визиты становились все более редкими, а после 1735 г., когда три подписи кабинет-министров под указом приравнивались к именованным, почти прекратились — к ней в покои приходили с докладами кабинет-министры. Ей импонировали доклады кабинет-министра А. П. Волынского, главное достоинство которых состояло в краткости изложения — императрицу утомляли основательные суждения кабинет-министров о скучных делах внутренней и внешней политики.

В течение 1732 года императрица участвовала всего в четырех заседаниях Кабинета, но это несколько не смущало газету, подававшую каждое ее присутствие как важнейшее событие в жизни страны: 12 февраля Анна Иоанновна «ныне при тайных советах опять обыкновенно присутствовать изволит»; в августе «беспрестанно при тайных советованиях в нынешнем состоянии присутствует»; 1 ноября «при советовании о нынешних обстоятельствах сама присутствовать изволит»; 20 декабря — последнее уведомление о том, что Анна Иоанновна в советах «непрестанно присутствует».

Самое пространное такого рода известие газета опубликовала 2 октября 1735 г.: «Ее императорское величество, всемилостивейшая наша самодержица обретается во всяком вожделенном благополучии как при дворе ее императорское величество во всем преизрядный порядок и непременная исправность крайне наблюдается, так и многие иностранные дела, в которых ее императорское величество беспрестанно упражняться изволит. Ее величество от того весьма не удерживают, чтоб о своей империи и всегдашнем приращении оный не имеет прозорливого и раздельного смотра».

Чем дальше, тем явственнее становилось стремление двора сообщить подданным сведения об активном участии императрицы в управлении страной. Так, за 1736 г. газета ограничилась единственной публикацией в марте, известив, что Анна Иоанновна изволит «при нынешних обстоятельствах с неусыпной манерой ревностно» присутствовать на заседании Кабинета министров.

Не подлежит сомнению, что присутствие императрицы на заседаниях Кабинета четыре раза в году, а в 1735 г. всего лишь один раз, вступают в противоречие с газетными утверждениями, что она и «с непрерывной матерною ревностно» занимается государственными делами. Такого рода заявления газеты, выражаясь современным языком, следует рассматривать как пропагандистский трюк двора.

Стремление возвеличить роль императрицы в делах управления явно просматриваются и в устраиваемых в столице фейерверках. Общеизвестно, огненными потехами увлекался Петр Великий, но они использовались для прославления величия России и ее достижений, в то время как фейерверки времен Анны Иоанновны прославляли величие ее, императрицы. Фейерверки зажигались в новогодние дни, дни рождения, тезоименинства и коронации Анны Иоанновны. В первом таком фейерверке, устроенном в честь дня ее рождения, сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», наблюдавшие его

зрители прочли слова на латинском языке, заимствованные у Овидия: «Оттуда происходит величество, и в самый тот день, в котором родилась, уже велико был». В другом фейерверке, устроенном в том же году, были использованы слова Клавдия: «Имя ее вознесут...»

подавляющему большинству жителей столицы были неведомы имена Овидия, Клавдия и тем более таинственное содержание их изречений на латинском языке, о котором они тоже не имели понятия, выглядело загадочно, но эта таинственность тоже была использована для прославления императрицы.

О новогоднем фейерверке 1734 г. газета писала: «Изображенный орел держал в правой лапе лавром обвитой меч, а на груди щит с вензловым именем ее императорского величества, имеющий надпись: “Щит другам, страх неприятелям”». Едва ли не самый «подобострастный» фейерверк был устроен в честь нового, 1736 г. В описании газеты он выглядел так: «На фоне фейерверка изображена была Россия в женском образе, стоящая на коленях перед ее императорским величеством, которая освещалась снисходящим с неба на ее императорское величество и от того ее величества возвращающим сиянием с сею надписью: “Благия нам... лета”». На фейерверке, посвященном дню рождения, 21 января 1738 г., было изображено: «Да умножаются лета великия Анны».

Важным средством внушения подданным мысли о непрестанной заботе императрицы об их благополучии являлись манифесты. В отличие от газеты, которую читала малочисленная прослойка населения, манифесты произносились с амвонов храмов, и их содержание становилось достоянием всех подданных, проживавших в самых глухих местах. Однако далеко не все манифесты информировали слушающего о «неусыпных трудах» и «матерном попечении» императрицы об их благе и процветании, большинство из них упрекало подданных в их неблагонадежности, в том, что они совершали преступления против режима.

К таким документам относится манифест от 23 декабря 1731 г. о наказании Долгоруких за их претензию на корону и активное участие в попытке ограничить самодержавие. Поступки Долгоруких, по словам манифеста, должны были усугубить их вину: «Хотя всем известно, какие мы имеем неусыпные труды о всяком благополучии и пользе государства нашего, что всякому видеть и чувствовать возможно из всех в действо произведенных государству помянутых наших учреждений...» Манифест, обнародованный в ноябре 1734 г. в связи со ссылкой в Сибирь смоленского губернатора А. А. Черкасского, начинался словами: «Известно всем нашим подданным, коим образом с начала вступления нашего на наследственный прародительский Всероссийской империи самодержавный престол неусыпное попечение имею об учреждении безопасного нашего государства и благопоспешествовании пользы и благополучия всех верных подданных». Указ 9 января 1737 г. о наказании Д. М. Голицына тоже перечисляет благодеяния императрицы: «Ревнуня закону Божьему крайнее желание попечение имеем все происходящие неправды, ябеды, насильства и вынужденные коварства всемерно искоренять, а правосудие утверждать и обидимых от рук сильных избавлять».

Как видим, все средства, которыми располагало правительство, были использованы для создания образа императрицы, денно и ночью пекущейся о благе государства и подданных. Анализ текстов манифестов и газетных публикаций позволяет сделать одно немаловажное наблюдение: если до противоборства шляхетства и императрицы с «верховниками» имя Остермана часто упоминалось в депешах иностранных дипломатов, то во время их схватки оно встречается лишь один раз. Это свидетельствовало не об исчезновении честолюбивых помыслов опытного интригана, а об умении терпеливо ожидать своего звездного часа. Остерман в февральские дни 1730 г. безмолвствовал, создавая о себе впечатление стороннего наблюдателя, не проявлявшего интереса к происходившим событиям. Впрочем, втайне, будучи уверенным в провале «затейки верховников», он снабжал императрицу записками с советами, как обуздать затейников.

Как только Остерману стало известно, что Анна Иоанновна надорвала лист бумаги с кондициями — поступок, символизировавший восстановление самодержавия, он тут же перестал болеть и явился в Верховный тайный совет и ко двору.

Андрей Иванович поддерживал хорошие отношения с Анной Иоанновной, когда та была еще курляндской герцогиней, переписывался с нею. Теперь, когда герцогиня Курляндская стала императрицей, взаимный интерес в установлении более тесных контактов значительно возрос. Императрица, не располагавшая опытом управления государством, крайне нуждалась в услугах дельца, способного дать разумный совет, предостеречь от опрометчивых поступков, назвать лиц, которые могут быть полезны в правительственном механизме. Среда, в которой она могла обнаружить такого деятельного слугу, была крайне ограничена, и для Анны Иоанновны Остерман был подарком, которым она с радостью воспользовалась.

Установления доверительных отношений между императрицей и Остерманом долго ожидать не приходилось. Уже в начале мая 1730 г. они были подкреплены пожалованиями: Андрей Иванович получил значительных размеров поместье в Лифляндии, прежде принадлежавшее князю Меншикову, а также был возведен в графское достоинство.

Коротко о личности Анны Иоанновны и ее правлении, как о ней отзывались современники. Посланник Англии при русском дворе Финч считал, что она «обладала в высшей степени всеми достоинствами, украшающими великих монархов, и не страдала ни одной из слабостей, способной омрачить добрые стороны ее правления». Подданные видели в ней мать.

Еще более хвалебные слова в адрес Анны Иоанновны можно обнаружить в отзыве генерала А. И. Румянцева. Они выглядят тем более странными, что Румянцев начинал свою карьеру в царствование Петра Великого и, казалось бы, имел возможность сопоставить таланты Анны Иоанновны с талантами ее дяди. Тем не менее Александр Иванович считал, «что усопшая государыня-императрица, яко истинная мать отечества, как в жизни своей всегда неусыпное материнское попечение о благополучии империи своей иметь изволила и оную великими своими делами и сильными прогрессами наивящее прославить, то и при конце жизни своей не хотела нас, бедных рабов, сырых и плачущих оставить, высочайшим своим тестаментам наследника нам великого государя Иоанна Третьего определить соизволила», а Бирона назначила регентом. «И таким своим высочайшим государским и материнским определением бессмертную славу себе оставить изволила». Полагаю, что в письме к Бирону Румянцев, знавший подлинную цену императрицы, рассыпался в комплиментах ей, дабы угодить Бирону.

Взвешенную и ближе всего приближавшуюся к истине характеристику Анны Иоанновны дал публицист и историк М. М. Щербатов: «Грубый ее природный обычай смягчен не был ни воспитанием, ни обычаями того века, ибо родилась во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы; и сие чинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучительную казнь без содрогания подписывала, а может статься, и еще была к тому побуждаема и любимцем своим Бироном. Не имела жадности к славе, и потому новых узаконений и учреждений мало вымышляла, но старалась старое учрежденное в порядке содержать».

Характеристика Анны Иоанновны М. М. Щербатовым может считаться едва ли не самой обстоятельной среди монархов, царствовавших в XVIII столетии. В ней можно обнаружить все черты натуры, свойственные человеку, восседавшему на троне: интеллект, характер отношений к своим обязанностям, отношение к фаворитам и др. Портрет Анны Иоанновны в изображении М. М. Щербатова в подавляющем большинстве случаев сходен с оригиналом и может быть подтвержден фактами. Однако можно поспорить с суждением о том, что она была «прилежна к делам», а также с его представлением о роли Бирона в царствование Анны Иоанновны. Полагаю, что наличие сомнительных оценок личности Анны

Иоанновны и ее правления связано не с пристрастием автора, а с тем, что Михаил Михайлович пребывал в детском возрасте, а когда писал свое знаменитое сочинение «О повреждении нравов в России», то не располагал достаточно корпусом источников.

«Императрица Анна не имела блистательного разума, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен; с природы нраву грубого, отчего и с родительницей своею в ссоре находилась и ею была проклята, как мне известно сие, по находящемуся в архиве Петра Великого одному письму от ее матери, ответственном на письмо императрицы Екатерины Алексеевны, чрез которое она прощает дочь свою, сию императрицу Анну.

Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства; ничего спешно и без совету искреннейших людей государства не начинала, отчего все узаконения суть ясны и основательны. Любила приличное великолепие императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было с благоустройством государства.

Не можно оправдать ее в любострастии, ибо подлинно, что бывший у нее гофмейстером Петр Михайлович Бестужев участие в ее милостях, а потом Бирон и явно любимцем ее был, но наконец при старости своих лет является, что она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника».

Десятилетнее царствование Анны Иоанновны принято называть бироновщиной. Действительно, Анна Иоанновна была правительницей номинальной, правил страной ее фаворит, в которого она была безумно влюблена и выполняла его любые капризы. Современники единодушны в оценке роли Бирона в управлении и его влияния на императрицу. Саксонский министр граф Линар в марте 1734 г. писал: «...в конце концов, помимо его (Бирона. — Н. П.) воли ничего не делается». В 1738 г. неизвестный автор сочинения «О русском государстве в 1717–1731 гг.» отмечал: «Императрица отдала всю власть своему дорогому герцогу Курляндскому». В июне 1739 г. английский посланник К. Рондо извещал свой двор: «Здесь всякое дело, каково бы ни было... должно пройти через руки графа (Бирона. — Н. П.)»; прусский посланник Мардефельд в июле 1740 г. уверял короля, что Анна Иоанновна никогда не оставит Бирона, так как связана с ним самыми сильными клятвами, и сочла бы себя достойной проклятия, если бы нарушила их.

Якоби Валерий Иванович А.П. Волынский на заседании кабинета министров

1875 г. Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Омск

Андрей Иванович понимал, что прямой и кратчайший путь к вершинам бюрократической иерархии лежит через установление доверительных отношений с императрицей, через оказание ей услуг, которые она сочтет для себя полезными. Именно поэтому Остерман из всех сил старался приобрести расположение императрицы. Таким образом, оба — Анна Иоанновна и Андрей Иванович — были заинтересованы в упразднении Верховного тайного совета и учреждении Кабинета министров: Анна Иоанновна потому, что Верховный тайный совет пытался ограничить ее власть, а Андрей Иванович — потому что затруднительно это громоздкое учреждение, укомплектованное аристократами, подчинить своему влиянию.

Указ от 18 октября 1731 г. об учреждении Кабинета министров ограничился общей формулировкой задач, которые ему предстояло решать: он учреждался «для порядочного отправления государственных дел, которые к собственному нашему определению и решению надлежат».

Опытному дельцу и инициатору учреждения Кабинета министров А. И. Остерману, надо полагать, была очевидна необходимость более точного определения компетенции нового учреждения. Она диктовалась не только деловыми соображениями, но и его стремлением оградить себя от возможных упреков в том, что он присвоил себе чрезмерно обширную власть. Но не подлежит сомнению, что именно эту цель преследовал Андрей Иванович.

Серия указов, последовавших за указом 18 октября 1731 г., конкретизировала права и обязанности Кабинета министров. Указ 3 ноября определил обстановку, в которой должны были происходить заседания Кабинета министров и перечень дел, которые он должен был рассматривать. Во время заседаний Кабинета министров у дверей, где оно происходило, должен был стоять часовой, для посылок были определены «два ездовых сержанта». Этот указ определил и организацию делопроизводства Кабинета — в нем должны вестись четыре книги: в первой регистрировалось все происходившее в Кабинете, во второй — именны указы императрицы, в третьей — резолюции императрицы на доклады; в четвертой — входящие документы.

Этот новый орган и был учрежден 24 октября 1731 года императорским указом.

Состав Кабинета министров А. И. Остерман комплектовал «под себя» — он должен быть малочисленным, а его члены податливыми.

Выше отмечалось, что указ об учреждении Кабинета министров был обнародован год спустя после воцарения Анны Иоанновны — Остерман выжидал, когда в опале окажется его враг П. И. Ягужинский, у которого были все основания быть зачисленным в состав Кабинета, что в корне противоречило интересам барона. Ягужинский имел склонность к излишнему употреблению горячительных напитков и, упившись, совершал поступки, компрометирующие его. Остерман дождался очередной выходки своего недруга, вызывавшего раздражение императрицы, которая хотя и знала, что ради нее он едва не заплатил жизнью, но решила удалить его от двора, отправив посланником в Пруссию.

Два члена Кабинета министров на протяжении всего времени его существования неизменно входили в его состав, А. И. Остерман и князь А. М. Черкасский, потомок кабардинских владетелей, человек ничем не примечательный, но сказочно богатый. Он всплыл на волне февральских событий в Москве в 1730 г. Финч о нем отзывался так: «Князь Черкасский — лицо без власти, положением представляет собою только номинальную величину». По отзыву Родно, Алексей Михайлович Черкасский — «человек самой строгой честности, человек достойный, хорошо одаренный и солидный; но все его сведения ограничиваются знаниями России, иностранные дела ему чужды, а иноземные обычаи противны».

Дипломат явно переоценивал способности князя. Из опубликованных документов Кабинета

министров не видно, что он был человеком одаренным, по крайней мере следов своей одаренности он не оставил.

Пожалуй, более справедливую оценку личности А. М. Черкасского можно обнаружить в сочинении М. М. Щербатова. Правда, характеристика Черкасского Щербатовым относится ко времени царствования Елизаветы Петровны, но нет сомнений, что он мог при дочери Петра Великого утратить достоинства, которыми обладал в царствование Анны Иоанновны: «Человек весьма посредственный разумом своим, ленив, не знаток в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя, и гордящийся единым своим богатством, в угодность монархине со всем возможным великолепием жил; одежды его наносили ему тягость от золота и серебра и блистаньем ослепляли очи; экипажи его к чему он и охоты не имеет, кроме что лучшего вкуса, были выписаны из Франции, были наидрагоценнейшие; стол его великолепен, услуга многочисленна, и житье его, одним словом, было таково, что ни единожды случалось, что нечаянно приехавшую императрицу с несколькими числом придворных он в вечернем кушаньи, якобы изговорясь, мог угощать. А сие ему достоинством служило, и он, во всяком случае у двора, не взирал на разные перемены в разсуждении его особы, был особливо уважаем».

Все это, однако, не мешало Анне Иоанновне назначить Алексея Михайловича канцлером. По складу характера он был человеком пассивным, по-восточному ленив и спесив, привык быть не ведущим, а ведомым.

Третий член Кабинета министров по разным причинам постоянно менялся: сначала им был Г. И. Головкин. Канцлер Гавриил Иванович Головкин даже в годы расцвета своих физических и творческих сил не отличался ни энергией, ни инициативой, лишь номинально выполнял обязанности канцлера — внешнюю политику России определял сам царь, а исполнителем его воли были сначала П. П. Шафиров, а после его опалы — А. И. Остерман. Реализации Головкиным прав канцлера препятствовали незнание иностранных языков и отсутствие глубоких сведений о внешнеполитической обстановке в странах Западной Европы. К 1731 г., когда Головкин был назначен кабинет-министром, ему исполнился 71 год — возраст по тому времени достаточно солидный, чтобы почувствовать бремя прожитых лет. К тому же Остерман за долгие годы службы под началом Головкина основательно изучил покладистый характер своего начальника. После кончины Головкина в 1734 г. кабинет-министром был назначен П. И. Ягужинский. Он был креатурой фаворита императрицы Бирона, ревниво наблюдавшего за ростом влияния Остермана и рассчитывавшего, что Ягужинский будет выполнять роль противовеса Остерману. Надежд Бирона Павел Иванович не оправдал: пристрастие к вину подорвало его здоровье. Он рано одряхлел, и из документов Кабинета министров не видно, чтобы он подавал особые мнения, противоречившие мнению Остермана. К тому же он занимал должность кабинет-министра только два года — в 1736 г. он скончался.

Аргунов Иван Петрович Портрет Алексея Михайловича Черкасского
1760-е гг. Музей-усадьба «Останкино», Москва

Очередным кабинет-министром стал А. П. Волынский, тоже являвшийся ставленником Бирона, но, переоценив свои силы, вступил в противоборство с Остерманом и в бескомпромиссной схватке с ним оказался на плахе. В делах Кабинета министров можно встретить особые мнения, противоречившие мнению Остермана, и особое мнение Остермана. Дело в том, что Волынскому удалось привлечь на свою сторону Черкасского, и Остерман на время не владел в Кабинете большинством голосов и вынужден был выражать свое несогласие в особом мнении.

После казни Волынского кабинет-министром стал очередной угодник Бирона П. М. Бестужев, утративший эту должность в связи с переворотом Елизаветы Петровны, упразднившей Кабинет министров. Бестужев отличался необычайной склонностью к интригам и умением услужить влиятельным вельможам.

Практически вся власть при Анне Иоановне принадлежала «дорогому герцогу Курляндскому». Граф Остерман считается помощником герцога, не будучи им на самом деле. Правда герцог советуется с ним, как с самым просвещенным и опытным министром, но он не доверяет ему по многим важным причинам.

Известно, что первые годы своего царствования Анна Иоанновна имела двух фаворитов: графа Левенвольде и Бирона. Она с одинаковой заботливостью относилась к тому и другому. «Два соперника, —

писал Шетарди, — пользующиеся одинаковым благосклонным обращением, никак не могли ужиться между собой. Царица не раз это испытывала, но вследствие ли своей нежности или из политических видов она всегда примиряла их, давая им чувствовать, что того требовал общий интерес всех троих, а при ином поведении они неминуемо погубят как ее, так и самих себя».

Неизвестный художник Портрет герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона

XVIII в. Рундальский дворец, Латвия

В соперничестве фаворитов победу одержал Бирон, которому удалось отправить Левенвольде за границу.

Со вступлением на престол Анны Иоанновны начался новый этап в жизни и деятельности Андрея Ивановича. Если в Верховном тайном совете он испытывал пренебрежительное, а порой и высокомерное отношение спесивых аристократов и должен был подстраиваться под Меншикова, а затем под фаворита Петра II Ивана Долгорукого и его отца Алексея Григорьевича, то в Кабинете министров, своем детище, он чувствовал себя куда увереннее и независимее. Объясняется это, прежде всего, его личными отношениями, издавна сложившимися между ним и Анной Иоанновной еще в те годы, когда она была вдовой курляндского герцога, а Андрей Иванович — Тайной канцелярии советником.

Взойдя на трон, Анна Иоанновна не чувствовала себя на нем достаточно прочно. Опоры, подобно той,

которой располагала Екатерина I в лице Меншикова, она не имела, круг лиц, на которых она могла положиться, был невелик и не столь влиятелен, как светлейший князь. К ним относились Феофан Прокопович, П. И. Ягужинский, ее родственник П. А. Салтыков, но они даже в своей совокупности не могли заменить полудержавного властелина.

Поэтому А. И. Остерман был для нее бесценной находкой и незаменимым советником, предостерегавшим ее от неосмотрительных действий.

Английский резидент Финч расточал комплименты в адрес Остермана: «Хотя вся жизнь графа свидетельствует о его бескорыстии, он остается чувствительным к отличиям, ко всему, что делается для него и против него. Недавно мы видели тому хороший образец, когда король прусский прислал фельдмаршалу и Бреверну свои украшенные бриллиантами портреты, а графу сумму денег, хотя и много превосходившую стоимость портрета, присланного Бреверну, граф обиделся и отказался от подарка».

Саксонский дипломат Зум доносил своему двору 22 июня 1739 г.: «...с тех пор как я здесь, [заметил] что Остерман играет роль оракула во всем, даже в безделицах, хотя это не препятствует ему часто сносить обиды и непристойности». Но, по мнению Зума, Остерман может не опасаться опалы, так как его «никто в этом государстве не может заменить его».

Неизвестный художник Портрет графа Андрея Ивановича Остермана

1730-е гг. Холст, масло. Государственный исторический музей, Москва

Осторожный Остерман, как отмечалось выше, активно не участвовал в бурных событиях февраля 1730 г., его роль, которую он случайно должен был выполнять, ограничивалась редактированием кондиций, после которой он «залег на дно», сказываясь больным. В притворстве он достиг больших успехов; в разговоре с нежелательным собеседником он неожиданно закатывал глаза, лицо его выражало тайное страдание, и он так корчился в муках, что собеседник спешил удалиться. Искусством притворяться больным он владел столь совершенно, что современники не могли отличить его притворную болезнь от настоящей.

Однажды притворная болезнь доставила Остерману несколько неприятных минут: фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков решил навестить больного Остермана; каково же было его удивление, когда он, приехав к нему в дом, обнаружил Андрея Ивановича в полном здравии. Разразился скандал: фельдмаршал с солдатской прямоотой в резких выражениях стал упрекать Андрея Ивановича в непристойном поступке в февральские дни, когда страна находилась в критическом состоянии.

1740 год в царствование Анны Иоанновны наиболее полно отражен в депешах английского резидента Финча и французского посланника Шетарди. Различия объяснялись содержанием инструкции, полученной Финчем при отъезде его в Петербург, которой английское правительство поручало ему добиться заключения оборонительного трактата с Россией и противодействовать заключению такого трактата России с Австрией, а также добиваться пунктуального выполнения Россией торгового русско-английского трактата 1734 года. Этой задачей объясняется большее внимание Финча, чем Кампредона, к освещению событий деловой жизни двора, в то время как в депешах Шетарди можно встретить немало сведений о частной жизни императрицы, в частности о состоянии ее здоровья.

В мою задачу не входит анализ русско-английских отношений, отмечу лишь, что Андрей Иванович был сторонником сближения России с Австрией и, сколько было в его силах, тормозил заключение трактата с Англией. Переговоры между Финчем и Остерманом начались со времени прибытия резидента в Петербург в июне 1740 г., но протекали крайне вяло, что вызывало раздражение короля, «удивлявшемуся упорству, с которым граф (Остерман. — Н. П.) старается отсрочить заключение договора». Финч в депеше от 6 сентября извещал короля, что «всеми задержками в переговорах со мною обязан графу Остерману», что в них не повинны ни царица, ни герцог, что Остерман прибегает ко всяким уловкам, чтобы «затормозить дело». На этой почве у Остермана даже ухудшились отношения с герцогом, а Бестужев, «которому поручено было передать кабинет-министрам высочайшее повеление заняться этим делом, имел с вице-канцлером (Остерманом. — Н. П.) очень горячее объяснение».

Спустя три дня после отправки цитированной депеши Бестужев передал Остерману повеление императрицы «поторопить» переговоры, но Андрей Иванович с присущей ему осторожностью продолжал их тормозить, что очень не понравилось императрице, которая заявила: «Медлительность графа становится утомительной». Однако недовольство Анны Иоанновны и ее окружения не сказалось на поведении Остермана: «Это одна из тех бурь, — доносил Финч, — которые не раз обрушивались на вице-канцлера, и из которых он умел выходить невредимым».

В депеше от 13 сентября Финч продолжал утверждать, что императрица и герцог поддерживают заключение русско-английского трактата, а Остерман ему противодействует, по мнению резидента, «отчасти вследствие его исконных прусских симпатий, отчасти его внимания к Франции». Впрочем, сам Остерман заявлял о своем негативном отношении к Франции.

Неизвестно, сколь быстро удалось бы сторонникам союзного трактата с Англией сломить саботаж Остермана, но в начале октября 1740 г. все внимание двора было приковано к болезни императрицы, переговоры о трактате были прекращены, а после кончины Анны Иоанновны его оставили в забвении.

Глава девятая.

Кончина Анны Иоанновны и конец немецкого засилья

Сохранившиеся источники позволяют подробно осветить ход болезни императрицы. Из иностранных дипломатов самое пристальное внимание к состоянию здоровья Анны Иоанновны проявил французский посланник Шетарди, депеши которого наиболее подробно освещают ход ее болезни.

Шетарди еще в депеше от 19 февраля 1740 г. извещал двор, что «царица часто страдает от подагры».

Под подагрой медики того времени подразумевали отложение солей в суставах — болезнь, самая распространенная среди лиц, составлявших двор и правящую элиту. Ее распространению способствовало обжорство — неумеренное употребление жирной пищи. То обстоятельство, что под подагру списывали другие легкие недуги, приводило к тому, что ее не считали крайне опасной, тем более что Анна Иоанновна, судя по ее портретам была крепкого телосложения.

О том, что болезнь не слишком беспокоила императрицу, явствует из того, что Шетарди извещал своего министра лишь в депеше от 13 сентября 1740 г., то есть почти семь месяцев спустя после первого о ней упоминания: «Царица страдает легким приступом подагры». С этого дня на страницах его депеш то и дело встречается слово «подагра»; 20 сентября: «Страдания, причиненные царице подагрой, перешли от ноги в руку, вследствие чего она чувствует тем большее облегчение, что ей не приходится стеснять себя относительно моциона, который она любит себе доставить».

Следующую информацию о здоровье императрицы Шетарди отправил 30 сентября. В ней отсутствует какое-либо беспокойство и тем более опасения о здоровье Анны Иоанновны: «Подагра оставила на некоторое время царицу». Государыня явилась третьего дня при дворе, «не будучи, однако, в состоянии подняться с канапе, на котором она находилась».

Судя по содержанию депеши от 7 октября, дальнейшее течение болезни обострилось за три дня до отправки депеши до такой степени, что вызвало тревогу у эскулапов: они открыли в почке значительных размеров камень, который, как они полагают, может достаточно вредно повлиять на сосуды, чтобы опасность оказалась, таким образом, несравненно более сильною.

Тем не менее утверждают, что государыне сегодня лучше и что подагра перешла к коленям и ступням при более острых страданиях и поэтому доктора льстят себя надеждою, что дело не совсем потеряно и многочисленные кровопускания могут предотвратить то, чего следовало опасаться при воспалении в тех частях, в которых находился камень».

Мардефельд был, видимо, менее осведомлен о болезни императрицы и, чтобы не получить замечания от своего двора за халатное исполнение своих обязанностей, пошел на маленькую хитрость. Свою депешу он отправил 15 октября 1740 г., в ней имеется фраза: «Третьего дня после полудня с императрицей вдруг совершенно неожиданно случилась сильная кровавая рвота, и состояние ее здоровья стало ухудшаться все более и более».

В депеше Мардефельда есть подробность, отсутствующая в депешах Шетарди: «...после многих конференций между герцогом Курляндским с фельдмаршалом графом Минихом и кабинет-министром графом Остерманом включительно, который в кресле был принесен к постели императрицы вчера вечером, сделаны распоряжения касательно престолонаследия. Наследником был объявлен Иван Антонович, которому присягнули обе принцессы: Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна».

Болезнь императрицы, как видим, вызвала тревогу прежде всего у немцев: Бирона, Миниха и Остермана. Насколько сильно они были озабочены болезнью императрицы, узнаем из депеши,

отправленной Мардефельдом 18 октября: «Герцог Курляндский упал в обморок в прошлое воскресенье и принужден был пускать себе кровь, но с тех пор здоровье его улучшается». В этой депеше впервые упоминается наличие у больной камня в почке: «Предполагают, что болезнь ее есть павшая на внутренности подагра и камень в почке».

Пространная выдержка из донесения Шетарди дает основание утверждать, что медики испытывали затруднения при установлении диагноза. Источники не сообщают, какими микстурами медики пытались поправить здоровье императрицы, но очевидно, что их усилия были направлены на лечение злополучной подагры, а не мочекаменной болезни.

Источники также не сообщают прямых сведений о том, какие вопросы обсуждались на четырех совещаниях названных выше персон. Они не были в точности известны и Шетарди, ограничивающегося обыкновенной догадкой. Главным предметом обсуждения был вопрос о судьбах трона. Дело в том, что императрица безумно боялась своей смерти, веря в примету, что после составления завещания «монарх никогда не живет долго».

Относительно судеб преемника, Шетарди полагал, что регентом при грудном ребенке будет объявлена его мать, принцесса Анна Леопольдовна, что касается Елизаветы Петровны, то, по мнению посланника, у нее «могущественная партия, и что ее вообще любит народ и что она одержит верх над принцессой Анной и над всяким иным претендентом, если только здешний народ окажется свободен относительно выбора себе государя и не будет стеснен обязательствами двора. Подагра, которой царица была обеспокоена после полудня третьего дня, распространялась так быстро, как того совсем не ожидали; меня даже уверяли, что подагра перешла на грудь и вызвала обмороки с симптомами, характеризующими апоплексию. Кривая рвота, происшедшая при этом, увеличила смятение и тревогу. Опасность, дошедшая до такой степени, оказалась настолько значительной, что два часа спустя были призваны фельдмаршал граф Миних, князь Черкасский, Бестужев и Бреверн, статс-секретарь по иностранным делам. Все они оставили совет с герцогом Бироном, который длился четыре часа.

Болезнь ухудшилась к вечеру настолько, что поименованные мной лица расположились провести ночь в Летнем дворце, так же как обер-гофмаршал и генерал-адъютант Бирон и Ушаков. Беспрестанное сношение с графом Остерманом, без сомнения, оказались недостаточным, и ночью его самого призвали во дворец. Тогда произошли второй и третий советы.

Произошел новый поворот в болезни царицы, который был замечен лишь вчера к часу пополудни и о котором мне было тотчас сообщено; это дало повод к четвертому собранию совета, на котором присутствовал и граф Остерман; он окончился лишь с наступлением ночи. Это же самое обстоятельство ослабило всякие надежды, какие еще здесь питались... Здешняя государыня с самого начала болезни жаловалась, что все, что бы ей не подносили, пахло гнилью.

Наконец заподозрили, что в ее теле образовался нарыв или отложения гноя. Страдание почек, которые у нее продолжались уже несколько лет, побудили медиков обратить свое главное внимание в эту сторону.

Из депеш, отправленной Шетарди 11 октября, следует, что Анна Иоанновна почувствовала облегчение, и посланник поспешил через Остермана «выразить свою радость по этому поводу». Сам Остерман засвидетельствовал, что «никогда не видел ее более веселой и рассудительной с большой отчетливостью и наблюдательностью».

Облегчение в ходе болезни отметил и Мардефельд, доносивший 22 октября: здоровье императрицы «так хорошо, что ее считают совершенно вне опасности, потому что подагра бросилась в ноги». Доктора полагают, что боли в пояснице происходят не от камня, а от другой причины, пока не установленной.

Состояние Анны Иоанновны улучшилось настолько, что она приняла министров, велела принести ребенка, чтобы объявить им: «Вот вам будущий государь, служите ему в будущем так же верно, как вы служили мне».

Оказывается, что от мочекаменной болезни скончалась сестра Анны Иоанновны, герцогиня Мекленбургская. Но Мардефельд был уверен, что так как Анна Иоанновна «соблюдает умеренность в пище, чего не делали ни мать, ни сестра, так что надеются, что она доживет до глубокой старости».

Уверенность в благополучном исходе болезни внушал окружению португалец доктор Санхлес. Он «ручается головою, что если только императрица будет вести предписываемый им образ жизни, то он поддержит ее жизнь до глубокой старости». Оптимизма Санхлеса не разделял англичанин доктор Шмидт, уверявший, что «для императрицы нет спасения». Впрочем, утверждение Шмидта Мардефельд считал ошибочным.

Облегчение оказалось обманчивым, смерть отступила лишь на короткое время. Положение больной настолько ухудшилось, что в Летний дворец вновь был вызван Остерман. 7 октября Финч извещал Лондон: «То, что принимают за изъязвление почек, оказывается просто следствием климактерического возраста; болезненные явления сопровождаются резкими истерическими припадками и обмороками. Прошедшую ночь ее величество впала в такой сильный обморок, что положение ее было признано очень опасным, хотя это не объявляют».

Указанный диагноз, как позже выяснилось, был ошибочным. Подлинная причина, вызвавшая критическое состояние больной, была болезнь почек. Именно поэтому припадков не опасались, но на следующий день «появилась рвота, сопровождавшаяся выделением большого количества гнилостной крови», что и вынудило эскулапов изменить диагноз. Состояние больной было признано «крайне опасным», она, наконец, подписала завещание.

Улучшение состояния больной отметил и Финч, о чем он доносил 14 октября: «здоровье государыни значительно улучшилось». Об этом улучшении в тот же день более подробно писал Шетарди: «Три последние ночи были проведены лучше. Царица довольно хорошо почивала. И хотя спокойствие ее несколько уменьшилось, затем вследствие перемен, неизбежных у женщины известного возраста, которая присоединилась к прежним ее недугам и теперь вполне выяснилась; португальский доктор, по-видимому, несколько не оправдывает надежд, им питаемых».

В депеше, отправленной Шетарди 18 октября, описываются обстоятельства, при которых Бирон стал регентом: «Он стал перед Анной Иоанновной на колени, не скрывая от нее ее тяжелого положения, жаловался на беспросветное свое будущее и просил ее назначить его регентом-правителем на время несовершеннолетия Ивана. Она согласилась на его просьбу и велела написать указ, что в случае своей смерти Бирон назначается регентом. Под этим документом подписались члены Синода, Кабинета министров, Сената, генералитет и президенты коллегий».

Шетарди отметил недовольство русских этой акцией. По его мнению, если регентство должно быть передано иностранцу, то оно должно оказаться в руках герцога Брауншвейгского, супруга матери императора. Но русских не устраивал и этот кандидат: «они заметили, что герцог Курляндский опозорил их монархиню перед глазами всей Европы и покрыл ее вечным позором, который она уносит с собой в могилу. Они нимало не остаются равнодушными к несправедливостям относительно принцессы Елизаветы». Шетарди, кроме того, пророчил печальное будущее регента Бирона: «Давая, однако, более свободный ход своему честолюбию, он стремится, по-видимому, тем скорее к своей гибели».

Враждебное отношение русских к иноземному засилью зарегистрировали не только отечественные, но и иностранные источники. Английский дипломат К. Рондо в январе 1731 г. доносил: «Все эти лица (два

брата Левенвольде, Ягужинский, Остерман. — Н. П.) иноземцы, они постоянно окружают государыню, ни одна ее милость не дается мимо их, что бесит русских, даже ближайшие родственники ее величества едва ли имеют значение».

В первые два-три года царствования Анны Иоанновны Бирон, Остерман и Миних, по свидетельствам К. Рондо, «действовали совсем заодно и одни управляли всеми русскими делами. Согласие между ними продолжалось и некоторое время по возведении графа Миниха в фельдмаршалы (февраль 1732 г. — Н. П.); но затем последний, полагая, что стоит так же близко, как и Остерман, к ее величеству и обер-камергеру, и задумал погубить вице-канцлера и попытался возвести на него обвинение. «Миних стал обращаться со всем генералитетом надменно. Он заключил несколько трактатов, крайне невыгодных для ее величества, так что исправлять ошибку призвали Остермана, который обвинил Миниха во вмешательстве в дела, в которых он не имеет понятия, что еще более обострило его вину. Они теперь принимают меры погубить друг друга». По мнению Рондо, победителем в этой схватке окажется Остерман, обладавший большим опытом в интригах, а также умением наносить сопернику удары в самое неблагоприятное для него время.

Немцев погубило соперничество друг с другом, каждый из них не стеснялся в выборе средств, чтобы отправить соперника в ссылку.

Нельзя не отметить бросавшуюся в глаза современников-иностранцев одно новшество в жизни двора в царствование Анны Иоанновны — ее страсть к роскоши. Запросы Петра Великого, довольствовавшегося простой пищей, лишенной расточительности, скромность его двора сменились невиданной и поощряемой императрицей роскошью, расточительностью вельмож, состязавшихся друг с другом в блеске экипировки, в употреблении дорогих заморских вин, приобретении роскошных экипажей, количестве слуг: лакеев, скороходов, кучеров, блиставших в одежде, стоившей многие сотни рублей. Коронация, первая публичная акция императрицы, состоявшаяся 28 апреля 1730 г., сопровождалась «большой торжественностью, чем коронавание кого бы то ни было из ее предшественников. Никогда здешний двор не был так блистателен, как в этот день».

Ежегодно помимо значимых церковных праздников отмечались дни рождения императрицы и принцесс Елизаветы Петровны и Анны Леопольдовны, дни их тезоименитства, годовщины восшествия на престол, годовщины учреждения гвардейских полков и др. Характерная особенность царствования Анны Иоанновны: небывалая роскошь сочеталась с грубыми вкусами и весьма скромными культурными и духовными запросами — императрице доставляли удовольствия драки придворных карлов или наблюдения за движениями по Неве в течение многих часов барок.

Праздничные обеды и ужины, следовавшие за ними балы, маскарады и фейерверки стоили немалых денег, но их императрица не считала. Приведем некоторые свидетельства современников-иностранцев, зарегистрированных в их депешах. Лето 1730 г. Анна Иоанновна провела в Измайлово, «где живет в чрезвычайной роскоши». В день коронации императрицы 28 апреля 1731 г. во дворце состоялся торжественный прием, «на всех были великолепные наряды». 28 января 1733 г., в день рождения императрицы, состоялся во дворце обед, на котором присутствовало множество представителей «русской знати».

Характерная деталь: Шетарди до 18 октября, вероятно, считал причиной смерти Анны Иоанновны подагру. В этот день он отправил своему министру Амело письмо с извещением: «Царица скончалась вчера утром между девятью и десятью часами вечера от подагры, которой она хворала уже несколько недель». Лишь спустя неделю после вскрытия, 25 октября, Шетарди стала известна подлинная причина смерти Анны Иоанновны. В письме от 25 октября он писал, что в правой почке у нее было обнаружено два камня средней величины и несколько мелких камней. Один из крупных камней перекрыл мочеиспускательный канал и вызвал гангрену, которая и причинила смерть». В последние дни камни причиняли ей

чрезвычайные страдания.

После кончины Анны Иоанновны в стране возникла достаточно сложная и запутанная политическая ситуация. Дело в том, что умерла не просто императрица, покровительствовавшая засилью немцев в правительстве России, а императрица, доверившая управление страной своему фавориту Бирону, руководителю Кабинета министров Остерману и президенту Военной коллегии и главнокомандующему русской армией фельдмаршалу Миниху. Если бы этот «триумvirат» жил в мире и согласии, то неизвестно, сколь бы долго могла продолжаться в России бироновщина.

Но в том-то и дело, что «триумvirат» после кончины Анны Иоанновны подвергался серьезным испытаниям на прочность — входившие в него лица, более не сдерживаемые императрицей, вели борьбу за власть, и взаимная враждебность ослабляла их силы и в конечном счете привела к гибели: Остерман люто ненавидел Миниха, тот проявлял такую же ненависть к Остерману, оба они завидовали фавориту и после смерти его покровительницы получили возможность расправиться с ним.

Но соперничали не только немцы, стоявшие у подножия трона, стабильность отсутствовала на самом троне. Анна Иоанновна перед кончиной назначила своим преемником трехнедельного ребенка, а регентом определила до его совершеннолетия своего фаворита Бирона, продержавшегося в этой должности несколько недель. Он был лишен регентства стараниями Миниха, совершившего с кучкой преобразенцев переворот в пользу матери императора герцогини Мекленбургской Анны Леопольдовны. Бирона отправили в ссылку в далекий сибирский город Пелым.

Правительницей стала мать ребенка Анна Леопольдовна, продержавшаяся в этой ипостаси чуть больше года и лишившаяся ее в результате очередного переворота, на этот раз в пользу дочери Петра Великого Елизаветы.

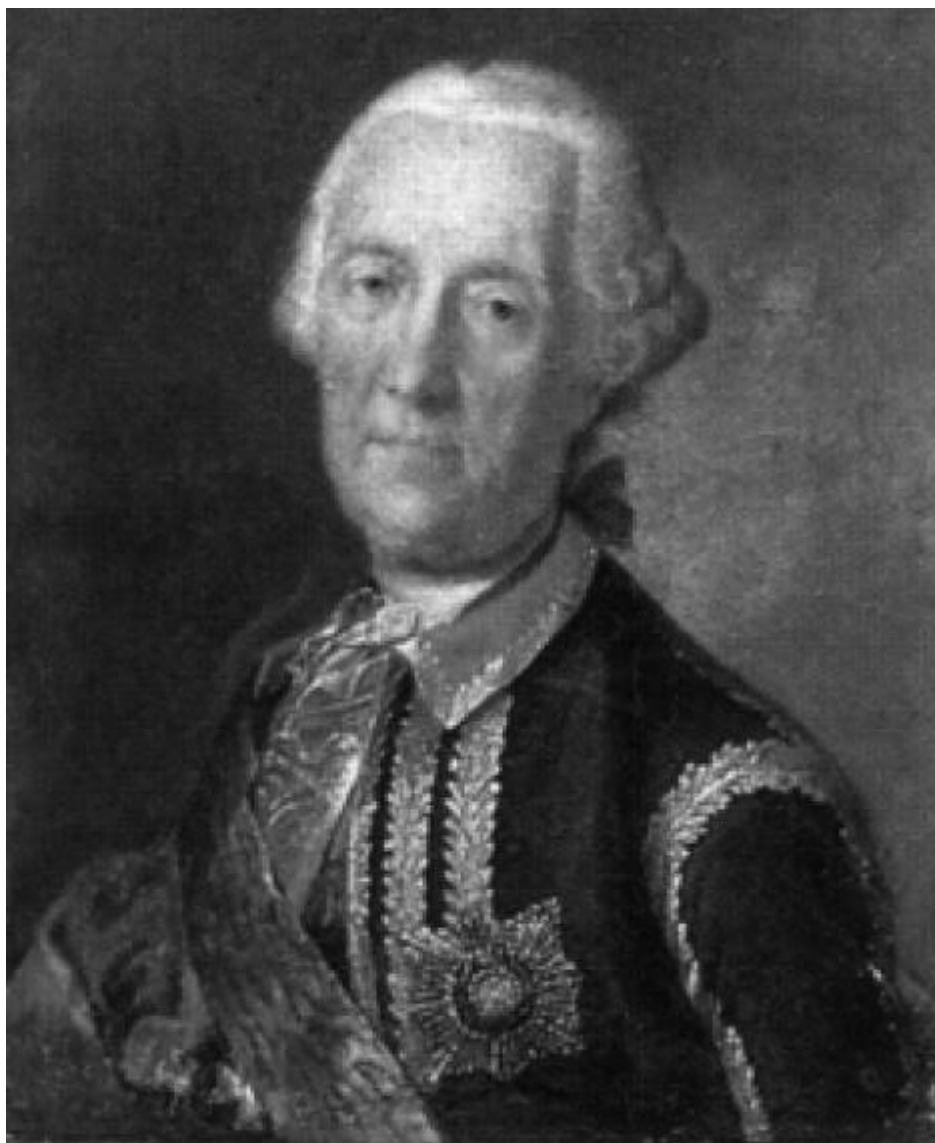
Соперничество между Минихом и Остерманом закончилось в пользу последнего — его интригами фельдмаршал оказался лишенным всех должностей: за ним сохранился лишь чин фельдмаршала, ничего не значивший, если не был подкреплён руководящим положением во властных структурах. В итоге из состава «триумvirата» у власти оказался самый ловкий и изворотливый политик — Андрей Иванович Остерман. Однако же и возможностей у Остермана, стоявшего у кормила правления со времени вступления на престол Анны Иоанновны в 1730 г., к 1741 г. значительно поубавилось — подагра приковала его к постели, и, хотя он сохранил ясную голову, ему было затруднительно, как это удавалось раньше, долго удержаться у власти.

Анна Леопольдовна пассивно созерцала события, угрожавшие ее безопасности. Несмотря на ограниченные возможности, связанные с болезнью, Остерман предпринял попытку убедить Анну Леопольдовну в подстерегавшей ее опасности: он велел снести себя в кресле в покои правительницы для частного разговора. Визит Андрея Ивановича цели не достиг — правительница вместо того, чтобы прислушаться к предостережениям Остермана и обсудить срочные меры для ликвидации заговора, перевела разговор на только что полученные распашонки для императора.

Беспечность правительницы привела не только ее к катастрофе, но и положила конец немецкому засилью в правительстве России — осуществленный Елизаветой Петровной переворот происходил под флагом отрешения немцев от высших правительственных постов: в результате переворота Остерман оказался в ссылке в Березове, а Миних — в Пелыме. Карьера Остермана на этом оборвалась — ссыльный умер в Березове в 1749 году. Что касается Миниха, то хотя он и был возвращен из ссылки Екатериной Великой, но прежней власти в правительстве России был лишен.

Если подвести итоги изложенному в предшествующих главах и дать оценку деятельности Андрея Ивановича, то отмечу, что в его голове отсутствовали обширные преобразовательные планы и в годы,

когда он фактически возглавлял правительство России, можно обнаружить лишь несколько значительных по масштабам новшеств. Андрей Иванович, живя без малого 40 лет в России, обрусел настолько, что владел русским языком лучше многих русских вельмож, уклонялся от новшеств и предпочитал двигаться по накатанной колее и чутко прислушиваться к голосу Анны Иоанновны, в годы царствования которой протекала самая активная его деятельность.

Генрих Бухгольц Портрет Бурхарда Кристофа Миниха

1765 г. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Я не могу точно обозначить причины скромного поведения Остермана. Ограничусь догадками, почему он чурался новаций: то ли потому, что знал, что русские вельможи не относились к нему уважительно и очерняли его, поскольку он выполнял в Верховном тайном совете, и в особенности в Кабинете министров, всю черновую работу; то ли потому, что он не имел склонности к риску и девизом своей жизни считал осторожность; то ли, наконец, потому, что был лишен достоинств, свойственных крупномасштабному государственному деятелю, и его кругозор находился среднем уровне исполнительного чиновника.

В десятилетие, когда он занимал руководящее положение в правительстве, он с успехом решал повседневные текущие задачи. Из значительных мер, реализованных за это время, отмечу две: манифест

1736 г. о замене бессрочной службы дворян 25 годами и изданный в этом же году указ о закреплении за мануфактурами квалифицированных работников и их семейств. Прочие указы отражали рутинную жизнь страны, ее преимущественно повседневные нужды.

В первые дни регентства Бирон проявил усердие в управлении страной. Специальным указом он подтвердил практику взимания податей не с крепостных крестьян, а с их владельцев, причем ввел новшество — помещикам предоставлялось право оставлять у себя треть суммы собранной подати. Кроме того, было подтверждено объявленное Анной Иоанновной сложение недоимок. Полный оклад жалованья чиновникам велено выдавать только в Петербурге, а в провинции — только половинное.

Отдавая себе отчет, что он, Бирон, не имеет никаких юридических прав на регентство при живых родителях императора и великой княгини Елизаветы Петровны, втайне его ненавидевших, он решил добиться их расположения значительным увеличением сумм, ассигнованных на их содержание: Анне Леопольдовне был назначен пенсioen в 200 тысяч рублей в год, а Елизавете Петровне к прежде получаемой сумме добавлено 50 тысяч рублей.

Бирон Эрнст Иоганн Гравюра Лаврентия Авксентьевича Серякова с портрета Корякова (1881)

Русские деятели в портретах, гравированных академиком Лаврентием Серяковым: [с краткими биографическими заметками и перечнем статей о русских деятелях, помещенных в журнале «Русская

старина»]. [1-е собрание]. - Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1882

Вряд ли, однако, эти щедроты Бирона могли вызвать симпатии к нему со стороны русских — враждебность к нему ведет свое начало с первых лет царствования Анны Иоанновны. Маньян в депеше от 7 февраля 1733 г. отметил, что Бирон «сам ускорит приближение грозящей ему опасности, так как для всего русского народа он стал невыносим своей надменностью и стремлением к верховному господству».

Регент, кроме того, предпринимает меры к тому, чтобы нейтрализовать распространенные в столице слухи о том, что указ о его назначении регентом является подложным. Он созвал совещание светских и духовных сановников, перед которыми произнес речь, содержащую два тезиса: он заверял слушателей, что согласился быть регентом только потому, что этого пожелала покойная императрица и он не осмелился ее ослушаться; что касается слухов о ложности указа о назначении его регентом, то он публично задал вопрос присутствовавшему А. И. Остерману, который составлял оба указа и лично относил их на подпись императрице, являлась ли ее подпись под ними подлинной. Андрей Иванович заявил, что указы Анна Иоанновна подписывала в его присутствии.

Предпринятые Бироном меры не обеспечили его безопасность. По мнению Финча, регент сам виноват в своем падении: «Было бы большим счастьем, — рассуждал Финч в депеше в Лондон, — если бы он последовал мудрому совету некоторых лиц, а не обманчивой лести, и с самого начала повел дело к настоящему благому концу». Вместо этого «он домогался все большего и большего, преследуя цели все более и более заносчивые». В результате он потерял все и оказался «в наиболее жалком положении, возможном для человека».

Развязка, положившая конец правлению Бирона, наступила три недели спустя после его назначения регентом. Финч передает некоторые интересные подробности возникновения замысла лишить Бирона должности регента и о самом его падении. Главным действующим лицом при низвержении Бирона был фельдмаршал Миних.

Финч рассказал о содержании разговора Миниха с Анной Леопольдовной, пожаловавшейся на испытываемые ею притеснения от регента, после чего состоялся следующий диалог.

Миних спросил, не открывала ли она свою душу когда-нибудь по этому поводу.

Анна Леопольдовна: «Ни одной живой душе, да и не знаю никого, кому бы, кроме вас, могла доверить эту тайну».

Миних: «Не удостоит ли ее высочество вполне довериться ему и именно ему одному?»

А. Л.: «Отдаю себя, мужа и сына в ваши руки и полагаюсь на вашу волю».

Миних: «В таком случае чувство долга по отношению к моему государю, в верности которому я присягал, привязанность вашему высочеству и к принцу — вашему супругу, как к родителям государя, полное отвращение к резкому и самовольному поведению регента (в скобках Финч дает оценку намерению Миниха: «Между тем фельдмаршал сам много содействовал водворению регентства в твердой уверенности, что, не имея в виду регентства, он никогда бы не склонил покойную императрицу назначить наследника, и Россия подверглась бы всем ужасам и потрясениям, способным довести страну до совершенного разорения») — все вместе мне внушает решимость, вопреки опасности потерять жизнь, имущество, погубить семью — послужить вашему высочеству, вырвать вас и семейство ваше из окружающих затруднений и опасностей, освободить Россию навсегда от тирании пагубного регентства».

По сведениям Шетарди, Анна Леопольдовна заявила ему, что она «не в состоянии больше переносить тирании регентства и охотно согласится оставить Россию, лишь бы не разлучаться со своим сыном».

Фельдмаршал Миних был человеком решительным и не привык откладывать дело на завтра, если его

можно совершить сегодня. Он бодрствовал до двух часов ночи, затем велел разбудить своего адъютанта Манштейна, добился его согласия участвовать в перевороте, велел ему привлечь к нему 40 гренадер Преображенского полка, к которым обратился со словами: «Вы знаете, каким образом я не раз подвергал себя опасности ради службы отечеству; вы со славою сопровождали меня; если у вас охота сделать это еще раз для блага императрицы и для устранения особы регента, вора, изменника и похитителя власти?» Солдаты и офицеры выразили согласие.

Миних выделил 20 гренадер, отправился с ними к летнему дворцу, где находилась спавшая семья Бирона и императора. Легкость, с которой Манштейну удалось проникнуть в покои Бирона, объяснялась двумя обстоятельствами: во-первых, караул состоял из солдат и офицеров Преображенского полка, подполковником которого был Миних; во-вторых, Миних и Манштейн объявили караульным постам, что они отправляются к Бирону с важным, не терпящим промедления донесением.

Дверь в покои спавших не была закреплена на задвижки, и заговорщики без сильного шума, впрочем, разбудившего Бирона, ворвались в покои. Бирону был объявлен арест, но тот бросился с кулаками на солдат. Завязалась драка, Бирон отчаянно сопротивлялся, на нем была разорвана рубашка, но ему связали руки и ноги и снесли в сани, где он был накрыт шинелью, доставлен в Зимний дворец и в тот же день отправлен в Шлиссельбургскую крепость.

Помимо Бирона, жертвами переворота оказались его активный сторонник кабинет-министр А. П. Бестужев, по инициативе которого Бирон был объявлен регентом, брат Бирона, генерал-губернатор Москвы. Самый важный итог переворота состоял в том, что регентство было вручено матери императора, объявленной правительницей.

Переворот, совершенный Минихом, относится к самым «тихим», происшедшим в XVIII столетии, — в нем было задействовано четыре десятка гренадеров. Он, кроме того, сопровождался репрессиями трех человек. Переворот не являлся продуктом старательно подготовленного заговора и тщательно разработанного плана. Он возник в голове фельдмаршала после его беседы с Анной Леопольдовной, и его в полной мере можно считать затеей надменного и честолюбивого Миниха.

Совершенный Минихом переворот оказался полной неожиданностью для окружающих. Объяснялось это тем, что он не являлся плодом заговора, предварительно не подготавливался. Намерение свергнуть Бирона возникло в голове Миниха, который поделился своим намерением с единственным человеком — своим адъютантом Манштейном, причем не заранее, а перед отправлением для заключения под стражу Бирона.

Даже кабинет-министр князь Черкасский «так мало знал о случившемся, что прибыл в кабинет регента за указаниями три часа спустя после его ареста». Даже граф Остерман при первом известии от великой княгини почувствовал такие колики, что известил о невозможности явиться к ней и прибыл во дворец, только когда за ним прислали...»

Разговор Миниха с Анной Леопольдовной, как и заключительные фразы фельдмаршала, Финч записал со слов самого Миниха, стремившегося подать себя человеком абсолютно бескорыстным, руководствовавшимся в своих поступках интересами России. Миних при этом утаил свое разочарование тем, что он, немало содействовавший назначению Бирона регентом, не получил от него возделенного чина генералиссимуса.

Из изложения мотивов, подвигнувших Миниха совершить переворот, следует, что вельможи того времени уже поднатерели в умении прикрывать приземленные и своекорыстные цели за пеленой высокопарных фраз о заботе о благе России. Более того, он крайне преувеличивал меру своей личной опасности, поскольку знал, что регент не располагал силами, способными поддержать его.

Миних рассчитывал, что Анна Леопольдовна, получив из его рук должность правительницы и звание великой княгини, отблагодарит его немедленным пожалованием чина генералиссимуса. Быть может, Анна Леопольдовна по своему легкомыслию не отказалась бы удовлетворить мечту Миниха, если бы в события не вмешался его злейший враг Остерман, горячо убеждавший правительницу в том, какие трагические последствия ожидают ее, если фельдмаршал получит желаемый чин — возникнет угроза заточения в тюрьму не только его, Остермана, но и самой правительницы.

Анна Леопольдовна вняла советам Остермана и пожаловала генералиссимуса не Миниху, а собственному супругу Антону Ульриху. Чин генералиссимуса уплыл от Миниха и на этот раз, что вызвало с его стороны крайнее раздражение, выразившееся в том, что он в знак протеста подал прошение об отставке. Миних рассчитывал, что Анна Леопольдовна не может обойтись в управлении страной без участия его, Миниха, и станет слезно его умолять отозвать прошение.

Последовал указ, объявленный с барабанным боем, раздававшимся на улицах столицы, отстранявший Миниха от всех должностей, в том числе двух главных: президента Военной коллегии и главнокомандующего русской армией. За Минихом осталось лишь звание фельдмаршала, без надлежащих должностей, имевшее чисто декоративное значение. В итоге Андрей Иванович с легкостью освободился от влиятельного соперника в сфере управления, а Анна Леопольдовна, казалось, обезопасила свое положение правительницы.

Переворот в ночь на 26 ноября произошел без участия Остермана, но он тоже воспользовался его результатом, вновь стал хозяином Кабинета министров. Более того, он получил возможность расправиться и с Минихом, о чем поведал Шетарди, хорошо осведомленный об их соперничестве: «Остерман, который не мог выносить соперников в главном управлении делами в России с тех пор, как он занимает свою должность, и еще менее выносивший какое-либо начальство над собой, быть может, окажется в отчаянии, видя фельдмаршала на посту первого министра». Эту должность он получил вместо звания генералиссимуса и считал ее для себя оскорбительной.

Вместо генералиссимуса Анна Леопольдовна пожаловала Миниху чин первого министра в правительстве, который на деле нисколько не прибавлял ему власти и вызвал лишь его раздражение неблагодарностью правительницы.

По этому поводу Финч рассуждал: «Видя крылья свои обрезанными, сознавая, что приходится быть не всевластным, как он предполагал, а заведовать исключительно делами армии, да и то под ведением самого принца как генералиссимуса, он вскоре стал проявлять неудовольствие и тайные посещения великой княжны (Елизаветы Петровны. — Н. П.) дали повод заподозрить — не попытался бы фельдмаршал повторить переворот с другими лицами...»

Визиты Миниха к Елизавете Петровне всполошили Остермана. В разговоре с Финчем он высказал предложение арестовать Лестока, чтобы выведать у него цель посещения Минихом великой княжны, но этот план был отвергнут дипломатом. Тогда Остерман высказал Финчу другой план: пригласить Лестока в гости, напоить и, зная его болтливость, выведать то, что интересовало вице-канцлера. Финч не одобрил и этого плана.

Иоганн Ведекинд Портрет принцессы Анны Леопольдовны. XVIII в.

Холст, масло. Государственный исторический музей, Москва

О ненадежности Миниха правительницу убеждал не только Остерман, но и свергнутый им Бирон. В письме к Анне Леопольдовне он умолял ее «ради собственного блага не слишком доверяться фельдмаршалу».

Плоды усилий Остермана и Бирона выразились в том, что правительнице в конце концов стало «известно непомерное честолюбие фельдмаршала, крайняя невоздержанность его характера и его слишком предприимчивый дух, не позволяющий на него положиться».

В другом доношении, датированном 18 марта 1741 г., французский посол извещал двор, что Остерман «не достигал такой высоты, как теперь; можно без всякого преувеличения сказать, что он в действительности царь всея Руси».

На правительницу, даму ленивую и недалекую, помимо Остермана оказывал огромное влияние еще один человек — ее фрейлина Менгден. Она была, по отзыву современников, девицей глупой, но безгранично преданной правительнице и готовой поступиться всем, чтобы доставить радость своей повелительнице. Она, например, согласилась заключить фиктивный брак с фаворитом правительницы графом Линаром, чтобы легализовать его пребывание при дворе.

Ограниченность Менгден не позволяла ей вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику правительства, сфера ее влияния не выходила за рамки бытовых вопросов: правительница судачила с нею о придворных сплетнях. Анна Леопольдовна тоже не лишена была некоторых странностей. Одна из них состояла в необычайной лени: она считала для себя обременительным даже приводить себя в надлежащий вид после сна, нередко оставалась в течение дня в ночном наряде. Кроме того, она пребывала, как отмечал Шетарди, в постоянном страхе: «...ей все кажется подозрительным».

Быть может, этими двумя свойствами натуры Анны Леопольдовны и объясняется ее стремление иметь рядом с собой безгранично преданного человека, которому можно было вполне доверять. Если учесть боязнь Анны Леопольдовны общества со светскими манерами, то станут понятными истоки привязанности к фрейлине.

Рангом ниже триумвираторов стояли еще два немца, занимавшие высокие посты: Менгден, благодаря протекции своей дочери, занимавший пост президента Коммерц-коллегии, и проходимец Шемберг, назначенный руководителем Генерал-бергдиректориума, в ведении которого находилась горная промышленность России. Если бы «триумвират» представлял сплоченную группу, не раздираемую соперничеством и враждой, то скорее всего немецкое засилье продолжалось бы бесконечно долго. Но в то-то и дело, что «триумвираторы» уподобились паукам в банке, каждый из них стремился уничтожить себе подобного: Остерман находился в смертельной схватке с Минихом, оба они втайне ненавидели Бирона.

Соперничество членов «триумвирата» завершилось тем, что ко времени вступления на трон Елизаветы Петровны в декабре 1741 г. у власти оказался самый из них изворотливый — Андрей Иванович Остерман: Бирона «съел» Миних, а Миниха — Остерман.

Падение Миниха и назначение Анны Леопольдовны правительницей несколько не поколебало засилье немцев при дворе и в правительстве — вслед за ее утверждением в должности посыпались на немцев новые милости: старший брат Миниха был назначен президентом Коммерц-коллегии, Менгден был поставлен во главе судебного ведомства Курляндии. Старшему сыну Остермана пожалован чин канцлера. Финч, английский дипломат, однако полагал, что эти назначения не усилили позиций немцев при дворе, а, напротив, ослабили их влияние: «Милости двора к фельдмаршалу растут одновременно с общим нерасположением к нему, вызванным его поведением. Никогда еще вновь возникающая власть не встречала в России предсказаниями и такими пожеланиями близкой гибели». Финч завершил свою депешу словами: «Все как бы ожидают надвигающейся бури».

Это суждение Финча, высказанное в депеше от 3 января 1741 г., он подтвердил в депеше от 28 февраля: «Заметно какое то брожение во внутренних делах здешнего двора». Оно выражалось в том, что Миних «не пользуется властью, на которую рассчитывал», и Анна Леопольдовна делала вид, что не понимает или действительно не понимает причин его недовольства.

7 марта Финч доносил, что доброхоты великой княжны предупреждали ее об опасности, ожидаемой от Миниха: «Ее высочеству, кроме того, известно непомерное честолюбие фельдмаршала, крайняя невоздержанность его характера и его слишком предприимчивый дух, не позволяющий на него положиться».

Миних был крайне недовольный тем, что получил вместо вожденного звания генералиссимуса чин первого министра, который несколько ему не прибавил власти, поскольку между министрами было установлено разделение функций и каждый из них являлся полновластным их распорядителем.

Расчеты Миниха оказались просчетами: фельдмаршал не учел, что правительница располагала услугами опытного интригана Остермана, который посоветовал немедленно удовлетворить прошение Миниха об отставке. Анна Леопольдовна воспользовалась этим советом, указ об освобождении

фельдмаршала от всех должностей был тут же подписан, и он вопреки обыкновению, был объявлен публично, с барабанным боем, раздававшимся на улицах столицы.

Правительница предложила Миниху удалиться в принадлежавшее ему украинское поместье, но он предпочел изображать человека, что несколько случившимся лишением его власти не огорчен и отставка соответствует его желаниям, что он не чувствует никакого ущемления своих интересов, и как ни в чем не бывало появлялся при дворе.

За показным благодушием Миниха скрывалось его «ненасытное честолюбие» и страсть к интригам — он продолжал оставаться возбудителем беспокойства при дворе. Кроме Миниха на роли возбудителя придворных интриг претендовали еще два человека: Остерман и Шетарди.

Об умении Остермана плести интриги, оставаясь при этом в тени, Финч напомнил, ссылаясь на события десятилетней давности. Английский резидент Финч вспоминал позднее, что когда пришла очередь подписывать кондиции, «граф внезапно почувствовал такой сильный припадок подагры в правой руке, что оказался не в состоянии держать перо в руке» и уклонился от их подписания. «С самого этого момента он сказывался больным, не вставал с постели, по крайней мере не выходил из дому впредь до переворота, устранившего ограничение державной власти и восстановившего самодержавие. Едва переворот совершили, он выздоравливает, является ко двору и по-прежнему исполняет свои должностные обязанности».

Лет пять тому назад, вспоминал Финч, Андрею Ивановичу показалось, что его присутствие при дворе не может понравиться Бирону. «Тут он снова заболевает, дабы иметь предлог запрятаться в его доме», но спустя некоторое время «он оставляет свое большое кресло и едет ко двору только при чрезвычайных случаях, когда за ним нарочно посылают».

Аналогичное поведение было свойственно Остерману и при обстоятельствах, возникших при дворе в 1740 году. Он сказался больным и не появлялся при дворе до тех пор, пока ему не сообщили об аресте Бирона.

Характеризуя поведение Андрея Ивановича в кризисных ситуациях, Финч прибегает к использованию образа: «Не могу представить его иначе, как кормчим, плавающим только при ясной погоде, который в случае бури (говорю исключительно о внутренних бурях в России) скрывается под люки; как бы он ни был деятелен при установленном правительстве, при правительстве колеблющемся он ложится в дрейф».

Финч далее сообщает ценные сведения о своих наблюдениях, что Миних «с замечательным усердием посещает великую княжну» Елизавету Петровну. Финч высказал догадку, что визиты к красавице не только в дневное время, но и в ночные часы были вызваны не любовной страстью, а «политическими мотивами», которые ему в точности неизвестны, и «не затевает ли Миних что-нибудь с Елизаветой Петровной». Догадку Финча подтвердил другой источник, отметивший, что во время своих визитов к Елизавете Петровне он предложил ей, что он может совершить очередной переворот, взять под стражу правительницу, чтобы вручить корону ей, цесаревне, но та отклонила это предложение. Финч объяснял поведение Миниха его «пылким характером и ненасытным честолюбием», но цепь поступков фельдмаршала свидетельствует, прежде всего, о низком его моральном облике, его беспринципности и готовности служить тому, кто проявит к нему большую благосклонность.

Когда о поведении Миниха Финч известил Остермана, тот утратил покой, вполне осознав грозившую ему опасность. Он полагал, что надобно пригласить в гости доверенное лицо Елизаветы Петровны Лестока, напоить его допьяна и, зная его болтливость, выведать планы великой княжны.

Финч отклонил план Остермана, как и его предложение арестовать Лестока. В итоге события развивались без стороннего давления: ни правительница, ни Елизавета Петровна не предпринимали

никаких мер — правительница, чтобы упрочить свое положение, а Елизавета Петровна — чтобы лишить ее власти. Впрочем, судя по характеристике, данной Анне Леопольдовне Финчем, она не была способна к решительным действиям: «Не могу не признать в ней, — писал Финч в депеше, — значительной природной способности, известной пронизательности, чрезвычайного добродушия и гуманности, но она слишком сдержанна по темпераменту, многочленные собрания ее тяготят, большую часть времени она проводит в апартаментах своей фаворитки Менгден, окруженная родней этой фрейлины. На эту родню и преимущественно на саму фаворитку сыплются и все милости...»

Характеристику Анны Леопольдовны Финчем нельзя признать исчерпывающей, поскольку он не назвал по крайней мере два ее недостатка. Один из них, перекрывавший все ее достоинства, состоял в непомерной лени: она считала обременительным приводить себя в надлежащий вид после сна и нередко оставалась в течение дня в ночном наряде. Кроме того, она пребывала, как отмечал Шетарди, в постоянном страхе: «ей все кажется подозрительным».

Быть может, последнее свойство натуры Анны Леопольдовны и объясняет ее стремление иметь рядом с собой безгранично преданного человека, заслуживавшего полное доверие. Если учесть стремление Анны Леопольдовны избегать придворного общества с его светскими манерами, то станут понятными истоки ее близости к фаворитке Менгден.

Что касается фаворитки, то привязанность к ней правительницы чрезвычайно сильна и настолько велика, что страсть любовника к новой возлюбленной сравнительна шутке. Девицу Менгден нет оснований упрекать ни в склонности к интригам, ни в желании доставлять окружающим зло. «Она только заботится о собственном обогащении и вскоре будет чрезвычайно богатой, да расположена к фельдмаршалу Миниху, с которым состоит в близком родстве».

Иоганн Филипп Берг Портрет графа Андрея Ивановича Остермана

1730-е гг. Германия. Холст, масло. Коллекция семьи Подстаницких, Москва

Иной в глазах Финча выглядела Елизавета Петровна: она «чрезвычайно приветлива и любезна, потому ее лично очень любят, она пользуется чрезвычайной популярностью. За ней и то преимущество, что она дочь Петра I — государя, которого, быть может, боялись более, чем кого бы то ни было из его предшественников, но и любили более, чем кого бы то ни было. Любовь к нему особенно проявилась при его похоронах, когда страх перед ним естественно миновал».

Симпатии Финча, как видим, склонялись к Елизавете Петровне, хотя и она, по его мнению, на пути к трону имела два недостатка: «она не замужем и вряд ли обещает иметь детей... вследствие полноты» и приобретению ею короны препятствовал герцог Голштинский, имевший преимущественное право занять трон.

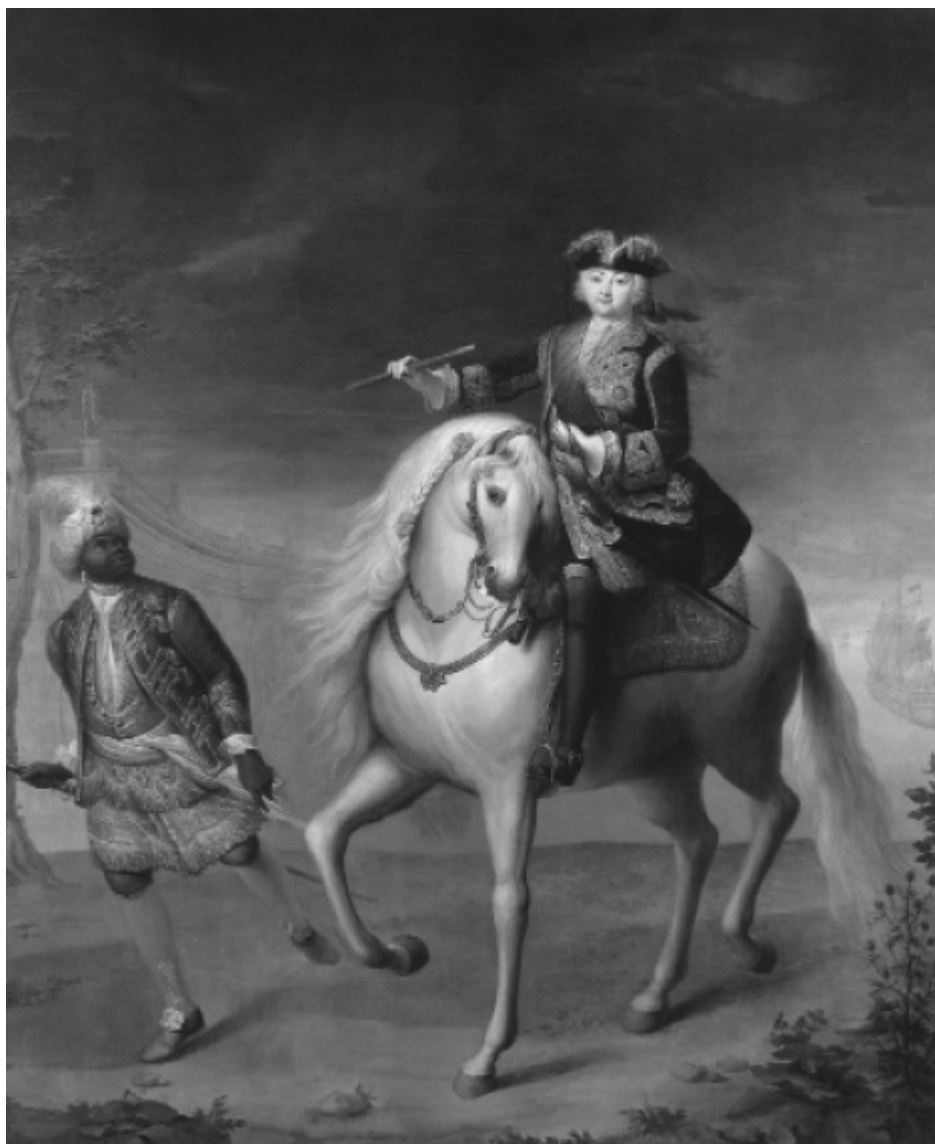
Финч не оставил без внимания и поведение Остермана в этой сложной обстановке при дворе: «Граф Остерман, чтобы обеспечить свое положение, всегда заботливо устраняет всех от тайн управления, оставляя людей совершенно чуждыми делу, а сам работал, как никогда не работал ни один каторжник».

Правительница Анна Леопольдовна удержалась на троне тоже недолго — год и два месяца и лишилась власти в результате переворота в пользу Елизаветы Петровны. Описание его не входит в мою

задачу. Отмечу лишь одно важное обстоятельство — судьбу Анны Леопольдовны разделил и Остерман, поскольку переворот был совершен под флагом борьбы с немецким засильем.

Остерману удалось оставаться на плаву в течение пяти царствований: Петра Великого, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и правления ребенка Иоанна Антоновича, и лишь при Елизавете Петровне он оказался в ссылке в том самом Березове, куда он 15 годами ранее упек А. Д. Меншикова.

Долголетнее пребывание у власти Андрея Ивановича тоже характеризует его как человека деятельного, умевшего сметать всех, кто ему перечил. Последней его жертвой был кабинет-министр А. П. Бестужев, которого он, по свидетельству Шетарди, «желая удалить от двора, обвинил его в приверженности к Бирону и происками заставил разделить опалу регента».

Неизвестный художник Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны

XVIII в. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Скорее всего, Андрею Ивановичу удалось бы сохранить свое положение и в дальнейшем, если бы правительница прислушалась к его совету о том, чтобы предупредить переворот, но легкомысленная правительница оставила советы Остермана без внимания. Анна Леопольдовна все еще находилась под впечатлением недавно состоявшейся беседы с Елизаветой Петровной, которая убедила правительницу в том, что она твердо будет блюсти верность присяге, данной императору Иоанну Антоновичу. Разговор

завершился тем, что обе собеседницы пролили слезы умиления и вышли из покоев, где он происходил, с возбужденными лицами. За легкомыслие Anne Леопольдовне довелось заплатить дорогую цену, положившую конец не только ее правлению, но и немецкому засилью в России.

Заключение

Кто же виноват в том, что Россией на протяжении свыше 13 лет управляли немцы, кто должен отвечать за установление в стране режима немецкого засилья?

После изложенного выше текста ответить на этот вопрос не трудно — виновницей появления и утверждения в России режима немецкого засилья является герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, волею случая оказавшаяся на императорском троне.

Дело в том, что Анна Иоанновна, став супругой герцога Курляндского, спустя несколько недель после свадебных торжеств, на пути в столицу герцогства Митава, овдовела (1710). По воле Петра Великого в России утвердилась традиция заключать брачные союзы, руководствуясь не чувствами, а политическими соображениями. Петр велел племяннице продолжать путь в Митаву, где она должна была два десятилетия (1710–1730) владеть жалкую жизнь. Жалкую, потому что для курляндского дворянства она являлась чужеродной персоной, подвергавшейся унижениям, — курляндский сейм выделял на содержание герцогини столь ограниченную сумму, что ее двору доводилось терпеть материальные лишения. Вместе с тем жизнь Анны Иоанновны за рубежом из года в год ослабляла связи Анны Иоанновны с Россией. В итоге она не имела в России своей «партии», то есть группы лиц, на которых она могла бы опереться в случае, если бы оказалась на императорском троне.

Отсутствие у Анны Иоанновны опоры в России послужило одним из оснований для избрания ее императрицей — «верховники» полагали, что при сложившейся в стране ситуации Анна Иоанновна, лишенная самодержавия, будет послушно выполнять их волю, но просчитались: за предоставление императрице всей полноты самодержавной власти выступила основная масса шляхетства, чем лишила его надежды на успех в реализации своих планов. Таким образом, «верховники» сами создали условия для возникновения и утверждения в правящей элите немецкого засилья — не располагавшая во время восшествия на престол организованной опорой, вынуждена была опереться на своего фаворита Бирона и на немца Остермана, фактического руководителя Кабинета министров, на Миниха, в руках которого находилось управление армией, поскольку он занимал пост главнокомандующего вооруженными силами и президента Военной коллегии, президента Коммерц-коллегии и десятки немцев, занимающих менее значительные должности прежде всего в армии и на флоте.

У историков нет оснований подозревать немцев на русской службе в измене, но уже то обстоятельство, что они занимали ключевые и высокооплачиваемые должности и фактически правили страной, вызывало раздражение и протест русских вельмож. Именно поэтому положение немцев при дворе оказалось непрочным. Его еще более ослабляло соперничество членов «триумvirата», готовность погубить друг друга. Остерман находился в непримиримой вражде с Минихом, оба они втайне ненавидели Бирона, позиции которого после кончины Анны Иоанновны ослабели настолько, что позволили фельдмаршалу Миниху без труда арестовать регента Бирона и отправить его в отдаленный сибирский город Пелым.

Через некоторое время из «триумvirата» выбыл и человек, свергнувший регента Бирона, — фельдмаршал Миних. Он сам оказался виновником собственного падения: был недоволен тем, что правительница Анна Леопольдовна пожаловала звание генералиссимуса, на которое он претендовал, не ему, а своему супругу. Миних в знак протеста подал челобитную об отставке, которая была, по совету Остермана, немедленно удовлетворена.

Казалось, что Остерман достиг заветной мечты — он избавился от соперников и стал полновластным хозяином Кабинета министров. Однако в действительности успех Остермана оказался эфемерным, во-первых, потому, что, избавившись от соперников, он не располагал прежней энергией, чтобы с присущей ему основательностью охватить все сферы управления страной; во-вторых, потому, что подагра подкосила его здоровье и он с середины 1730-х годов был прикован к постели, что ограничивало его возможности оказывать влияние на события придворной жизни.

Гравюра Л. А. Серякова по рисунку М.С. Знаменского Могила Андрея Ивановича Остермана в Березове

Всемирная иллюстрация. Т. 5. 1871. № 106. С. 32

Хотя Андрея Ивановича и не подвело чувство наступающей угрозы, предотвратить эту угрозу он оказался не в состоянии — в ночные часы 25 декабря 1741 г. наступил конец в его карьере — переворот в пользу Елизаветы Петровны произошел под лозунгом протеста против немецкого засилья. Остерман оказался в Березове, где и скончался.

Библиография

Источники

1. История шведской войны. М., 2004. Т. 1.
2. Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. I.
3. ПСЗ. Т. 7. № 4830.
4. РИО. Т. 15. СПб., 1875.
5. Русское историческое общество (РИО). СПб., 1875. Т. 20.
6. РИО. СПб., 1875. Т. 49.
7. РИО. СПб., 1886. Т. 52.
8. РИО. СПб., 1882. Т. 58.

9. РИО. СПб., 1882.Т. 59.
10. РИО. СПб., 1889. Т. 66.
11. РИО. СПб., 1891. Т. 75.
12. РИО. СПб., 1897. Т. 79.
13. РИО. СПб., 1890. Т. 95.
14. РИО. СПб., 1893.Т. 81.
15. Собрание собственноручных писем Петра Великого и Апраксиных. М., 1811. Ч. 2.
16. Сын отечества. СПб., 1873. № 5. Ч. 184.
17. *Щербаков М. М.* О повреждении нравов в России. М., 1908.

Литература

1. *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой. СПб., 2005.
2. *Бартенев П. И.* Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2.
3. *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. М., 1880.
4. *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959.
5. *Соловьев С. М.* История России. М., 1993. Кн. 9–10.
6. *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909. Ч. 1.
7. *Фейгина С. А.* Аландский кризис. М., 1959.

Приложение № 1.

Образец документов Верховного тайного совета

№ 151 Протокол Верховного тайного совета 21 марта 1727 г.

1727 г. марта в 21 день, Ее Императорское Величество указала по прошению малороссиянина харьковского полковника Прокофия Куликовского сына его Юрия поступному за деньги селу Боркам с угоди от харьковской старшины и знатного товариства, которое уступлено отцу его, Юрьеву, Прокофию, быть по той уступке за ним, Юрием, вечно. А на взятые у Прокофия Куликовского за село Борки в полке деньги, ежели к тому полку потребно купить иную деревню и для подтверждения того владения дать ему жалованную грамоту из Сената и о том в Сенат послать указ.

Подлинный подписали: *Александр Меншиков. Генерал-адмирал граф Апраксин. Канцлер граф Головкин. Граф Петр Толстой. Князь Дмитрий Голицын. Василий Степанов.*

Подписан марта 23 дня 1727 году.

Приложения

I. Письмо А. Макарова — В. Степанову

Благородный господин штацкой действительный советник.

Бил челом Ее Императорскому Величеству малороссиянин Юрий Куликовский, чтоб данную за службы отца его харьковского полковника Прокофия Куликовского брату его Юрьеву Константину (который в 1719-м году запорожцами убит) маетность за рекою Можею, на крымской стороне, сельцо Борки

пожаловать утвердить за ним вечно, за службы отца его и за смерть брат??, также что отец его выехал при князе Воложском в службу, а никакого награждения против своей братии, выехавших вместе с ним, не получил, дабы он Юрий с матерью своей и с братьями мог иметь пропитание. И Ее Императорское Величество указала тое его челобитную купно с справкою, которая взята из высокого Сената, отослать в Верховный тайный совет, по которой при собрании изволите доложить, чтоб изволили учинить резолюцию, а ежели паче чаяния не можно будет учинить резолюцию, о том доложить Ее Императорскому Величеству тогда, когда Ее Величество изволит присутствовать.

Слуга ваш Алексей Макаров.

В 9 день ноября 1726.

II

Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская.

Бьет челом бывшего харковского полковника Прокофья Куликовского с матерью своею и с братьями сын его Юрий Куликовской, а о чем, тому следуют пункты.

1. В намерении хотящей быть баталии между священнойшею Российскою империею и турецким султаном под Прутом, от господаря волоского князя Димитрия Константиновича Кантемира, отец мой Прокофей Куликовской из Волоской земли ездил многократно во всех тайных советах и важных интересах о зачати той акции блаженныя и вечнодостоинныя памяти к Его Императорскому Величеству в Москву, желая из-под ига бусурманского славнопобедным Вашего Императорского Маэстата оружием освободиться и быть под Самодержавнейшею Вашего Императорского Величества рукою в верной службе. В которых важных делах отец мой от турецкой Порты хотя и имел великое опасение в потере жизни своего и нас детей своих, но без сожаления служил верно Вашему Императорскому Величеству, так же как и в самой баталии при полку своем.

2. И по замирении Его Императорского Величества с турецким султаном отец мой, оставя свое отечество и все свое имение нерушимо движимое и недвижимое, по все милостивейшему Его Императорскому Величеству повелению, выехал с нами детьми своими в службу Вашего Императорского Величества при помянутом князе волоском с прочими чиновными волохи, о которых чужестранстве милосердуя, всех нас при помянутом князе выежжих пожаловал и повелел дать на пропитание деревни бывшего генерала Шидловскаго, и на оные подтвердителные жалованные грамоты в вечное владение непоколебимо, из которых деревень отцу моему за его службы против других своих братий не пожаловано.

3. В прошлом 712 году по именному Его Императорского Величества указу за известные верные службы отец мой пожалован был полковником в Харьковской полк (не вместо деревни, но за знатные его службы) и дан ему патент и по самом кратком времени умре. А при полковничестве во время приходу слобочких полков под городами неприятелей крымских татар, отец мой того полку с козаками имел с оными неприятелями бой, на котором со всяким старанием верности, щастием Вашего Императорского Величества, по разбитии оных неприятелей, отбили у них из полону пленных многое число Российской Империи народа с женами и детьми, и многих татар побили и в полон побрали не малое число.

4. А по скорой смерти отца нашего, не имея прокормления бил челом блаженным и вечнодостоинныя памяти Его Императорскому Величеству брат мой родной и в прошлом 718 году имянным Его Императорского Величества милостивым указом пожаловано брату моему родному Константину селцо Борки с принадлежащими угодьями на пропитание за службы отца нашего в Харьковском полку. А в прошлом 719 году изменники запорожцы, пришед воровски Харьковскому полку под села и деревни и учиня не малое

грабительство тамошним жителем и нам, ушли, и в то время он, брат мой, с казаками, стоящими на фарпостах, был в погоне и от оных изменников убить.

5. В прошлом 722-м году бил челом Вашему Императорскому Величеству я, всеподданнейший раб, в высоком Сенате о подтверждении оног селца мне по убийстве брата моего, чтоб повелено было дать в вечное владение и подтвердить жалованною грамотою, как и другим нашим братьям даны, а ныне высокой Сенат без имянного Вашего Императорского Величества указу то чинить не смеет и доложить Вашему Императорскому Величеству не благоволит, отчего я, сирый, с убогою матерью моею и с братьями лишенный помилования, уже за оным делом таскаюсь четвертый год, а ныне отказали и велели бить челом Вашему Императорскому Величеству.

Того ради, припадая, к стопам неизреченного милосердия Вашего Священнейшаго Величества, Всемиловитвейшей Государыни Нашей Императрицы, слезно прошу, да благоволит Самодержавство Ваше за вышеобъявленные отца моего к Вашему Величеству верные и радетелные службы, и за смерть брата моего, ради Своего многолетнего здоровья и ради поминовения блаженныя и вечнодостояныя памяти Его Императорского Величества Нашего Всемиловитвейшаго Государя и ради выезде чужестраннаго вдовства матери нашея и нас всебедных сирот, под протекцию Вашего Императорского Величества пришедших, на пропитание наше помянутое селцо Борки со всеми принадлежностями к нему угодьи, как владел преж сего Иван Захаревской, по тем межам и граням, как межовал то селцо к полку Харьковскому волуйской комендант Иван Константинов сын Мякинин, пожаловать в вечное потомственное владение нам, неимеющим других пожитков, ни имений, по прежнему Его Императорского Величества имянному указу, и повелеть дать мне на то для подтверждения жалованную грамоту, как и протчим нашей братьи выежжим, чтоб нам, всебедным сиротам, чужестранцам, лишившимся отечества и всех добр наших, было пропитание и не скитаясь по чужим дворам, иметь бы чем службу Вашего Императорского Величества служить с братьями моими:

Всемиловитвейшая Государыня Императрица прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении милостивое решение учинить. К сему прошению Юрья Прокофьев сын Куликовской руку приложил.

III

В кабинет Ея Императорского Величества из высокого Сената потребно известие: на крымской стороне за речкою Можеею селцо Борок харьковскому полковнику Прокофью Куликовскому как досталось, и по смерти ево сыну ево Константину Куликовскому каким указом и вечно в род отдано и сколько в том селе дворов и с них доходов.

Подисал: кабинетной подячей Василей Федоров.

В 24 день мая 1726 году.

IV. По справке в высоком Сенате

В прошлом 1724 году в августе месяце бил челом в Сенате бывшего харьковского полковника Прокофья Куликовского сын Юрья Куликовской.

В 1712 году по имянному Его Императорского Величества указу пожалован отец ево в харьковской полке полковником, и в 713-м году того полку старшина взяли у отца ево на полковые нужды денег 200 руб., за которые ему поступились за рекою Можеею, на крымской стороне, на вершине полевой речки Джгуне селцо Борки с принадлежностями во владение до указу Императорского Величества, и дали на то селцо за руками поступное письмо.

И в том же 1713-м году отец ево умре, а по смерти ево в 718 году бил челом Императорскому

Величеству ево Юрьев большой брат Константин Куликовской, чтоб за службы отца их то селцо Борки отдать им в вечное владение, но которому челобитью для владения тем селцом с принадлежностями дан им имянной указ на одно толко имя брата ево Константина. И в 1719-м году оной брат ево Константин в походе от запорожцов убит, и по смерти де брата ево харковской полковник Квитка и того полку старшина от владенья того села ему, Юрью, с матерью отказывают и чинят немалыя обиды, и чтоб за службы отца ево помянутое село со всеми принадлежностями укрепить им в вечное владение.

И при том прошении объявил он, Куликовской, на оное селцо Борки от харковской старшины и знатного товариства за руками их поступное письмо, да указ за рукою господина генерала-адмирала и ковалера графа Апраксина, в которых написано.

В письме 713 году генваря 9 числа:

Харковская старшина и все знатное и посполитое товариство всем полком заняли у полковника Прокофья Куликовского на полковые нужды денег 200 руб., и за те денги определили ему доброволно про обиход на ево полковничей двор в маетность за рекою Можью, на крымской стороне, на вершине полевой речки Джгуне селцо, прозываемое Борки с принадлежащими к нему угоди, кое было поселил без указа собою Иван Захоревский на полковой земле, и в 712-м году волуйским камендантом Иваном Мякиным отмежевано к тому полку во владение до указу Императорского Величества, а им старшине и знатному и посполитому товариству о том селце никаким образом не спорить и на него, Куликовского, не бит челом.

В указе, писанном к харковскому полковнику 718 году июня 5 дня:

Бил челом Императорскому Величеству бывшего харковского полковника Прокофья Куликовского сын Константин Куликовской, что харковской полковник данного ему на крымской стороне за рекою Можею, на вершине полевой речки Джгуне селца, зовомаго Борков, со всеми принадлежностями (как прежде сего владел Иван Захаревский), многими пашенными землями и санными угоди отняв, владеть не велит, и среди лесу ево поселил свою слободу и поданным ево Куликовского чинит многие обиды, отчего де подданные ево розорилис и разошлис врознь, и чтоб за верные службы отца ево то селцо Борки со всеми к нему принадлежащими и завладеванными угоди отдать ему в вечное владение по прежнему, и обид бы ему, Куликовскому в винтер-квартирах чинить было запрещено. По которому ево прошению Его Императорское Величество указал имянным Своим повелением послать к харковскому полковнику с старшиною указ, дабы они данной ево деревни не отнимали и велели владеть, как обычайно владеют в полку харковском другая старшина, и никаких обид и излишних тягостей ему не чинили.

А сколько в том селе подданных дворов и с них доходов, о том в Сенате известия нет.

Подлинное подписали:

Секретарь Семен Моисеев.

Копиист Василий Леонтиев.

Маия 27 дня 1726 году.

V

Всепресветлейшая, Державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская.

Бьет челом бывшего харковского полковника Прокофья Куликовского сын ево Юрья Куликовской, а о чем, тому следуют пункты.

1) Вашему Императорскому Величеству бил челом я, низжайший, о селце Борках, которое имянным блаженныя и вечнодостоинья памяти Его Императорского Величества указом пожаловано брату моему, как именно в оном поданном моем прошении показано.

2) И по тому моему прошению и поныне резолюции не учинено.

3) Дабы повелено было указом Вашего Императорского Величества по прежнему и по сему моему прошению учинить решение, а ежели за чем невозможно будет оное селцо Борки отдать мне, низжайшему, то пожаловать мне вместо того селца за известные службы отца моего в Ахтырском полку описное селцо, прозываемое Новая Рябина бывшего полковника ахтырского Ивана Перекрестова в вечное владенье со всеми принадлежностями и всякими угоды по урочищам и граням, как владел помянутой Перекрестов, а помянутое селцо Борки взять на Ваше Императорское Величество, и сие сообщить с прежним моим прошением.

Всемиловитейшая Государыня Императрица, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. *К сему прошению Юрья Куликовской руку приложил.*

РИО. Т. 63. С. 381–385.

Приложение № 2.

Образцы документов Кабинета министров

Входящее марта 26 дня 1734 года

Письмо гг. министрам графа Салтыкова, и при том ведомость, коликое число, по генералитетскому свидетельству, в украинских деревнях, в селе Ивановском, присутствующих, положенных и неположенных в оклад, душ.

Реляция генерал-фельдмаршала графа фон Минниха от Гданска, марта от 12 и 15 чисел.

Репорт от 15-го марта генерала Лесия — о получении указа о пожаловании бывшего при нем генеральс-адъютантом Риддера в подполковники, а на его место генеральс-адъютантом Георгия Лесия; репорт его-ж, генерала Лесия, о получении указа о взятии из Кенигсберга к полкам обуви и о даче прибавочнаго, сверх окладнаго, жалованья регулярным и нерегулярным войскам.

№ 45. Входящее марта 27 дня

Доношение полковника Шамардина и при том экстракты из следственных торопецких дел.

Репорт от военной коллегии — о выданных из оной коллегии деньгах, взятых за продажныя пожитки, по смерти генерал-лейтенанта Шверина, 540 р. 34 1/2 к., гофмейстерин Адеркас; репорт от военной-же коллегии, сколько в украинских магазейнах провианта имеется на лицо, и при том табель порознь по магазейнам.

Журнал марта 28 дня

По приказу гг. министров отдано в Сенат доношение Астраханскаго губернатора Измайлова, полученное сего марта... дня, с приложениями, на посланный указ, каким образом, за недостатком казенных судов, для перевозу из Астрахани в заморския крепости провианта вольные подрядчики подряжаются и по чему просят и наперед сего за то им давано, и при том приказано, чтоб, справясь в Сенате с прежними о том определениями, по оному рассмотрению и надлежащее определение учинено было без замедления, понеже вешнее время уже настало; а ежели что к лучшему способу из того усмотрено будет, чего Сенату решить будет невозможно, тоб представили в Кабинет со мнением.

О вышеписанном приказано чрез секретаря Невежина.

Марта 28-го дня, от гг. министров отдана ведомость, поданная из военной коллегии, о подряде в Москве на кирасирские полки штандартов и прочей амуниции с показанием, по чему на первый Миннихов полк такие-же вещи в немецких краях куплены, а оный здешний подряд показан дешевле и оные штандарты ко двору, для показания, из той коллегии приношены были и при том объявлено, что по той ведомости сего числа Ея И. В-ву докладовано, которые (sic) изволили указать оные подряжать, о чем приказано в той коллегии той ведомость отдать, чтоб против того подряжали, которая и отдана с тем приказом чрез секретаря Илью Алексеева, марта 29 дня.

Входящее марта 28 дня

Репорты из Святейшаго Синода, с присутствующими конторами, о решении дел в феврале месяце сего 1734 г.

Репорты из Риги от вице-губернатора Балка: о получении указа, от 18-го марта, об отпуске артиллерийских припасов и обуви и холстов морем до Пилау; об осмотре вверх Двины-реки форпостов и о привозных в Ригу из Москвы мундирных и амуничных вещей и с вечной квартиры денег, и о приводных рекрутах; о получении указа, от 16 марта, о вспоможении в отправлении провианта на наемных судах до Пилау.

Репорт из Риги коменданта Лукина — о прибылой в Ригу из Москвы обуви и о холстах на кирасирский полк, и о присланных из Митавы больных и о приводных рекрутах.

Репорт генерал-директора экономии Фелькерзама — о получении указа, от 16-го марта, об отправлении из Риги провианта, муки, и круп, и вина до Пилау на наемных судах.

Репорт его-ж — о выданных, по указу, подполковнику фон Виттену на прогоны и на проезд до Гданска 150 червонных.

Приложения от 28 марта

I. Именной указ полицеймейстерской канцелярии о скорейшей постройке каменных домов в Санкт-Петербург-ге обывателям в местности, означенной в указе.

Указ Нашей полицеймейстерской канцелярии.

Указали Мы от старого почтового двора до адмиралтейства, по задней линии, у которых обывателей каменные дома построены на Набережную линию, а назади имеется деревянное строение, тем строить и на большую улицу каменная-ж палаты в немедленном времени, и начать то строение, кончая нынешним летом; и для того оных дворов владельцам объявить сей Наш указ, с подписанием рук их. И повелеваем Нашей полицеймейстерской канцелярии учинить о том по сему Нашему указу.

Анна. Марта 28 дня 1734 г. (Арх. Сен., кн. XXVIII, л. 8).

II. Именной указ Сенату о пожаловании адъюнкта Академии наук Г. Ф. В. Юнкера профессором той-же Академии.

Пожаловали Мы Академии наук адъюнкта Готлиб-Фридрих-Вильгельма Юнкора (Юнкера) при той-же Академии наук профессором, с надлежащим по тому чину жалованьем. И повелеваем Нашему Сенату, куда надлежит, послать о том Наши указы.

Анна. Марта 28 дня 1734 г. (Ibid. Кн. 41. 107).

III. Высочайше утвержденный доклад Сената о вознаграждении Карла Селе, за конфискованную, в числе прочих имений кн. Меншикова, но принадлежащую ему часть мызы Саге в Эстляндии.

Ея И. В-ву, Самодержице Всероссийской, всеподданнейшее доношение из Сената.

В 1727 г. в Сенате ревельский житель, золотого дела мастер Карл Магнус Селле бил челом об отдаче ему закладной его части в мызе Саге, которую у него отнял бывший князь Меншиков, и оная челобитная, для рассмотрения и учинения указа, отослана в эстляндский обер-ландгерихт и велено по тому делу указ учинить, как указы повелевают.

И по оному указу сентенциею обер-ландгерихта определено, понеже онаго Селле жены его, первому мужу эльтерману Данилу Шульцу, в 1703 г. за 811 ефимков в мызе Саге четыре крестьянские гаки отданы, которыми и жена его по 1716 г. владела, а в том году барон и гакенрихтер Икскуль-Гильденбант в той-же мызе Саге то число, что ему принадлежало, продал князю Меншикову, а Меншиков и Шульцевою дачею завладел неправо, того ради присуждено оному Селлю его под мызою Саге имевшую дачу, по прежнему, во владение отдать, а за неполученные по 1729 г. свершки, за 583 ефимка 22 коп., и за имевшие во многих годах убытки, которые, по силе прав, в 250 ефимков положены, из помянутой-же мызы Саге за ним отказать толикое число, сколько по земскому обыкновению надлежит.

А эстляндский губернатор фон Левен представлял:

Хотя в мызе Саге прежняя дача и неполученные доходы оному Селлю по правам принадлежат, точно оная мыза ныне публичная и доходы собираются в казну Вашего И. В-ва, и ежели ему в ней прежняя дача возвращена и вновь еще дача-ж учинена будет, то короне от нея никакой пользы не будет, ибо, по тамошнему обыкновению, жилые гаки 200, а пустые в 100 ефимков ценою кладутся и потому отойдет оная мыза Саге вся и корона лишится годового сбора 140 ефимков и больше, к тому-ж оная мыза отдана генерал-майору фон Манштейну на аренду на 12 лет и тем контракт нарушится, отчего и оному арендатору будет обида.

И того для признал он Вашего И. В-ва интересу за прибыльнее и оному челобитчику Селлю способнее, чтоб отдать прежнюю его из той мызы дачу натурою, а присужденные ему свершки, 583 ефимки, выдать из казны, а за убытки его, 250 ефимков, взыскивать-бы умершаго Икскуль-Гильденбанта на наследниках, понеже оные протори и убытки учинилися ему, Селлю, с начала от оных наследников, и таким образом не отойдет та мыза Саге вея, но доходы будет собираться в казну по прежнему, и оному Селлю будет учинено надлежащее правосудие, а пребывает-де он, Селле, в нужде, да и кредиторы его ищут на нем долгов, а платить ему нечем. И о том требовал указа.

А в Сенате показанный Селле бьет челом: вышписанного своего капитала 1644 ефимков и с того капитала свершков лишился он поныне, отчего он в великие долги и в крайнее разорение и нищету пришел.

И чтоб обер-ландгерихтское решение подтвердить и с онаго капитала надлежащие, по эстляндским правам, свершки ему выдать-же.

А в 1724 г., по именному указу дяди Вашего И. В-ва, блаж. и вечнодостоиня памяти государя императора Петра Великого, велено в завоеванных от шведов провинциях, которая коронная публичная маетности в закладе от короля шведскаго и шляхетства и оная у заимодавцев выкупить на казенные деньги и доходы со оных собирать в казну.

Того ради Вашему И. В-ву Сенат всеподданнейше доносит, что князя Меншикова все движимыя и недвижимыя имения взяты на Ваше И. В-во, в том числе и вышписанная мыза, коя ныне состоит публичною, и хотя, по правам и по указам Вашего И. В-ва, оному Селлю из той мызы Саге прежнюю его дачу возвратить и надлежит, но однако-ж, не соизволит ли Ваше И. В-во, по силе вышписанного 1724 г. указа, выдать ему, как за ту его дачу, так и свершки деньгами, а той его даче быть с публичными мызами и арендные доходы собирать в казну; а что губернатор фон Левен мнением преставляет, что показанные убытки 250 ефимков взыскивать умершаго Икскуля-Гильденбанта на наследниках, для того, что-де те

убытки учинились ему, Селлю, с начала от оных наследников, но по следствию и решению эстляндского обер-ландгерихта явно, что означенный Икскуль-Гильденбант токмо настоящую свою в той мызе часть оному Меншикову продал, а его, Селлевою, дачею завладел он, Меншиков, сильно, и потому те убытки учинились от него, Меншикова, а Иксжиллевою и наследников его вины не признается. А ныне та мыза Саге, купно с его, Селлевою, дачею, состоит публичною и всякие с нея доходы, по отписке у Меншикова, собираются в казну Вашего И. В-ва. Того ради не соизволит ли Ваше И. В-во, по силе обер-ландгерихтского решения, всемилостивейше указать за те убытки ему, Селлю, выдать деньгами-ж.

И о том Сенат требует Вашего И. В-ва всемилостивейшаго указа.

Князь И. Трубецкой, Григорий Чернышев, князь Ю. Трубецкой, барон Петр Шафиров, Александр Нарышкин, обер-секретарь Матвей Козмин.

Учинить по сему представлению.

Анна. Подписана резолюция марта 28 дня 1734 г. (Ibid. Л. 104–105 и обор.).

IV. Высочайше утвержденный список недорослей, определенных, по смотру в Кабинете, на службу и в школы.

Реестр представленным от герольдмейстера шляхетским недорослям, которых, по смотру в Кабинете, определить по нижеписанному росписанию: в гвардию в солдаты — Ивана Иванова сына Юренева, Ивана Степанова сына Головина; в инженерную школу — Игнатия Михайлова сына Сназина, Володимира Иванова сына Назимова; в кадетский корпус — Петра Иванова сына Назимова.

Итого пять человек.

Учинить по сему. Марта 28 дня 1734 г. (Ibid. Л. 106).

V. Именной указ, объявленный штатс-конторе А. Масловым, о дозволении выдавать, из доимочных сумм, деньги обер-гофкомиссару Либману, с посылкою ныне его прикащику в Москве Давыду Исакову ассигнации на 10 т. рублей.

Государственной штатс-конторе.

Имею я указ Ея И. В-ва, за подписанием Ея В-ва собственной руки, о выдаче обер-гофкомиссару Либтману (Либману) некоторой суммы из доимочных денег ведомства моего, которая хранятся в штатс-конторе, а ныне оный Либтман требует, чтоб в платеж той суммы выдать на Москве прикащику его Давыду Исакову 10,000 руб.; того ради государственная штатс-контора да благоволит о выдаче той суммы на Москве вышеозначенному прикащику его Исакову послать ассигнацию.

Анисим Маслов. Марта 29 дня 1734 г. (Ibid. Кн. LXXXIV, Л. 25).

VI. Копия именного указа, подписанного кабинет-министрами, артиллерийскому советнику Томилову о скорейшей нагрузке на суда артиллерии в г. Ревеле, на основаниях преподанных в указе.

Марта 29 дня 1734 г.

Указ Ея И. Величества из Кабинета артиллерийскому военному советнику Томилову.

Понеже сего марта от 25 дня в адмиралтейскую коллегия определенный для отвозу артиллерии от флота офицер из Ревеля репортовал, что-де к тому отправлению морския суда в готовности состоят, токмо артиллерия с станками, хотя и с поспешением исправляется, меньше 2-х недель в совершенство придти не может; того ради данный вам, при отправлении отсюда, Ея И. Величества указ чрез сие накрепчайше подтверждается, что имеете вы оную артиллерию с припасы, погрузя в суды, от прибытии вашем в Ревель, кончая в три дни без всякаго отлагательства, и ежели-б оная до получения сего, за неисправлением станков и оковки, еще к тому отпуску в готовности не была, то потому-ж велеть погрузить, сколько онай

изготовлено, а чего еще сделать не могли, то, не ожидая достальвых станков и оковки, положить на те суда деревянных и железных припасов и запас, ежели сколько потребно, железа и дерева и отправить, кончая по получении сего указа того-ж числа, под опасением Ея И. Величества гнева.

По именному Ея И. Величества указу...

Подписали гг. министры. Марта 29 дня 1734 г. Отправлен чрез штафет того-ж числа (Ibid. Кн. 71. Л. 38 и об.).

№ 46. Входящее марта 30 дня

Доношение из Митавы камергера князя Голицына — о получении им от генерал-майора Измайлова доношения и об отправлении онаго для посылки в С.- Петербург, и при том письмо о том-же.

Доношение из Митавы-ж полковника Бандемира — о благополучном состоянии в Митаве и Курляндии, и где обретается в марше генерал-майор Бисмарк, и о приводных из Новгорода драгунских лошадях, что на оные камергер князь Голицын его-ж, графа Салтыкова, об отправленных от него указах Смоленскому вице-губернатору Козловскому и в Киев к генералу графу фон Вейсбаху и о посылке от него, генерала, в С.- Петербург репортов.

Репорт генерала графа фон Вейсбаха, какия, по его ордерам, предосторожности генерал-майор Кейт учинил; репорт от него-ж, генерала графа фон Вейсбаха, о получении указа от 21-го февраля о набеге татарском, и об обнадеживании запорожцев, и о крымских движениях, и при том письмо запорожского атамана, и о драгунских лошадях.

Доношение его-ж, Вейсбаха, о подтверждении предосторожностей от набегов ногайской татарской орды к границам и при том письмо запорожского атамана.

Доношение из Смоленска вице-губернатора князя Козловскаго: по ведомости из Горы-Горок о противнике Оршанском, старосте Иезофовиче, что он намерен идти к Горкам, а из Смоленска-де, за малолюдством, против него послать некого.

Репорт из Риги вице-губернатора Балка — о прибылых из Новгорода в Ригу драгунских 272 лошадях, которыя отправятся в Митаву.

Репорт из Риги-ж бригадира Лукина — о тех-же приведенных драгунских лошадях и о приводцах.

Репорт генерала, экономии директора Фелькерзама — о получении указа от 12-го марта о нанятии судна для перевозу артиллерии до Пилау, которое и нанято, токмо ныне за льдом вести невозможно.

Входящая марта 26 дня

Письмо гг. министрам графа Салтыкова, и при том ведомость, коликое число, по генералитетскому свидетельству, в украинских деревнях, в селе Ивановском, присутствующих, положенных и неположенных в оклад, душ.

Реляция генерал-фельдмаршала графа фон Минниха от Гданска, марта от 12 и 15 чисел.

Репорт от 15-го марта генерала Лесия — о получении указа о пожаловании бывшего при нем генеральс-адъютантом Риддера в подполковники, а на его место генеральс-адъютантом Георгия Лесия; репорт его-ж, генерала Лесия, о получении указа о взятии из Кенигсберга к полкам обуви и о даче прибавочнаго, сверх окладнаго, жалованья регулярным и нерегулярным войскам.